6 Х
592

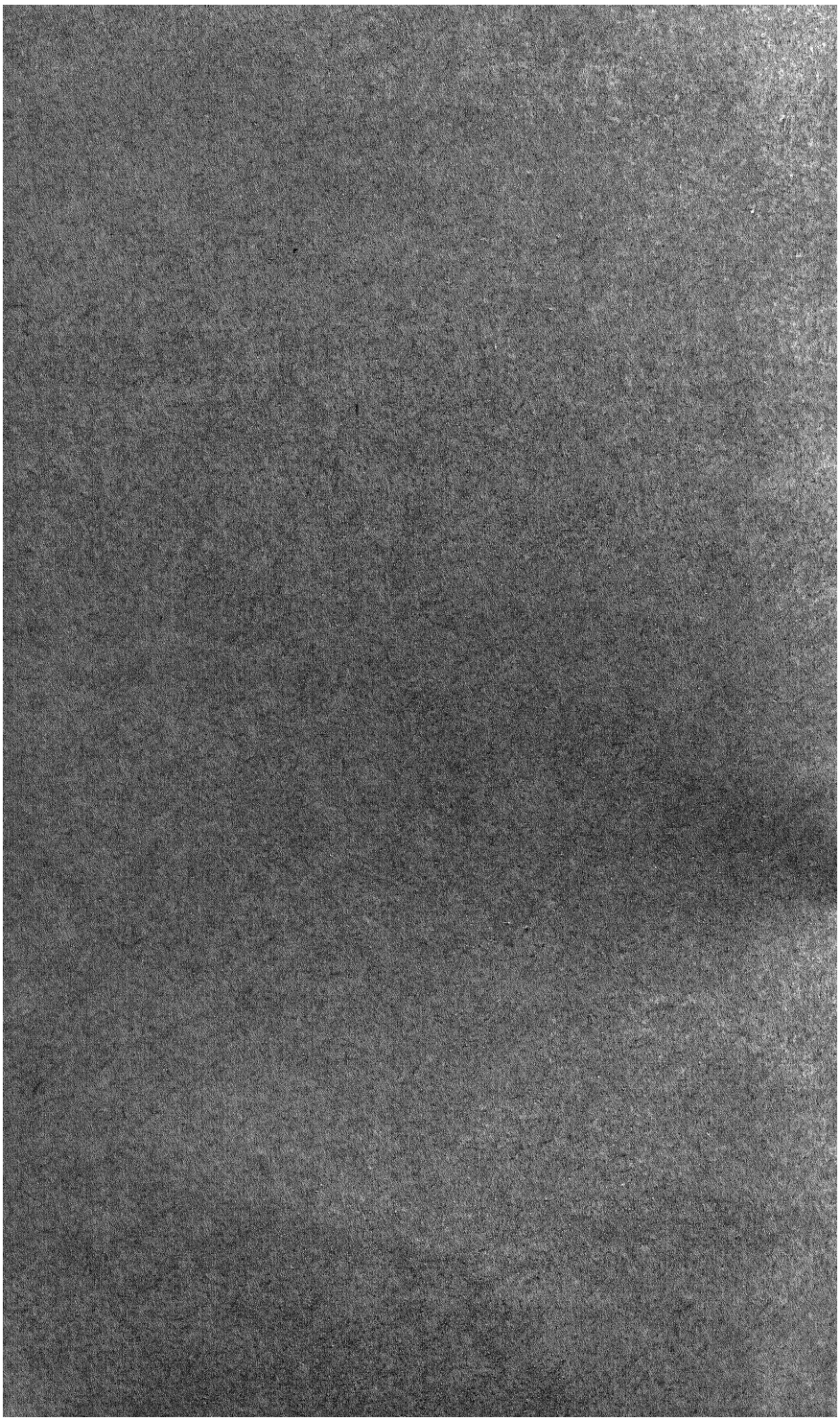
ПИСЬМА

Епископа Игнатія (Брянчанинова)

КЪ РАЗНЫМЪ ЛИЦАМЪ.

Выпускъ I.

Сергіевъ Посадъ.
Типографія Св.-Тр. Сергіевой Лавры.
1913.



ПИСЬМА

Епископа Игнатія (Брянчанинова)

КЪ РАЗНЫМЪ ЛИЦАМЪ.

Выпускъ I.

Сергіевъ Посадъ.

Типографія Св.-Тр. Сергіевой Лавры.

1913.

ВХ
597

БИБЛИОТЕКА
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ
217188

Письма Епископа Игнатія (Брянчанинова) къ разнымъ лицамъ [1]).

I письмо

къ нѣкоторому Священно-иноку, находящемуся въ скорбныхъ обстоятельствахъ.

Признаю себя недостойнымъ той довѣренности, которую Вы мнѣ оказываете. Когда человѣкъ во время скорби своей обращаетъ взоры на кого-нибудь, съ довѣренностію простираетъ къ нему руки, проситъ помощи: это значитъ—предполагаетъ въ немъ духовную силу. Духовной силы не имѣю. Я окованъ цѣпями страстей, нахожусь въ порабощеніи у нихъ, вижу въ себѣ одну немощь. Но проведши всю жизнь въ страданіяхъ, почитаю состраданіе страждущимъ священнымъ моимъ долгомъ. Только изъ этого побужденія пишу къ Вамъ; только въ этомъ отношеніи сочтите письмо мое достойнымъ вниманія Вашего: примите его какъ откликъ души, участвующей въ Васъ. Въ одиночествѣ, въ скорби, и ничтожное участіе—пріятно.

При нынѣшнихъ обстоятельствахъ человѣческіе пути къ вспоможенію Вамъ—заграждены. Таково мнѣніе, не только мое, но и тѣхъ, знающихъ Васъ и помнящихъ, съ которыми я счелъ полезнымъ посовѣтоваться. Нельзя уклониться ни направо, ни налѣво: надобно по необходимости идти путемъ тѣснымъ и прискорбнымъ, который предъ Вами внезапно открылся по неисповѣдимымъ судьбамъ Божіимъ.

Такое положеніе мнѣ не незнакомо. Не разъ я видѣлъ полное оскудѣніе помощи человѣческой; не разъ былъ предаваемъ лютости тяжкихъ обстоятельствъ; не разъ я нахо-

---

[1]) Печатается по копіи, повидимому, подготовленной къ печати самимъ Авторомъ писемъ и найденной въ архивѣ его, доставшемся Сергіевой пустыни.

дился во власти враговъ моихъ. И не подумайте, чтобъ затруднительное положеніе продолжалось какое-нибудь краткое время. Нѣтъ! такъ протекали годы; терялось тѣлесное здоровье, изнемогали подъ тяжестію скорбнаго бремени душевныя силы, а бремя скорбей не облегчалось. Едва проходила одна скорбь, едва начинало проясняться для меня положеніе мое, какъ налетала съ другой стороны неожиданная, новая туча,—и новая скорбь ложилась тяжело на душу, на душу, уже изможденную и утонченную подобно паутинѣ, предшествовавшими скорбями.

Теперь считаю себя преполовившимъ дни жизни моей. Уже видѣнъ противоположный берегъ! уже усилившаяся немощь, учащающіеся недуги возвѣщаютъ близость переселенія! Не знаю, какія бури еще предстоятъ мнѣ, но оглядываюсь назадъ,—и чувствую въ сердцѣ невольную радость. Видя многія волны, чрезъ которыя преплыла душа моя, видя опасныя мѣста, чрезъ которыя перенеслась ладья моя, радуюсь невольно. Сильные вѣтры устремлялись на нее; многіе подводные камни подстерегали и навѣтовали спасеніе ея,—и я еще не погибъ. По соображенію человѣческому погибнуть надо бы давно.—Увѣряюсь, что велъ меня странными и трудными стезями непостижимый промыслъ Божій; увѣряюсь, что Онъ бдитъ надо мною и какъ бы держитъ меня за руку Своею всемогущею десницею. Ему отдаюсь! пусть ведетъ меня куда хочетъ; пусть приводитъ меня, какъ хочетъ, къ тихому пристанищу „идѣже нѣсть болѣзнь, ни печаль, ни воздыханіе“. Вижу многихъ, называемыхъ счастливыми—и безъ цѣны для сердца моего жребій ихъ. Лежатъ мертвецы въ гробахъ мраморныхъ и деревянныхъ съ одинаковою безчувственностію: одинаково безчувственны они, какъ къ великолѣпному памятнику, воздвигнутому тщеславіемъ и невѣдѣніемъ христіанства, такъ и къ смиренному деревянному кресту, который водрузила вѣра и бѣдность. Одинаково они жертвы тлѣнія. Очень похожи на мертвецовъ земные счастливцы, мертвые для вѣчности и для всего духовнаго. Мертвыми нарекло ихъ Евангеліе. Возгласимъ славу Божію въ странѣ и обществѣ живыхъ!

Шествіе къ истинному знанію Бога непремѣнно требуетъ помощи отъ скорбей: непремѣнно нужно умерщвленіе сердца для міра скорбями, чтобъ оно могло всецѣло устремиться

къ исканію Бога. Богъ, кого отдѣляетъ въ ближайшее служеніе Себѣ, въ сосудъ духовныхъ дарованій, тому посылаетъ скорби [1]). Онъ, едва открылся Павлу, какъ уже опредѣляетъ ему въ удѣлъ страданія, возвѣщаетъ о нихъ. „Азъ скажу ему, елика подобаетъ ему о имени Моемъ пострадати“ [2]), говорилъ Господь о вновь избранномъ Апостолѣ! Люди, наносящіе скорбь, и скорбныя обстоятельства—только орудія во всемогущей десницѣ Божіей. Власы главъ нашихъ изочтены у Бога; ни одна изъ птицъ безсловесныхъ не падаетъ безъ воли Творца своего: неужели безъ этой воли могло приблизиться къ Вамъ искушеніе?—Нѣтъ! оно приблизилось къ Вамъ по попущенію Бога. Недремлющее Око Промысла постоянно бдитъ надъ Вами; всесильная десница Его охраняетъ Васъ, управляетъ судьбою Вашею. По попущенію, или мановенію Бога приступили къ Вамъ скорби, какъ мучители къ мученику.—Ваше злато ввергнуто въ горнило искушеній: оно выйдетъ оттуда чище и цѣннѣе. Люди злодѣйствуютъ въ слѣпотѣ своей, а Вы содѣлываетесь на землѣ и на небѣ причастникомъ Сына Божія. Сынъ Божій говоритъ Своимъ: „Чашу, юже Азъ пію, испіета“. Не предавайтесь печали, малодушію, безнадежію! Скажите, Честнѣйшій Отецъ, Вашимъ унывающимъ помысламъ, скажите Вашему пронзенному скорбію сердцу: „Чашу, юже даетъ ми Отецъ, не имамъ ли пити отъ нея?“ Не подаетъ эту чашу Каіафа, не приготовляютъ ее Іуда и Фарисеи: все совершаетъ Отецъ! Люди, произвольно слѣдующіе внушеніямъ своего сердца, дѣйствующіе самовластно, не престаютъ при томъ быть и орудіями, слѣпыми орудіями Божественнаго Промысла, по безконечной премудрости и всемогуществу этого Промысла. Оставимъ людей въ сторонѣ: точно—они посторонніе! Обратимъ взоры наши къ Богу, повергнемъ къ ногамъ Его воздымающіеся и мятущіеся помыслы наши, скажемъ съ благоговѣйною покорностію: „Да будетъ воля Твоя!“ Этого мало! облобызаемъ Крестъ, какъ знаменіе Христово, руководствующее ученика Христова въ Царство Небесное. Былъ повѣшенъ на крестѣ разбойникъ, упоминаемый въ Евангеліи: былъ повѣшенъ, какъ разбойникъ, а съ кре-

---

[1]) Св. Исаакъ Сирскій, слово.

[2]) Дѣян. IX, 10.

ста переселился на небо, какъ исповѣдникъ. Люди побивали Стефана камнями, какъ Богохульника, а по суду Божію ему отверзалось небо, какъ живому храму Святаго Духа. Былъ принужденъ Святитель Тихонъ Воронежскій, обвиненный въ горячности нрава, перейти съ престола Епископскаго въ стѣны тихой обители,—и обитель, пребываніе въ которой Святаго Пастыря имѣло наружность изгнанія, внушила ему посвятить себя молитвеннымъ и другимъ подвигамъ иноческимъ. Святые подвиги доставили ему нетлѣнное и негибнущее сокровище праведности во Христѣ, славу отъ Христа на небѣ и на земли. Всегда поражала меня участь Святителя Тихона; примѣръ его всегда испускалъ утѣшительные и наставительные лучи въ мое сердце, когда сердце мое окружалъ мракъ, производимый скопляющимися тучами скорбей. Я убѣжденъ, что однѣ иноческія занятія могутъ съ прочностію утѣшать человѣка, находящагося въ горнилѣ искушеній. Рекомендую Вамъ сочиненія Св. Марка Подвижника, находящіяся въ 1-й части Добротолюбія: онѣ доставляютъ духовное утѣшеніе въ скорбяхъ; а для молитвеннаго занятія—Исихія, Филофея и Ѳеолипта, помѣщенныя во 2-ой части той же книги. Простите, что позволяю себѣ совѣтовать Вамъ! Примите это, какъ признакъ участія, какъ признакъ искренности, извлекаемыхъ изъ души моей состраданіемъ къ Вамъ. Иначе я не ввѣрилъ бы Вамъ таинъ, которыя скрываю и которыя должно скрывать въ глубинѣ души, чтобъ драгоцѣнные бисеры духовные не были попраны любящими и дорого цѣнящими одно лишь свое болото. Изложенными въ этомъ письмѣ мыслями и другими, имъ однородными, почерпаемыми въ Священномъ Писаніи и въ сочиненіяхъ святыхъ Отцовъ, я питался и поддерживался. Безъ поддержки, столько сильной, могъ ли бы устоять противъ лица скорбей, которыя попускалъ мнѣ всеблагій Промыслъ, которыми отсѣкалъ меня отъ любви къ міру, призывалъ въ любовь къ Себѣ. Скорби мои, по отношенію къ слабымъ силамъ моимъ, были немалыя, не сряду встрѣчающіяся въ нынѣшнее время. То, что не вдругъ могли меня сломить, лишь усиливало и продолжало мученія: вмѣсто того, чтобъ сломить въ нѣсколько дней, или нѣсколько часовъ, ломали меня многіе годы. Въ этихъ скорбяхъ вижу Божіе благодѣяніе къ себѣ; исповѣдую даръ свыше, за ко-

торый я долженъ благодарить Бога болѣе, нежели за всякое видимое мною въ другихъ земное, мнимое счастіе. И это мнимое счастіе, какъ ни низко (оно плотское!),—могло бы быть еще завиднымъ, еслибъ было прочно и вѣчно. Но оно превратно, оно мгновенно,—и какъ терзаются при его измѣнахъ, при потерѣ его, избалованные имъ. Оно непремѣнно должно разрушиться, отняться неумолимою и неотвратимою смертію: ни съ чѣмъ не сравнимо бѣдствіе, съ которымъ внезапно встрѣчаются во вратахъ вѣчности воспитанники мнимаго, земнаго счастія! Справедливо сказалъ святый Исаакъ Сирскій: „Міръ—блудница: онъ привлекаетъ красотою своею расположенныхъ любить его. Уловленный любовію міра и опутанный имъ, не возможетъ вырваться изъ рукъ его, доколѣ не лишится живота своего. Міръ, когда совершенно обнажитъ человѣка,—изводитъ его изъ дому его (т. е. изъ тѣла) въ день его смерти. Тогда человѣкъ познаетъ, что міръ льстецъ и обманщикъ".

Дайте руку: пойдемъ за Христомъ, каждый неся крестъ свой, и имъ изработывая свое спасеніе.

1847 года, Сергіева Пустынь.

II письмо

къ Иноку, терпѣвшему скорби въ общежитіи, — думавшему, что онѣ препятствуютъ его преуспѣянію, и потому пожелавшему глубокаго уединенія.

Гдѣ-бы я ни былъ, въ уединеніи-ли, или въ обществѣ человѣческомъ, свѣтъ и утѣшеніе изливаются въ мою душу отъ креста Христова.

Грѣхъ, обладающій всѣмъ существомъ моимъ, не престаетъ говорить мнѣ: „сниди со креста".

Увы! схожу съ него, думая обрѣсти правду внѣ креста,—и впадаю въ душевное бѣдствіе: волны смущенія поглощаютъ меня. Я, сошедши съ креста, обрѣтаюсь безъ Христа.

Какъ помочь бѣдствію? Молюсь Христу, чтобъ возвелъ меня опять на крестъ. Молясь и самъ стараюсь распяться, какъ наученный самымъ опытомъ, что не распятый — не Христовъ. На крестъ возводитъ вѣра;—низводитъ съ него лжеименный разумъ, исполненный невѣрія.

Какъ самъ поступаю, такъ совѣтую поступать и братіямъ моимъ!

Что еще прибавить? Прибавлю: „блаженъ мужъ, иже претерпитъ искушеніе“. „Искушенъ бывъ, можетъ и искушаемымъ помогать“. Желаю, чтобъ эти слова священнаго Писанія сбылись надъ вами. А вы—утѣшьтесь! Не малодушествуйте отъ того, что побѣдились бранью: это къ духовному искусу, или опыту, и къ смиренью. Миръ вамъ! Еще скажу общій путь подвижниковъ—терпѣніемъ между человѣками уврачевать немощь чувствъ, узрѣть Промыслъ Божій, и войти въ умную молитву. Иной, по особенному смотрѣнію Божію, вошелъ иначе;—мы должны идти по общему пути. Прочитайте объ этомъ 55-ое слово Св. Исаака къ Преподобному Симеону Чудотворцу. Иные находятъ, что уединеніе — ближайшее средство къ духовному успѣху; а другіе говорятъ, что приводитъ въ духовный успѣхъ—любовь къ ближнему. Моему сердцу болѣе нравится послѣднее; потому что любовь къ ближнему—непремѣнный долгъ каждаго; а къ безмолвію—способны немногіе.

III письмо

къ нѣкоторой инокинѣ, измѣнившей свое правило молитвенное бо́льшее на мѣньшее, но внимательное, и ощутившей отъ этого пользу душевную.

На ваше благословеніе дня, въ который вы ощутили, что Господь явилъ вамъ особенную Свою милость, и я отвѣчаю такъ: Благословенъ Богъ Отецъ Свѣта, отъ Котораго всякое даяніе благо и всякъ даръ совершенъ! Люди, сѣдящіе вотмѣ и сѣни смертней, Свѣтъ возсія имъ, то-есть, Христосъ въ Его истинномъ ученіи.

И опять—начинаю славословить, благодарить Бога! Благословенъ Богъ, облегчившій вамъ переходъ отъ самочиннаго образа жизни къ другому, который ближе къ преданію святыхъ Отцовъ. Безмолвствующему какъ-то не свойственно многословіе и въ самомъ молитвенномъ правилѣ. Хотя всѣ человѣки созданы по образу Божію, но въ этомъ отношеніи безмолвникъ есть особеннѣйшій, точнѣйшій образъ Божій. Посмотрите, — что́ говоритъ Евангелистъ Іоаннъ о

Богѣ:—отъ вѣчности Онъ довольствовался единымъ Своимъ Словомъ!... Утѣшеніе, которое—надѣюсь на милость Божію—прозябнетъ изъ настоящаго вашего дѣланія, подтвердитъ вамъ эту истину. Оно будетъ со временемъ требовать, чтобъ вы еще болѣе стряхнули съ себя листья для плодовъ.

Къ смертной памяти—полезно принуждать себя, хотя бы сердце и отвращалось отъ нея. Она—даръ Божій, а понужденіе наше къ ней — только свидѣтельство искренности нашего желанія имѣть этотъ даръ. При понужденіи себя нужно и молиться: „Господи, даждь ми память смертную". Таково объ этомъ предметѣ ученіе Макарія Великаго, Исаака Сирскаго и прочихъ великихъ Отцовъ; вы найдете его и въ драгоцѣнной книжкѣ Нила Сорскаго.

О любви къ ближнему мы знаемъ изъ ученія Отцовъ, что она бываетъ двухъ родовъ: естественная и Евангельская, или о Христѣ. Естественная насаждена въ насъ при нашемъ сотвореніи, и потому непремѣнно есть въ каждомъ человѣкѣ. Она повреждена, какъ и прочія благія свойства, паденіемъ, или прародительскимъ грѣхомъ; а потому въ каждомъ человѣкѣ подвержена бо̀льшимъ или мѐньшимъ, краткимъ или продолжительнымъ измѣненіямъ. Христосъ, исцѣляющій всѣ наши недуги дивнымъ образомъ, исцѣляетъ и поврежденную любовь: заповѣдуетъ Себя—Господа любить въ человѣкахъ. Этимъ Онъ возводитъ любовь на высочайшую степень горячности, даруетъ ей чистоту, духовность, святыню, — и погашается пламенемъ любви о Христѣ нестройный, дымный пламень плотской любви—любви смѣшанной, составленной изъ мечтательнаго, несуществующаго наслажденія и жестокаго, убійственнаго мученія. Ощущеніе духовной любви водило перомъ св. Іоанна Лѣствичника, когда онъ сказалъ: „Любовь къ Богу погашаетъ любовь къ родителямъ и прочимъ близкимъ по плоти;—говорящій, что имѣетъ ту и другую любовь, обольщаетъ себя". Также онъ сказалъ въ 15-й степени: „Огнь погашается огнемъ, то есть, любовь плотская любовію Божественною", Когда мы разсмотримъ себя со вниманіемъ, то увидимъ съ Божіею помощію (на такое видѣніе нужна помощь Божія! такое видѣніе—даръ Божій!), что наиболѣе имѣемъ любовь естественную, а Евангельскую должны еще стяжавать. Это самое разумѣлъ я, когда писалъ вамъ, что Евангелію отъ Іоанна

предшествуетъ Евангеліе отъ Матѳея. Евангеліе отъ Іоанна говоритъ наиболѣе о любви къ Богу, о смотрѣніи Божіемъ, ясномъ для однихъ очищенныхъ. Очищается же человѣкъ, входитъ въ видѣніе Бога и любовь къ Нему—любовію о Христѣ къ ближнему, или любовію Христа въ каждомъ ближнемъ, а въ чуждомъ Христіанства и Христа,—любовію къ образу Божію. И лишенный славы Христіанства не лишенъ славы человѣчества,—есть образъ Божій!

Вы отнеслись ко мнѣ ради Бога для пользы души вашей; я—также ради Бога—располагаюсь говорить вамъ то, что сочту истиннымъ и душеполезнымъ. Шествуя къ Господу путемъ ума и сердца, желая встать предъ величествомъ Его непреступной славы, лицемъ къ лицу, не будьте разумны и многосвѣдущи. Для Него пріятнѣе младенческое лепетанье души, умалившейся, такъ сказать, отъ зрѣнія множества немощей своихъ, нежели краснорѣчивое витійство души, напыщенной самомнѣніемъ. Апостолъ Павелъ сказалъ о себѣ: „Не судихъ себе вѣдѣти ничтоже, точію Іисуса Христа, и сего распята“. А для меня предовольно, если я познаю, что я грѣшникъ. Довольно мнѣ будетъ этого знанія! оно, прикасаясь—какъ жезлъ Моисеевъ къ камню—къ моему ожесточенному сердцу, будетъ изводить живую струю слезъ. Плачъ мой предъ Господомъ моимъ предпочитаю всей земной мудрости,—и „грѣхъ мой предо мною есть выну!“ Грѣхъ мой—первенствующій предметъ моего духовнаго созерцанія!..

Въ письмахъ вашихъ ко мнѣ, не будьте умны, краснорѣчивы, свѣдущи въ Писаніи. Будьте буи! изъ премудрой сдѣлайтесь буйею, чтобъ стяжать истинную премудрость—смиренномудріе, въ которомъ обиліе духовнаго разума. И я, грѣшникъ, въ отвѣтъ вамъ буду произносить обнаженное, безлестное слово сердца, пріятное одною искренностію и, можетъ быть, истиною. Отселѣ, вкусивъ его, познайте, что сказанное мною, сказано—ради Господа.

Прошу вашихъ святыхъ молитвъ о глаголющемъ и нетворящемъ, чтобъ произносимое мною слово, послужило мнѣ во спасеніе, а не во осужденіе.—Аминь.

IV письмо

къ той же инокинѣ, желавшей перейти изъ одного монастыря въ другой.

†

Вмѣсто всякой надписи ставлю надъ письмомъ моимъ изображеніе святаго Креста. Крестъ — это приличнѣйшая надпись надъ словомъ крестнымъ, произносимымъ для проходящаго путь крестный. И такъ внимайте тѣмъ словамъ, которыя извлекаются вѣрою вашею изъ окаяннаго сердца моего, погруженнаго въ молитву и слышащаго дивные глаголы, произносимые благодатію въ тайнѣ душевной клѣти, Глаголы эти питаютъ меня, питаютъ и тѣхъ, которые ради спасенія души своей захотятъ не презрѣть грѣшныхъ и убогихъ словъ моихъ.

Георгій Алексѣевичъ, Затворникъ Задонскій, въ продолженіи двухъ лѣтъ былъ обезпокоиваемъ помыслами о выходѣ изъ Задонской обители. Ему представлялось, что мѣсто это не довольно уединенно, что въ другомъ его будутъ менѣе безпокоить посѣтители; однажды, какъ онъ развлекался этими мыслями, сказываютъ ему, что нѣкоторый странникъ желаетъ его видѣть, ибо имѣетъ нѣчто сказать ему отъ Серафима Саровскаго. Затворникъ приглашаетъ странника, который вошедши къ нему, говоритъ: „Отецъ Серафимъ велѣлъ тебѣ сказать, что стыдно тебѣ, Затворнику, дозволять бѣсовскимъ помысламъ, такое долгое время безпокоить тебя. Никуда не переходи, Богу угодно, чтобъ ты жилъ здѣсь“. Сказавъ эти слова, странникъ поклонился и удалился. Изумленъ былъ Затворникъ этимъ обличеніемъ его тайныхъ помысловъ, и когда опомнился, послалъ келейника своего, чтобъ воротить странника. Келейникъ напрасно искалъ въ монастырѣ и за монастыремъ обличителя—онъ скрылся. Кто онъ былъ? Не будемъ объ этомъ любопытствовать много, но замѣтимъ изъ этого событія нужное намъ, именно, что постоянное стужаніе помысла не есть еще признакъ его правильности. Ахъ! Гдѣ то желанное спокойствіе, къ которому влечется наше сердце, котораго оно не можетъ не жаждать и не искать? Оно сокровенно въ крестѣ Христовомъ. Напрасно будете его искать въ чемъ другомъ. Діаволъ, смотрящій на

лице души человѣческой и ловящій ее въ погибель, видитъ стремленіе, стремленіе естественное нашего сердца къ нерушимому покою, и по поводу этого стремленія даетъ совѣтъ: „перейди съ мѣста твоего жительства въ другое, тамъ найдешь желанное спокойствіе“. Таковъ его совѣтъ, подъ личиною котораго скрытъ другой: „сниди со креста“.

Святые Отцы повелѣваютъ выдерживать брани, не оставляя мѣста, въ особенности если въ немъ нѣтъ явныхъ поводовъ ко грѣху. Монахъ, оставляющій по причинѣ душевной брани мѣсто своего жительства, никогда не возможетъ стяжать духовныхъ плодовъ. Стойкость—одно изъ первыхъ достоинствъ воинства и земнаго и духовнаго. Опытные въ битвахъ ратники почитаютъ признакомъ храбрости отважное нападеніе на строй непріятельскій, но несравненно большимъ—безмолвное стояніе съ угрюмою твердостію подъ ядрами и картечью непріятельскихъ батарей, когда этого требуетъ общій планъ военачальника. На таковыхъ-то воиновъ наиболѣе онъ можетъ положиться. На таковыхъ воиновъ наиболѣе полагается нашъ подвигоположникъ Господь Іисусъ Христосъ и вѣнчаетъ ихъ духовными вѣнцами. Дѣланіе это заповѣдаетъ намъ Духъ Святый: „*Аще взыдетъ на тя духъ сильнаго, ты мѣста своего не оставь*“. Напротивъ того, Онъ укоряетъ воиновъ нестойкихъ, и объявляетъ имъ лишеніе духовныхъ дарованій: „*Сыновѣ Ефремли наляцающе и стрѣляюще луки, возвратишася въ день брани... И отрину Господь селеніе Іосифово, и колѣно Ефремово не избра*“ [1]). Этого и вы устрашитесь; по старайтесь принести плодъ, по слову Господню: „въ терпѣніи“.

Что вы замѣтили въ себѣ нѣкоторые недостатки, о которыхъ прежде думали легче, съ извиненіемъ и оправданіемъ ихъ—этому не удивляйтесь. Мы къ тому стремимся, чтобы узрѣть наши грѣхи, и омыть ихъ слезами покаянія прежде того времяни, времяни страшнаго, когда покаяніе будетъ только мучить, а не исцѣлять.—Если о. Пафнутій усердствуетъ ссудить васъ книгами своими, то совѣтую вамъ сперва прочитать книгу Великаго Варсонофія и, если заблагоразсудите—списать ее. По вашему состоянію книга эта бу-

---

[1]) Пс.

детъ полезнѣе, нежели Исаака Сирина, которою, Богъ дастъ.. займетесь въ свое время... Миръ вамъ!

V письмо

къ тому же лицу: о памяти смертной; повтореніе совѣта не перемѣнять мѣстожительства; взглядъ—на себя, по отношенію къ лицамъ просящимъ духовнаго совѣта; о молитвенномъ правилѣ; о молитвѣ за еретиковъ; молитва и плачъ—о своемъ мертвецѣ.

Что можетъ быть тяжелѣе состоянія души, томимой искушеніями? Это пребываніе во адѣ, въ вѣчныхъ мукахъ. Воспоминаніе о нихъ облегчаетъ здѣшнія искушенія. „Врагъ мой, говоритъ (въ Лѣствицѣ) уныніе, „есть память смертная“ [1]). Вспомните объ обществѣ бѣсовъ во адѣ и—люди покажутся вамъ добрыми; вспомните о мукахъ во адѣ и—искушенія сдѣлаются для васъ легкими.

Если помыслъ вашъ отстраняетъ примѣръ затворника рукою смиренія, по крайней мѣрѣ такимъ кажущагося по наружности, то послушайте совѣтъ святаго Іоанна Лѣствичника, говорящаго въ 4-ой степени своей Лѣствицы такъ: „Легко рѣшающіеся на прехожденіе съ мѣста на мѣсто вполнѣ неискусны: ибо ничто такъ не дѣлаетъ душу безплодною, какъ нетерпѣніе... Преходя, ты можешь потерять то искупленіе, которымъ тебя искупилъ Христосъ“, Св. Григорій Синайскій уподобляетъ приходящихъ съ мѣста на мѣсто пересаживаемымъ древамъ, при каждой пересадкѣ находящимся въ опасности погибнуть. а уже непремѣнно теряющимъ значительную часть силы своей. По всему, что ощущаю изъ письма вашего, и по всему, что вижу изъ святыхъ Отцевъ, не даю вамъ совѣта къ прехожденію. Для отрады же души вашей, совѣтую съѣздить въ Никифоровскую пустыню Олонецкой епархіи къ старцу Исаіи. Его бесѣда будетъ вамъ отрадна, и, думаю, что онъ подтвердитъ мой совѣтъ вамъ и скажетъ вамъ съ откровенностію, что помыслы ваши о прехожденіи ничто иное, какъ злохитрое совѣтованіе бѣсовское.

Чему уподобить слово, теперь мною вамъ произносимое,

---

[1]) Лѣствица.

ради Господа, къ пользѣ души вашей?—Уподоблю васъ, и прочихъ желающихъ спастись, въ числѣ которыхъ, прельщая себя, думаю, что нахожусь и я,—путникамъ, идущимъ по дорогѣ. Путь этотъ всегда былъ тѣсенъ и прискорбенъ, но нынѣ еще прибавилось на немъ неудобство—недостатокъ въ хлѣбѣ. Этотъ недостатокъ такъ великъ, что многіе, замѣтя въ моей сумкѣ нѣсколько заплеснѣвшихъ кусковъ, просятъ, чтобы я ими подѣлился. И дѣлюсь,—а кто возвратитъ мнѣ заплеснѣвшій кусокъ, беру съ пріятностію, ибо думаю, что и принимающіе такую гнусную снѣдь, принимаютъ по крайней нуждѣ. Прошу васъ считать такими слова мои и не связываться ими, а если захотите быть связаны ими, то свяжитесь, и милосердый Господь, по вѣрѣ вашей, силенъ извести васъ на свободу, которую ощутивши, возрадуетесь о обрѣтеніи сокровища некрадомаго.—Если будете у о. Исаіи, то прочтите ему и письма мои къ вамъ,—какъ дѣлателю, имѣющему опытъ, чтобъ „при устахъ двухъ свидѣтелей сталъ предъ вами твердымъ всякъ глаголъ“, произнесенный о Господѣ.

Относительно правила молитвеннаго—знайте, что оно для васъ, а вы не для него, но для Господа. Почему имѣйте свободу съ разсужденіемъ. При немощи убавляйте, при силѣ прибавляйте—то и другое съ умѣренностію и осторожностію: потому что мы крайне немощны, и окружены татями и убійцами отвсюду. Когда вы не бываете въ церкви, то читайте правило, прописанное вами: я его одобряю, по крайней мѣрѣ до времяни, когда окаянному моему сердцу, въ случаѣ вопрошенія вашего, извѣстится—что измѣнить.

О еретикахъ воспрещено молиться, какъ бы о членахъ, принадлежащихъ къ Церкви, почему и вынимать о нихъ частицы, какъ изображенія участія въ Церкви—не должно; молиться же о обращеніи ихъ — можно. Имѣющій своего мертвеца, о немъ плачетъ, о немъ молится. Заключенные въ темницу преступники не могутъ принимать на себя ходатайства о другихъ преступникахъ. Господь есть Любовь, и столько желаетъ спасенія всѣхъ, что мы и постичь не можемъ. Предоставимъ этой Любви спасеніе наше—и всѣхъ, а съ своей стороны постараемся о томъ, что зависитъ отъ насъ — о очищеніи себя. Тогда этого достигнемъ, когда умремъ ко всему.— Богу нашему слава!

VI письмо

къ той же инокинѣ, рѣшительно желавшей перейти въ другой монастырь, по причинѣ усилившихся браней.

Если вы находите, что дальнѣйшее пребываніе въ Старо-Ладожскомъ Никольскомъ монастырѣ для васъ невозможно по усилившимся бранямъ до превышенія силъ вашихъ, то Господь, ради Котораго я совѣтовалъ вамъ пребываніе и противленіе бранямъ, да благословитъ „исходъ“ вашъ и „входъ“ въ иную обитель, гдѣ бы вы могли въ мірѣ душевномъ обрѣсти „пажить“ спасительную. Но исходъ вашъ да будетъ о Господѣ. Онъ будетъ таковымъ, когда вы совершите его со смиреніемъ, обвиняя единственно себя, приводя въ причину исхода единственно свою немощь, и укоряя себя, что не могли поступить такъ, какъ святые Отцы признаютъ за лучшее, т. е. выдержать и побѣдить душевныя брани на мѣстѣ. Тогда входъ вашъ въ иную обитель можетъ привлечь на себя благословеніе Господа, „не уничижающаго сокрушенныхъ и смиренныхъ сердцемъ“, а гордымъ противляющагося!“

О. Исаія въ настоящее время гоститъ у меня, и я утѣшаюсь, видя въ немъ обильную благодать Божію,—Не вздумаете ли проѣхать до Твери? Тамъ игуменія В* благонамѣренная и имѣющая духовное знаніе. И климатъ тамъ получше; а климатъ, по замѣчанію святыхъ Отцевъ имѣетъ сильное вліяніе на тѣхъ особенно, которые проводятъ жизнь безмолвную.—И паки—Богъ васъ да благословитъ совершить намѣреніе ваше, если оно совершится съ миромъ и смиреніемъ! Если же вы желаете моего грѣшнаго благословенія, то и я заочно благословляю васъ благословеніемъ отъ Господа, отъ Него же всякое даяніе благо. Прошу вашихъ святыхъ молитвъ о мнѣ недостойномъ.

10 февр. 1844.

VII письмо

къ той же инокинѣ.

Письмо ваше я получилъ. Вижу ваше желаніе помѣститься въ Сяндебской обители. Хотя оно и представляется мнѣ

несбыточнымъ... мало этого! мнѣ представляется, что если вы и получите желаемое, то должны будете оставить Сяндебскую обитель: такія неожидаемыя вами непріятности тамъ встрѣтятъ васъ, такія попеченія, такая молва, такое безпокойство! Однако, чтобъ могли вы достовѣрнѣе узнать волю Божію, совѣтую вамъ написать Преосвященному Венедикту, который точно, самый добрый человѣкъ. Вы можете указать въ письмѣ вашемъ на меня, сказать, что я васъ знаю, и что вы просите услышать отвѣтъ его чрезъ меня.—Вы подумали ли, что вы тамъ будете хозяйкой, что о всякой бездѣлицѣ васъ будутъ спрашивать, что всѣ попеченія о всемъ вещественномъ лягутъ на васъ? Даже въ минуты спокойствія и уединенія, мысль ваша будетъ уклоняться отъ Бога въ размышленія о вещественномъ. Впрочемъ, я не связываю вашей свободы. О. Исаія совѣтуетъ вамъ путь, который онъ самъ проходилъ, на которомъ Господь покрылъ его, но который внѣ общаго закона и на которомъ многіе могутъ преткнуться.—Жительство въ обители Сырновской уже несравненно будетъ превосходнѣе этого; тамъ попеченія житейскія мало васъ будутъ касаться. Если же вы хотите не встрѣчаться съ людьми, то это желаніе неправильное. Когда объ этомъ спрашивалъ Преподобный Дороѳей своего старца Авву Іоанна Пророка, то Іоаннъ отвѣчалъ, что удаленіе отъ встрѣчи съ людьми весьма вредно для недостигшаго совершенства, потому что скрываетъ отъ него его немощи, открываемыя людьми, и по этой причинѣ, дѣлаетъ его безплоднымъ.

Относительно правила вашего, нахожу нужнымъ, чтобъ вы читая, какъ каѳизмы, такъ каноны, равно и молитву Іисусову, произносили слова помедленнѣе, напрягая больше вниманіе, чтобъ ни одно слово не было произнесено безъ вниманія. Переходя, такимъ образомъ, отъ количества къ качеству, можете изъ вечерняго правила убавить каѳизму и нѣсколько поклоновъ, чтобъ умноженіе количества не уменьшило качества. Будьте свободны, зная, что правило для человѣка, а не человѣкъ для правила.

Міръ Божій да водворяется въ васъ богатно! Перстъ Божій да направитъ пути ваши по премудрой и всеблагой Божественной волѣ!

Келейницѣ вашей—мое грѣшное благословеніе.

VIII письмо

къ той же инокинѣ, остановившейся отъ своего намѣренія перейти въ другой монастырь.

Воздадимъ благодареніе Милосердому и Премудрому Промыслителю, остановившему васъ въ перемѣщеніи вашемъ изъ Успенской Ладожской обители! Если вы разсмотрите мои письма къ вамъ, то увидите, что я былъ вполнѣ противъ вашего перемѣщенія; наконецъ, видя непреклонное намѣреніе ваше перемѣститься, желалъ, чтобъ вы его совершили по крайней мѣрѣ со смиреніемъ, осуждая себя. Нѣтъ ничего лучше мысли о распятіи себя. Ибо таковые — Христовы! Миръ вамъ!*)

19 Іюля, 1844 г.

IX письмо

къ нѣкоторой инокинѣ по случаю кончины ея ближайшаго родственника.

Мы, изшедшіе изъ среды міра въ нѣдро святыхъ обителей, этимъ самымъ предначали нашу смерть по плоти и жизнь о Христѣ. Бываютъ кончины скоропостижныя; бываютъ кончины при продолжительныхъ болѣзняхъ. Мы съ того времяни, какъ оставили міръ, умираемъ ежедневно, по свидѣтельству святаго апостола Павла. Въ этой смерти видимъ непремѣнное условіе истинной жизни. Минута преселенія нашего съ земли, рожденія нашего въ вѣчность, для насъ не такъ странна и чужда, какъ для тѣхъ, которые живутъ посреди міра, оглушены его шумомъ, пригвождены къ нему умомъ и сердцемъ, забыли, что есть смерть, не думаютъ о вѣчности, долженствующей непремѣнно быть и ихъ удѣломъ.

Узнавъ о смерти ближняго вашего, не предайтесь тѣмъ неутѣшнымъ рыданіямъ, которымъ обыкновенно предается міръ, доказывающій тѣмъ, что надежда его—только во плоти. Ваша надежда—во Христѣ! Пролейте о умершемъ слезы

---

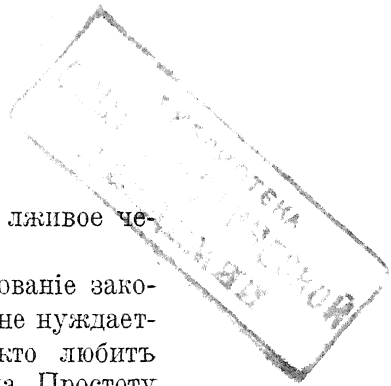
*) Монахиня Александра Васильевна Васильева, къ которой написаны эти письма, скончалась 23 Августа 1844 г. въ Ладожскомъ Успенскомъ монастырѣ.

молитвенныя, обратитесь сердцемъ и мыслями къ Тому. Кто одинъ можетъ васъ утѣшить, предъ Которымъ вы должны предстать въ предназначенное вамъ время. Не увлекитесь чѣмъ нибудь земнымъ: плодъ такого увлеченія, которое— обманчивая, обольстительная мечтательность—тлѣніе. Миръ имѣйте въ Богѣ, предавайтесь съ полною покорностію Его святой Волѣ. Въ этой Волѣ полнота Благости и Премудрости. Ей поклонимся, припадемъ къ стопамъ ея, вручая души и тѣла наши Господу. Аминь.

X письмо

къ терпящему скорби при помощи чтенія Слова Божія: о простотѣ; жизнь по вѣрѣ; разумѣніе Евангельскихъ заповѣдей.

Какой сладостный плодъ пожинаютъ погружающіеся умомъ и сердцемъ въ Слово Божіе, повѣряющіе по глаголамъ Небесной Премудрости опыты своего земного странствованія! Таковые достигаютъ того духовнаго единенія, котораго желалъ отъ вѣрующихъ во Христа Апостолъ Христовъ. „Молю вы братіе, писалъ онъ имъ, да будете утвержденни въ томъ же разумѣніи и въ той же мысли". Сбытіе этихъ словъ я ощущалъ въ себѣ, когда читалъ Ваши строки. Ихъ излило сердце, пронзенное многими скорбями, нашедшее отраду въ язвахъ Іисуса! Оно проницательнѣе глядитъ въ будущность, оно яснѣе видитъ Промыслъ Божій, истинное назначеніе человѣка, ничтожность, быстрое исчезаніе всего временнаго, суетнаго. Читая Ваши строки, я какъ будто размышлялъ самъ съ собою. Давно не видимся другъ съ другомъ, не бесѣдуемъ лицемъ къ лицу, пишемъ другъ къ другу не часто, а сближаемся, болѣе и болѣе! Вотъ плодъ ученія Христова.—Письмо Ваше сказало мнѣ, что Вы часто прибѣгаете къ Слову Божію и молитвѣ, просвѣщающимъ человѣка. По мыслямъ, которыя рождаются въ душѣ, можно узнавать, какія впечатлѣнія на нее дѣйствуютъ! Принимайте слова мои съ простотою сердца: я ихъ произношу отъ искренняго сердца. Въ словахъ моихъ не найдете ничего льстиваго! Льстящіе льстятъ для того, чтобъ уловить, насмѣяться, повредить. Нѣтъ! не имѣю этой гнусной, адской цѣли! Говорю для истины, для любви: языкъ ихъ такъ отли-



ченъ отъ языка, которымъ говоритъ льстивое и лживое человѣкоугодіе!

Какое условіе Христіанской простоты? Послѣдованіе закону Божію. Добродѣтельный и благонамѣренный не нуждается представляться таковымъ; напротивъ того, кто любитъ грѣхъ, чья воля въ грѣхѣ, тому нужна личина. Простоту раждаетъ вѣра. Вѣрующій идетъ путемъ жизни, надѣясь на Промыслителя своего, какъ говоритъ Писаніе: „Ходяй просто, ходитъ надѣяся“. Невѣрующій не видитъ Божественнаго Промысла;—думаетъ, что судьба его зависитъ отъ ухищреній его разума;—заключая всѣ блага въ однихъ благахъ земныхъ, стремясь исключительно къ нимъ, онъ лукавствуетъ мыслію, словомъ, дѣломъ! Чѣмъ болѣе будемъ углубляться въ Слово Божіе, чѣмъ болѣе будемъ возрастать возрастомъ духовнымъ, тѣмъ болѣе будемъ убѣждаться, что приблизиться къ Богу невозможно иначе, какъ простотою. Въ простотѣ—и вѣра, и чистота совѣсти, и образъ мыслей, назданный заповѣданіями Вышняго. Одни простосердечные способны преуспѣвать духовно: „въ душу злохудожную не внидетъ Премудрость“, говоритъ Писаніе. Простосердечные подвергаются страданіямъ? Не безъ причины же, небесный Виноградарь отребляетъ лозы Свои! Онъ видитъ способность ихъ къ плодоносію. Вѣтвь безплодная не привлекаетъ къ себѣ Его вниманія и заботъ до той поры злощастной, какъ придетъ время отрѣзать ее и выкинуть изъ виноградника. Такія вѣтви подбираются нищими земли для топлива! Подъ именемъ нищихъ, разумѣю лишенныхъ всякаго блага бѣсовъ, заботящихся, чтобъ ихъ вѣчная печь горѣла жарче.—Знаменательны приведенныя Вами слова Спасителя: „еже твориши, сотвори скоро“. Такой же обширный смыслъ имѣетъ и молчаніе Христово предъ судіями беззаконными, судившими для того, чтобъ непремѣнно обвинить, чтобъ найти какой нибудь предлогъ обвиненія праведнаго для исполненія злобнаго замысла, давно замышляемаго въ сердцѣ преступномъ, злобномъ и лукавомъ. Посреди этого Божественнаго молчанія возгремѣли въ наставленіе наше слова Спасителя къ Пилату, слова тихія по наружности, но страшныя, какъ громъ и молнія, по смыслу: „Не имаши власти ни единыя на Мнѣ, аще не бы ти дано свыше“. Какое глубокое и обширное наставленіе для страдающихъ о Христѣ, на-

учающее ихъ смотрѣть на своихъ Пилатовъ, какъ-бы на бездушное орудіе Промысла Божія, подающаго возлюбленному Своему чашу Христову, залогъ блаженства вѣчнаго со Христомъ. Здѣсь, на землѣ, совершается уже отдѣленіе пшеницы отъ плевеловъ, производится Божій судъ надъ ними. Послѣдователь Христовъ страждетъ въ великодушномъ молчаніи, познавая крестомъ Христа, а Пилатъ съ холодностію вопрошаетъ о Истинѣ, не думая и не желая знать о Ней, потому что не хочетъ даже выслушать, дождаться отвѣта. Между тѣмъ Сама Истина—Христосъ ему предстоитъ въ смиреніи и высокимъ молчаніемъ сказуетъ о Себѣ. „Удивися разумъ мой отъ Тебе“, молитвенно взывалъ къ Богу святый Давидъ; удивится Евангелію и его глубокому ученію, ученію Божественному Христіанинъ, читающій его съ вѣрою и чистотою совѣсти, при озареніи Свыше. Живыя жизнію, заимствованною отъ ветхаго Адама по закону чадородія, находятся въ состояніи паденія; это состояніе свое доказываютъ непрестаннымъ самообольщеніемъ, почитая землю, мѣсто своего изгнанія—мѣстомъ наслажденій безконечныхъ. Новый Адамъ—Христосъ Крестомъ спасаетъ падшихъ: умерщвляется жизнь паденія отъятіемъ наслажденій; а изъ нѣдръ этой смерти возникаетъ жизнь о Христѣ, находящая наслажденіе въ лишеніяхъ. Отсюда преселяется человѣкъ мыслями, желаніями, надеждами на Небо и ожидаетъ съ извѣщенною вѣрою обѣтованія Свыше, обновленія Духомъ Святымъ. Намъ должно странствовать со Христомъ, страдать съ Нимъ, претерпѣвать распятіе, вкусить смерть, быть погребенными, воскреснуть и вознестись. Этого желаю Вамъ и себѣ; почему произношу вмѣстѣ съ Вами молитву, исполненную, духовнаго разума, утѣшительнѣйшую: „Господи! совершай надъ нами волю Твою; а намъ даруй мыслить, чувствовать, дѣйствовать по Твоей волѣ. Одного этого у Тебя просимъ; въ одномъ этомъ заключаемъ всѣ наши желанія и моленія“. Аминь.

XI письмо

къ нѣкоторой инокинѣ, пожелавшей вступить подъ духовное руководство старца.

Спаситель міра, Господь Іисусъ Христосъ, простившій сына, который сперва сказалъ: *„не иду“*, потомъ же *„раская-*

вся иде“, да проститъ и вамъ то, въ чемъ просите прощенія. Пишете, что по прочтеніи книги Св. аввы Дороѳея, вы увидѣли, сколько отклонились вы отъ пути истиннаго. Но это бываетъ со всѣми, кто переходитъ отъ жизни самочинной къ Христоподражательному послушанію. Таковый по словамъ Св. Іоанна Лѣствичника, „слѣпъ бѣ и прозрѣ“.—Я васъ не только не отвергаю, но и призываю: „пріидите чада, послушайте мене, страху Господню научу васъ“, не потому, чтобъ доволенъ я былъ самъ по себѣ научить кого чему-либо, но потому, что ученіе мое нѣсть мое, но заимствовано отъ Святыхъ Отцовъ, перомъ которыхъ водилъ Духъ Святый.—Относительно вашего новаго знакомства съ М. А. то да не озабочиваетъ васъ различіе характеровъ: единомысліе о Христѣ не только двухъ инокинь сильно соединить, но въ первенствующей Церкви, весь вѣрующій народъ соединило въ сердце и душу едину.—Вы говорите о привычкахъ, усвоенныхъ долгимъ временемъ. На это отвѣчаетъ Лѣствичникъ: „истинные иноки вся да оплюютъ! всѣхъ да отвергнутся, т. е. пристрастій!“. Хотя же этого вдругъ невозможно сдѣлать, но съ постепенностію можно. Боитесь строгости! Но можемъ ли мы быть строгими, когда слышимъ Господа, намъ обѣщающаго: „въ нюже мѣру мѣрите, возмѣрится вамъ“. Почитайте книгу Св. аввы Дороѳея и, если произволеніе ваше шествовать по стези отсѣченія воли, не прекратится, но возгорится еще сильнѣе, и пламень небесныхъ желаній обыметъ вашу душу, то благоволите пріѣхать, дабы пространнѣе услышать ученіе о пути этомъ, и принять нѣкоторыя правила, которыя, какъ стѣны высокія и твердыя оградятъ душу вашу.—Вы желаете содѣлаться моею дщерью? Я въ восторгѣ духа, взирая на сонмъ духовныхъ чадъ моихъ, которыхъ нѣсмь достоинъ назваться отцомъ, но рабомъ,—говорю душѣ моей: *„возвеселись неплоды не раждающая, возгласи и возопій не чревоболѣвшая, яко многа чада пустыя, паче нежели имущія мужа“* (Исаіи 54, 1). Наконецъ призываніемъ на васъ милости Божіей, оканчиваю эти строки.

Марта 10, 1842 г.

XII письмо

къ той же инокинѣ: дѣланіе покаянія приводитъ къ плачу и смиренію; молитва—оружіе противъ помысловъ: готовность на скорби.

Если вы приписываете моему грѣшному сердцу единственную радость въ томъ, когда я слышу, что чада мои во истинѣ ходятъ; то зачѣмъ же приписывать скорбь за молчаніе ваше, за неполученіе отъ васъ благодарственныхъ словъ, которыя принадлежатъ Единому Богу, и къ Нему да возлетаютъ на крыльяхъ молитвы, на крыльяхъ воздыханій сердечныхъ. Истина—Господь нашъ Іисусъ Христосъ, предстоявшая въ смиренномъ видѣ Пилату, вопрошавшему о Истинѣ, смотрѣвшему на Нее, и Ее не познавшему, какъ и нынѣ всѣ рабы міра видяще ее, не видятъ, и слышаще ее, не слышатъ,—эта Небесная Истина, сошедши на землю къ падшимъ и немощнымъ человѣкамъ, „*ихже сердце отъ юности прилежитъ на зло*“, начала ученіе Свое съ этихъ словъ: *покайтеся*! Доколѣ же каяться немощному, непрестанно падающему, если не тѣломъ, то мыслію и сердцемъ?—Доколѣ онъ подверженъ необходимо измѣняемости, этому слѣдствію паденія праотеческаго, даже до послѣдняго издыханія: ибо не видно, чтобъ Истина, завѣщавая покаяніе, положила ему на земли другой предѣлъ, или окончаніе, кромѣ естественнаго конца его съ кончиною земной жизни человѣка. И такъ, не дивитесь, видя въ себѣ непрестанную измѣняемость, не надѣйтесь избавиться отъ нея до смерти, или лучше не обольщайтесь этою надеждою; а иначе треволненія всегда будутъ заставать васъ врасплохъ, и потому несравненно сильнѣе на васъ дѣйствовать, даже ниспровергать. Подивитесь и поклонитесь Истинѣ, которая непрестанную измѣняемость человѣческую врачуетъ заповѣдію непрестаннаго покаянія. Ложась на одръ кайтесь, и вставая кайтесь; какъ въ цѣпи звѣно держится за звѣно, такъ въ жизни вашей воздыханіе да слѣдуетъ за воздыханіемъ. Такъ проводите дни, мѣсяцы и годы. Предметомъ разсматриванія вашего да будутъ немощи ваши. Въ чувствѣ сердца вашего будьте подобною ввергнутой до конца жизни въ темницу, подобною прокаженному, изгнанному внѣ стана. Тогда окончатся страданія, когда окончится жизнь: послѣднее стенаніе испустится съ послѣднимъ вздохомъ. Для инока утѣшеніе на

земли есть плачъ и умиленіе. Что плачъ? Это дѣйствіе благодати, данной при крещеніи, это ходатайство Духа, въ насъ вселившагося при святомъ крещеніи, о грѣшникѣ; потому-то святый плачъ невѣдущимъ Христа и еретичествующимъ неизвѣстенъ. — Хочешь-ли ощутить облегченіе отъ борющихъ тебя страстей? Хочешь ли найти умиленіе въ твоей келліи, безъ котораго, какъ ладья безъ якоря, мысль, восхищенная свирѣпымъ вѣтромъ, носится по волнамъ мечтанія и низвергается въ глубину унынія? Хочешь ли увидѣть свѣтъ отъ Свѣта? Хочешь ли вкусить любовь отъ Любви исходящую и въ Любовь ведущую?—Возьми мысль твою и повергни къ ногамъ братій и сестръ, не различая худыхъ отъ добрыхъ; скажи помыслу твоему и какъ можно чаще повторяй, чтобъ отъ мысли родилось чувство: это Ангелы Божіи, а я одна грѣхомъ и мракомъ подобна діаволу. Суждено вамъ найти облегченіе для души вашей у ногъ братій; опредѣлена для васъ молитва мытарева, а не Іисусова. Отверзетъ для васъ Царствіе небесное исповѣданіе разбойника, а не святыня Іоаннова. Изъемлемъ изъ сердца и глаголемъ: „*слыши дщи и приклони ухо твое*“, и когда украсишься покаяніемъ, тогда „*Царь царей и Господь господій возжелаетъ доброты твоея*“, яже отъ покаянія.

Пишете о помыслахъ и желаете разбирать ихъ, и узнать, что разумѣетъ Апостолъ подъ словами: *нѣсть наша брань* и проч. Это для васъ неполезно и не нужно. Довольно вамъ знать, что ежеминутно могутъ на васъ возстать и страсти собственныя, и духи лукавствія, жаждущіе погибели всѣмъ, что вамъ, какъ немощнѣйшей, непрестанно должно вопить къ Господу: „помилуй мя, яко немощна есмь!“ Господь, когда по надеждѣ вашей на Него будетъ вашею крѣпостію, а по занятіямъ вашимъ—будетъ вашимъ пѣніемъ, тогда Господь будетъ и спасеніемъ вашимъ. *Крѣпость моя и пѣніе мое Господь, и бысть мнѣ во спасеніе.* Тогда вы не умрете, но живы будете покаяніемъ и повѣдаете дѣла Господни, какъ Онъ грѣшниковъ изъемлетъ изъ ада и вводитъ въ рай. О! Когда бы Господь этого сподобилъ! Уготовтесь на скорби, и скорби облегчатся; откажитесь отъ утѣшенія, и оно прійдетъ къ тому, кто считаетъ себя его недостойнымъ.—Прошу святыхъ молитвъ о глаголющемъ и не творящемъ.

9 го Октября 1842.

XIII письмо

къ ней же о покаяніи.

Господь, пришедшій спасти грѣшниковъ, изъ которыхъ я первый, а вторая вы, да отверзетъ намъ отеческія объятія Свои и да пріиметъ насъ, какъ упоминаемый въ Евангеліи отецъ принялъ сына, расточившаго имѣніе его. Успокоеніе сердца нашего да будетъ для насъ извѣщеніемъ, что Милосердый Отецъ Небесный принимаетъ покаяніе наше. Вы мнѣ не писали перомъ, но писали сердцемъ и умомъ, а въ книгѣ преподобнаго Исаіи видѣли отвѣты, мною заблаговременно вамъ написанные. Говорю это потому, что усмотрѣвъ отчасти устроеніе души вашей, я вамъ совѣтовалъ прилѣпиться особенно къ чтенію упомянутой книги,—въ которой отпечатывается душа, испытавшая много болѣзней и узрѣвшая множество немощей своихъ, душа, предавшаяся плачу о самой себѣ, ищущая отрады и пристанища въ милосердіи Божіемъ.—Не смущайтесь вашими заботами о бѣдныхъ земледѣльцахъ, или крестьянахъ, или Христіанахъ; дѣлайте имъ возможное добро, до тѣхъ поръ, когда Господь сниметъ съ васъ эту заботу.—Я утѣшился, увидѣвши изъ письма вашего, что вы уже не такъ умны, какъ были прежде. А что пишу къ вамъ такъ откровенно, то изъ этого можете видѣть, какъ я къ вамъ близокъ сердцемъ моимъ и какъ искренно желаю вамъ преуспѣянія о Господѣ. Миръ Божій да почіетъ надъ вами богатно. Аминь.

1843 г.

XIV письмо

къ ней же: по случаю кончины ея брата.

Богу угодно, чтобъ я былъ вѣстникомъ предъ вами о кончинѣ вашего брата, послѣдовавшей въ день Богоявленія. Онъ исповѣдался въ полной памяти и пріобщился святыхъ Таинъ, послѣ чего, черезъ два часа лишился языка. Вотъ все, что сердце ваше наиболѣе требуетъ знать. Сегодня были у меня П. Н. съ супругою и съ Т. Н., похоронивъ вчера вашего и своего брата. Они просили меня, чтобъ я принялъ на себя написать вамъ извѣстіе объ этомъ событіи, и прежде

чѣмъ они меня попросили объ этомъ, сердце мое мнѣ сказало, что я долженъ это сдѣлать. Лейтесь токи слезные въ отраду и утѣшеніе оставшимся и почившимъ! Въ слезныхъ капляхъ да свѣтится молитва, какъ въ капляхъ дождя разноцвѣтная радуга, этотъ образъ, или правильнѣе символъ мира между Богомъ и человѣками. Разными цвѣтами въ молитвѣ да будутъ: исповѣданіе, сокрушеніе сердца, раскаяніе, умиленіе, радость. Сейчасъ, какъ пишу, пришло мнѣ на мысль, что слово радуга происходитъ отъ радости--это радостная дуга. Такою дугою да будетъ ваша молитва; одинъ конецъ ея да касается вашего сердца, а другой—неба. Свѣтъ надежды и упованія да свѣтится въ душѣ вашей, свѣтъ отъ Свѣта—Христа, Который грѣхи наши омылъ и искупилъ насъ отъ тьмы грѣховной. Ему сами себя и другъ друга вручаемъ. Ему вручаю и васъ, яко милость Его почиваетъ надъ вами. Аминь.

10-го Января 1843 г.

XV письмо

о значеніи духовнаго совѣта: дѣло совѣсти при принятіи его; сила Божія, совершающаяся въ немощи; снисхожденіе къ своимъ немощамъ.

Хотя вы и не извѣщали меня, что находитесь въ нѣкоторомъ смущеніи, но сердце мое мнѣ это сказывало. Вотъ отвѣтъ моего грѣшнаго сердца вашимъ сокровеннымъ помысламъ: вы предо мною всегда одинаковы, потому что отношеніе мое къ вамъ—ради Господа. Миръ вамъ!

....Вижу въ васъ плодъ духовный, который состоитъ въ познаніи немощей своихъ; о нихъ св. Апостолъ Павелъ сказалъ: *благоволю въ немощахъ моихъ, да вселится въ мя сила Христова.* Хорошо бы вамъ прочитать отвѣты Великаго Варсанофія Андрею. (Эту книгу можете списать тогда, когда она въ обители нашей переведется на русскій языкъ, а это дѣло перешло уже за половину). Знайте, что я не присваиваю себѣ никакой власти надъ вами, но подавая вамъ совѣтъ, предоставляю вашей волѣ, исполнить его, или не исполнить. Въ томъ и другомъ случаѣ будьте мирны. Такъ и относительно келейницы вашей: я совершенно буду миренъ, если вы ее отстраните отъ себя, потому что въ отношеніяхъ моихъ къ вамъ имѣю главною цѣлью—пользу души вашей.

Руководствуйтесь вашею совѣстію. По прочтеніи этого письма разсмотрите, какое ощущеніе будетъ въ душѣ вашей. Если прольется въ нее миръ и спокойствіе, то знайте, что сказанное вамъ, сказано о Господѣ; совѣсть ваша будетъ свидѣтельствовать, что сказанное о Господѣ должно исполнить, хотя бы исполненіе сопряжено было со скорбію. Святые Отцы сказали, что добродѣтель безъ скорби не есть добродѣтель. Господь говоритъ въ Евангеліи (Луки гл. 8. ст. 15) объясняя притчу о сѣмени, упавшемъ при сѣяніи на различную почву: *„А иже на добрѣй земли, сіи суть, иже добрымъ сердцемъ благимъ слышавше слово держатъ и плодъ творятъ въ терпѣніи“.* Сказавъ это, Господь добавилъ страшными словами: *Имѣяй уши слышати, да слышитъ.*—Еще прошу—вникните въ себя—и вы найдете, что въ васъ было сокровенное желаніе принести по силѣ вашей душевную пользу какой либо сестрѣ. Судьбами Божіими это устроилось, но не тѣмъ путемъ, какой рисовала наша мечтательность, а путемъ Божіимъ, такъ что представлявшееся намъ полезнымъ осталось безплоднымъ, а представляющееся намъ вреднымъ и немощію принесло обильный плодъ, и слава въ плодѣ принадлежитъ Единому Богу, а мы находимся при однихъ нашихъ немощахъ, въ долгу неоплатимомъ предъ Богомъ! Приглашаю васъ съ собою: разумѣніями нашими и сердечными ощущеніями снидемъ въ ничто, да возвеличится въ насъ Христосъ. Умертвимъ себя: мертвецъ—безъ жизни и безъ дѣйствія. Умертвимъ себя, чтобъ въ насъ жилъ и дѣйствовалъ Христосъ. Будьте снисходительны къ душѣ вашей въ ея немощахъ: излишняя строгость отвлекаетъ отъ покаянія, приводитъ въ уныніе и отчаяніе. Будьте мирны и къ обстоятельствамъ вашимъ, прилагая, впрочемъ, стараніе о окончаніи вашего управленія имѣніемъ: этого требуетъ отъ васъ заповѣдь Христова, увѣряющая васъ живущею въ ней истиною, что „вкупѣ невозможно работать Богу и мамонѣ“. Миръ вамъ. Аминь.

28 Іюня 1844 г.

XVI письмо

къ ней же: въ отвѣтъ на извѣщеніе о кончинѣ другой инокини.

Такъ! скончалась на рукахъ вашихъ А. В. или правильнѣе: окончила земное странствіе и начала жительство вѣч-

ное тамъ, гдѣ нѣтъ печали и воздыханія, но радость безконечная! Всѣ мы такіе кратковременные гости на земли! То и дѣло, что кто либо отъѣзжаетъ въ дальнѣйшій путь. Очень хорошо сравниваетъ Георгій Затворникъ жизнь нашу съ пребываніемъ заключенныхъ въ темницѣ, изъ которыхъ то тотъ, то другой требуются къ суду и окончательному приговору. Будемъ приготовляться къ этому суду, чтобъ приговоръ былъ для насъ благопріятный. Праведные представятъ свои правды, какъ жертвы тучныя предъ престолъ Судіи; а мы грѣшные принесемъ туда хотя покаяніе и слезы!—Господь да благословитъ васъ и да подкрѣпитъ продолжать и окончить во славу Его теченіе ваше. Миръ вамъ.

16 Сентября 1844 г.

XII письмо

къ ней же: при встрѣчающихся скорбяхъ отъ ближнихъ, должно обвинять себя, а не другаго.

Письмо ваше я получилъ и сердечно утѣшился, видя съ какою прямотою и откровенностію вы открыли вашу душу мнѣ недостойному. Господь да воздастъ вамъ по вѣрѣ вашей и да устроитъ временное жительство ваше къ пользѣ для жизни вѣчной!—Я удостовѣряюсь, что К. жить при васъ невозможно; Господь не далъ ей того благопокорливаго разума, какъ ея брату, при мнѣ живущему и жительствомъ своимъ, назидающему себя, меня и многихъ. Вы ее отпустите совсѣмъ и будьте мирны. Мы вѣруемъ, научаясь такъ вѣровать отъ святыхъ Отецъ, что если кому Господь, по недовѣдомымъ намъ, а Ему Единому извѣстнымъ причинамъ, не дастъ уразумѣть пути послушанія, тотъ отъ человѣковъ, ничего не приметъ и хотя бы имѣлъ предъ собою самыхъ святыхъ Апостоловъ, то и на нихъ будетъ метать камнями. Отпустите эту дѣвицу, должную вамъ двумя стами динарій, съ миромъ, безъ всякихъ упрековъ, помня, что мы всѣ должны тьмами талантовъ Господу, Который тогда только оставитъ намъ долгъ нашъ, когда мы оставимъ должникамъ нашимъ. Если же хотите пожать обильный плодъ духовный, то унизьте себя предъ ближнимъ *въ сердцѣ* вашемъ и скажите сами себѣ: „въ томъ, что это дѣло не устроилось, я

виновата по недостатку духовнаго разума и терпѣнія, которыми стяжавается ближній". Помолитесь обо мнѣ, чтобъ Господь даровалъ мнѣ обвинить себя, какъ главную причину этого безпокойства. Я винюсь и прошу васъ простить меня ради Господа, ради Котораго вы расположились внимать моему грѣшному слову, произносимому о Господѣ. Господь да благословитъ васъ; будьте мирны и спокойны.

2 Апрѣля 1845.

XVIII письмо

къ той же инокинѣ: о смиреніи и самоукореніи,

Господь да утѣшитъ скорбящее сердце ваше! Пока мы на пути пока не взошли въ пристанище неизмѣняемой вѣчности, мы должны ожидать въ себѣ и въ своихъ обстоятельствахъ измѣненій, переворотовъ, скорбей обыкновенныхъ и нечаянныхъ. Нѣкоторый преподобный Отецъ сказалъ: „За все слава Богу,—за самыя немощи наши; потому что лучше быть грѣшникомъ и видѣть себя таковымъ, нежели быть по наружности праведникомъ и почитать себя таковымъ". Эти слова святаго Отца крайне утѣшительны для насъ немощныхъ и грѣшныхъ, для нашего времени и племени, могущаго похвалиться только немощами своими. Они не подаютъ повода грѣшить произвольно, но утѣшаютъ такихъ, которые при нѣкоторомъ вниманіи къ себѣ ощущаютъ, что души ихъ находятся въ невольномъ плѣну у грѣха.

Размышляя это и видя себя оскудѣвающею въ дѣлахъ правды, стяжите мытарево смиреніе; то сердце сокрушенное и смиренное, которое Господь не уничижитъ. Не обвиняйте въ немощахъ вашихъ никого, ни даже обстоятельства и развлеченія, въ которыя вы поставлены. Обвиняйте единственно себя. Царь Давидъ, святый Пророкъ и Боговидѣцъ Моисей, святый Пророкъ Даніилъ угодили Богу среди множества разнородныхъ занятій, среди всевозможнаго развлеченія. Преподобные общежитія египетскаго, описаннаго святымъ Іоанномъ Лѣствичникомъ, говорили ему: „*среди молвъ стяжи безмолвную мысль, что преславно*". Укоряйте себя, укоряйте свое немощное произволеніе, потому что сила произволенія и въ немощныхъ производитъ великое. Въ обвиненіи себя найдете утѣшеніе. Обвините себя и осудите себя, а Богъ

васъ оправдаетъ и помилуетъ.—Когда Θеофилъ, патріархъ Александрійскій, прибылъ въ Нитрійскую гору, то спросилъ у Игумена горы, подъ руководствомъ котораго спасались до десяти тысячъ монаховъ: „Что, Отецъ, нашелъ ты особенно важнаго на пути монашескомъ?“—„Укорять и осуждать себя непрестанно“, отвѣчалъ святой и смиренный Игуменъ.—„Да, сказалъ Патріархъ, другаго средства къ спасенію нѣтъ“.—И вы стяжите это легкое дѣланіе, могущее ввести въ душу вашу смиреніе, а вмѣстѣ съ нимъ утѣшеніе и миръ святый отъ Господа, въ Которомъ почиваетъ отъ сердечныхъ трудовъ своихъ всякій обремененный ими. Мира, духовнаго утѣшенія и спасенія вамъ желаю.

12 Сентября 1845 г.

XIX письмо

къ ней-же: отъ самоукоренія раждается сокрушеніе духа. О переписываніи отеческихъ писаній.

Если вы видите въ себѣ, что вы только слышатель слова Божія, а не творецъ, то мыслями вашими встаньте предъ этимъ Словомъ Божіимъ, имѣющимъ судить насъ въ послѣдній день,—какъ осужденная, и постарайтесь стяжать духъ сокрушенъ и сердце сокрушенно, а когда можно, то и поплачьте при такомъ размышленіи—и Господь помилуетъ васъ. Не вдавайтесь въ безнадежіе, но при безнадежіи на себя, тѣмъ тверже уповайте на Бога.

Если разсудите—что списать для пользы вашей и для благочестиваго препровожденія времени въ трудѣ и вмѣстѣ въ Богомысліи, то спишите. Есть у насъ на русскомъ языкѣ Лѣствичникъ моего убогаго перевода. Если угодно, то можно вамъ доставить; книга эта принадлежитъ не мнѣ, но одному изъ братій, который охотно усердствуетъ одолжить ею васъ. Переписываніе книгъ святыхъ было рукодѣліемъ многихъ преподобныхъ Отцовъ, между прочими нашего преподобнаго Нила Сорскаго. Такимъ образомъ оно есть дѣланіе засвидѣтельствованное, какъ дѣланіе Угодниковъ Божіихъ, и не можетъ не быть соединено съ обильною пользою.—Миръ вамъ!

28 Марта 1846 г.

XX письмо

къ ней же: скорби—удѣлъ каждаго послѣдователя Христова.

Письмо ваше я получилъ и увидѣлъ изъ него, что путь жизни вашей пролегаетъ по тѣснинамъ и скорбямъ, какъ это обѣщано всѣмъ, желающимъ послѣдовать Христу. Кто послѣдуетъ Христу, какъ верховный Петръ и первозванный Андрей, тому предназначенъ—крестъ. Кто обращается ко Христу, какъ разбойникъ, того удѣлъ—опять Крестъ. Въ первомъ случаѣ крестъ содѣлывается вѣнцомъ, во второмъ онъ бываетъ лѣствицею. Но каковы бы ни были наши обстоятельства, къ какому бы образцу мы ни подходили,—невозможно быть Христовымъ безъ креста, „еже есть“, говорится при постриженіи въ монашество,—„готову присно быти къ подъятію всякой скорби, которую Промыслитель намъ попуститъ“.

Господь да укрѣпитъ васъ.

Мая 20-го, 46 г.

XXI письмо

къ ней же: не требовать отъ себя праведности.

Соедините милость съ вашею пользою. Если васъ смущаетъ мысль, что ваша милостыня не вполнѣ чиста, но съ примѣсью своекорыстія, то знайте, что хлѣбы наши и не могутъ быть вполнѣ чисты. Добродѣтели наши должны непремѣнно имѣть примѣсь нечистоты, происходящую отъ немощей нашихъ. Не должно съ души своей, съ своего сердца требовать больше, нежели сколько они могутъ дать. Если потребуете сверхъ силъ, то они обанкротятся, а оброкъ умѣренный могутъ давать до кончины вашей; довольствуясь имъ, вы будете совершать себя до смерти и не умрете съ голода.

Миръ вамъ!

17 Февраля 1847 г.

XXII письмо

къ ней-же: объ отклоненіи причинъ разслабленія.

Не только относительно тѣла, но и относительно души не все бываетъ такъ, какъ мы хотимъ, а большая часть зави-

сить отъ обстоятельствъ. Почему, по возможности, отклоняя причины разслабленія, зависящія собственно отъ насъ, надо пребывать мирнымъ, повергая себя съ немощами своими въ пучину милосердія Божія.

20 Февраля 1848 г. Бабайки.

XXIII письмо

къ ней же: о преподаніи совѣтовъ и о перепискѣ твореній Святыхъ Отцовъ.

По вопросу о дѣвицахъ, обратившихся къ Вамъ за душеполезнымъ совѣтомъ,—назидайте ихъ по силамъ вашимъ, не давая хода сердечному пристрастію, и зная, что единъ Богъ есть врачъ душъ ихъ, равно какъ и вашей. Такое устраненіе отъ пристрастія сохранитъ васъ въ самоумерщвленіи, при которомъ удобно дѣйствуетъ память смертная.

Извините мою ошибку! Я не понялъ, что вы желаете переписать „Цвѣтникъ“ Священно-инока Дороѳея, а полагалъ, что вы хотѣли заняться книгою аввы Дороѳея, для бо́льшаго впечатлѣнія ея въ памяти. Я столько уважаю эту книгу, что и донынѣ не перестаю перечитывать ее для назиданія моего и братій моихъ. Относительно-же Цвѣтника скажу вамъ то же, что и относительно святаго Исаака: эти книги принадлежатъ болѣе отшельникамъ и глубокимъ отшельникамъ. Цвѣтникъ переводится нынѣ на россійскій языкъ по благословенію Митрополита ученымъ іеромонахомъ Іоною, проживающимъ въ Валаамскомъ монастырѣ. Почему и совѣтовалъ бы я вамъ лучше переписать Исаака, а Цвѣтникъ, можетъ быть, будетъ скоро напечатанъ на русскомъ языкѣ. Исаакъ же имѣетъ такое достоинство аскетическое въ переводѣ Паисія, что его никакой другой переводъ замѣнить не можетъ.—Впрочемъ, если вы разсудите и Цвѣтникъ имѣть на Славянскомъ языкѣ, на которомъ онъ написанъ священно-инокомъ,—то это благо. Книга эта и теперь рѣдка, а впослѣдствіи еще будетъ рѣже.

Января 25, 1851 г.

XXIV письмо

къ ней-же: при принятіи ею постриженія.

Благодарю васъ за письмо ваше, что вы вступаете въ море иночества на ладьѣ вѣры. Этою же вѣрою переноси-

тесь чрезъ волны иноческаго моря: волны его—многоразличныя скорби, попускаемыя Божіимъ Промысломъ для спасенія нашего, воздвигаемыя собственными нашими немощами и врагомъ нашимъ діаволомъ. Очень утѣшаюсь мыслію, что вы принимаете постриженіе. Господь да благословитъ и да укрѣпитъ васъ!

2 Апрѣля 1858 г.

XXV письмо

къ ней-же.

Продолжительное жительство наше въ монастырѣ приноситъ намъ хотя тотъ плодъ, что мы начинаемъ грѣть наши немощи и все упованіе наше возлагать не на себя, но на Искупителя нашего.

30-го Апрѣля 59 г.

XXVI письмо

къ ней-же.

Господь да помянетъ любовь вашу!

Заповѣди Евангельскія суть свѣтъ нашъ во время странствованія нашего въ нощи земнаго житія. На нихъ и до неуклонно смотрѣть, чтобъ не сбиться съ пути, и по нимъ выходить на путь, когда собьемся съ него. Такого жительства себѣ и вамъ желаю.

Ставрополь. 4-го Января 1861 г.

XXVII письмо

къ ней-же.

Милосердый Господь, дарующій путь спасенія и самое спасеніе произволяющимъ спастись, да укажетъ вамъ подобающій путь. Въ наше время предоставлено спасаться наиболѣе терпѣніемъ скорбей.

Вообще здоровье мое очень разстроено. Пріѣхалъ сюда полумертвымъ. На все свое время. Было время, когда я большую часть его отдавалъ ближнимъ, а теперь пришло другое время,—время, въ которое должно обратить вниманіе особенно строгое на себя, чтобъ приготовиться покаяніемъ къ переходу изъ сей жизни.

28-го Ноября, 1861 г.

XXVIII письмо

къ ней-же.

Что нахожу полезнымъ для себя, то нахожу полезнымъ и для васъ, а именно: благодушное терпѣніе внѣшнихъ и внутреннихъ скорбей и благовременное приготовленіе себя покаяніемъ къ переходу въ вѣчность.

XXIX письмо

къ ней же: о самоукореніи.

Благо иноку и инокинѣ, долго жившимъ въ монастырѣ и достигшимъ преклонныхъ лѣтъ, остатокъ дней своихъ провести во вниманіи себѣ, въ безмолвіи, въ приготовленіи себя къ переходу въ вѣчность. Желающему благочестно и успѣшно безмолвствовать надобно въ основаніе жительства своего положить постоянное самоукореніе, какъ сказалъ нѣкоторый великій старецъ горы Нитрійской Θеофилу Патріарху александрійскому.

Прошу вашихъ святыхъ молитвъ о мнѣ ко Господу, чтобъ и мнѣ даровалось то дѣланіе, которое вамъ указываю, и безъ котораго невозможно душѣ успокоиться и выйти изъ состоянія смятенія и развлеченія.

17 Марта 1862 г.

XXX письмо

къ ней: же о развлеченіи.

Море, взволнованное вѣтрами, и послѣ того, какъ вѣтры утихнутъ, втеченіи значительнаго времяни продолжаетъ волноваться. Такъ и умъ, подвергшійся вліянію развлеченія, продолжаетъ чувствовать это вліяніе и по удаленіи отъ развлеченія въ теченіи значительнаго времяни. Надобно переносить такое положеніе благодушно и стараться отвлекать умъ отъ развлеченія въ памятованіи смерти и суда Божія.

Милосердый Господь да осѣнитъ Своею милостію подвигъ вашъ!

29 Апрѣля 1862 г.

XXXI письмо

къ ней-же.

Вы хорошо сдѣлали, отказавшись (отъ игуменства) на первый разъ по сознанію немощи и недостоинства. Далѣе—что

Богъ дастъ. Святый Симеонъ Новый Богословъ сказалъ, что всякое служеніе въ нѣдрѣ Церкви, когда оно проходится съ цѣлію угожденія Богу, преблаженно. Поступите по волѣ Божіей, умоливъ Бога, чтобъ Онъ даровалъ вамъ поступить благоугодно Ему.

29-го Декабря 1863 г.

XXXII письмо

къ ней-же.

Состояніе моего здоровья похоже на ваше: даже на Святую Пасху не могъ выдти въ Церковь. Надо благодарить Бога за посланное наказаніе во время земной жизни: оно подаетъ надежду избавленія отъ казней въ вѣчности, составляющихъ необходимое послѣдствіе грѣховности.

20 Апрѣля 1864 г.

XXXIII письмо

къ нѣкоторому настоятелю: о милосердіи.

По прибытіи моемъ въ обитель Святителя Христова Николая, нѣкоторое время останавливался я писать къ вамъ. Я ожидалъ, чтобъ развлеченіе, которое въ такомъ обиліи стяжала душа моя во время продолжительнаго путешествія, мало по малу утихло, будучи постепенно ослабляемо уединеніемъ. Нѣтъ! не сбылись мои надежды! Продолжаю развлекаться, теряю драгоцѣнное, невозвратимое, улетающее время, между тѣмъ, какъ желалъ бы посвятить его всецѣло покаянію. Долженъ былъ погостить, и долго погостить, въ Костромѣ, долженъ побывать въ Ярославлѣ, долженъ позаботиться о устройствѣ своихъ келлій: все это развлекаетъ, вводитъ въ душу попеченіе о землѣ, отводитъ отъ попеченія существенно-необходимаго, попеченія о небѣ. А всякое попеченіе о небѣ, если оно не одушевлено покаяніемъ—мертво, неистинно. *„Беззаконіе мое азъ возвѣщу и попекуся о грѣсѣ моемъ“*, воспѣвалъ Боговдухновенный Давидъ.

Изъ за того, что не могу отторгнуться отъ неотвязчиваго, прилипшаго ко мнѣ развлеченія, несправедливо же лишать

васъ письма моего, на которое вы имѣете все право, какъ на дань, какъ на долгъ, возложенные вами на мое сердце, оказавъ мнѣ такъ много любви и довѣренности. Вы и прекрасное словесное стадо ваше часто являетесь очамъ души моей, являетесь такъ утѣшительно, такъ близко. Духъ сокращаетъ разстояніе вещественное!... Смотрю на васъ,—и говорю съ сердечною любовію: „Господи, спаси ихъ! Господи, благослови ихъ! Господи, управь пути ихъ къ истинному благоугожденію Тебѣ“!

При личномъ свиданіи нашемъ, вы мнѣ сказали, что многіе упрекаютъ васъ за милосердіе ваше къ ближнимъ, находятъ его излишнимъ, чрезмѣрнымъ. Вы желали слышать мое мнѣніе объ этомъ предметѣ. Въ то время душа моя была омрачена пагубнымъ развлеченіемъ; сердце грубѣло въ ожесточеніи и нечувствіи—неизбѣжныхъ свойствъ сердца, при отсутствіи покаянія. Отъ покаянія раждается умиленіе: умиленіе освѣщаетъ клѣть душевную, внося въ нее свѣтъ духовный отъ Свѣта Христа. Не было этого свѣта въ душѣ моей,— нѣтъ его и теперь. Уединеніе даетъ, по крайней мѣрѣ, возможность вспомнить о его существованіи. Одно воспоминаніе о Свѣтѣ уже просвѣщаетъ! При такомъ воспоминаніи скажу вамъ отвѣтъ мой, который при свиданіи былъ въ одномъ молчаніи, или въ обѣщаніи отвѣчать письменно изъ уединенія. Хочу исполнить теперь мое обѣщаніе! а тогда зачѣмъ было двигать безплодно устами и языкомъ изъ однихъ соображеній ума?—въ душѣ не было отвѣта.

Руководимый Евангеліемъ, начинаю глядѣть въ глубины и высоты ученія Христова. Приглашаю васъ: встанемъ на вершинѣ горы святой, то-есть, погрузимся въ покаяніе и молитву; изъ нихъ, изъ состоянія ими раждаемаго воззримъ на чудеса Божіи *въ земли Египетстѣй, на полѣ Танеосъ* [1]), въ странѣ нашего изгнанія и плѣна. Умолимъ Господа, чтобъ Онъ даровалъ намъ увидѣть эти чудеса: Онъ отверзаетъ очи души,—тогда они видятъ *чудеса отъ закона Его* [2]).

Разсматриваю милосердіе, заповѣданное Господомъ: вижу бездну несоглядаемую, вижу высоту, уносящуюся отъ взоровъ. Онъ заповѣдуетъ намъ: *Будите милосерди, якоже и*

[1]) Псал.
[2]) Псал.

Отецъ вашъ небесный милосердъ есть [1]). Чтобъ исполнить эту заповѣдь, надобно сдѣлаться столько милосердымъ, сколько милосердъ безконечно милосердый Господь. *Широка*, Господи, *заповѣдь Твоя зѣло!* [2]). Кто возможетъ ее исполнить вполнѣ самымъ дѣломъ? Развѣ тотъ, кто, объятый Духомъ Твоимъ Святымъ, оставилъ такъ свойственное младенцамъ хожденіе съ трудомъ и крайнею медленностію по стези заповѣдей Твоихъ,—начинаемъ шествовать по нимъ исполинскими шагами, болѣе летѣть, нежели шествовать,—летѣть на крыльяхъ Духа. Но я, грѣшникъ, мрачный грѣшникъ, какъ ни взгляну въ себя, всегда вижу смѣшеніе добра со зломъ, доставленное человѣческому роду его праотцемъ, дерзостно и погрѣшительно вкусившимъ отъ древа познанія добра и зла. Кажусь я людямъ милосердымъ; но съ точностію повѣривъ себя, изслѣдовавъ себя, нахожу въ себѣ одну глупую личину милосердія. Милосердствуетъ во мнѣ тщеславіе; милосердствуетъ во мнѣ пристрастіе; милосердствуетъ во мнѣ корысть; милосердствуетъ во мнѣ плоть; милосердствуетъ во мнѣ кровь; но чтобъ подвигала меня къ милосердію заповѣдь Христова, чистая, святая,—этого я не нахожу въ себѣ. Когда же я, мрачный грѣшникъ, опомнюсь на краткое мгновеніе и пожелаю быть милосердымъ сообразно заповѣди Христовой: то вижу, что долженъ учинить сердцу моему ужасное насиліе. Обличается сердечный недугъ мой святою заповѣдію! убѣждаемый ею признаю себя, по естеству милосердаго, жестокосердымъ, человѣконенавидцемъ по отношенію къ Евангелію. Мое сердце согласно быть милосердымъ по движенію крови; но быть милосердымъ по заповѣди Христовой для него—распятіе.

Такъ видя себя, сличая свое состояніе съ тѣмъ, которое начертано въ Евангеліи для ученика Христова, нахожу, что мнѣ, имѣющему естественное расположеніе къ милосердію, не должно ввѣряться этому естественному расположенію, должно умерщвлять его. Я обязанъ принуждать себя къ милосердію сообразно заповѣдямъ Евангелія, хотя-бъ это и было сопряжено съ насиліемъ сердца, носящаго въ себѣ заразу грѣха, общую всѣмъ человѣкамъ. Естественное милосердіе, какъ произведеніе плоти и крови, не можетъ быть

[1]) Мѳ. 6, 36.
[2]) Псал. 118.

Богоугодною добродѣтелію. Мало этого! оно враждебно заповѣдямъ Евангельскимъ! Для посѣщенія и умерщвленія его принесенъ на землю мечъ Евангельскій. Водимые естественнымъ милосердіемъ пребываютъ во мракѣ подъ вліяніемъ лютаго, всезлобнаго міродержца.

Господь, Спаситель міра, во время пребыванія Своего на земли, возвѣщалъ однажды ученикамъ Своимъ, что Ему должно идти во Іерусалимъ, тамъ много пострадать, быть убиту и въ третій день воскреснуть. Тогда верховный изъ Апостоловъ, святый Петръ, движимый естественнымъ милосердіемъ, началъ противорѣчить Господу. *Милосердъ Ты, Господи*, говорилъ онъ: *не имать быти Тебѣ сіе.* На это изъявленіе состраданія, милосердія—естественныхъ, Господь отвѣчалъ Святому Петру: *Иди за мною, сатано, соблазнъ Ми еси: яко не мыслиши, яже суть Божія, но человѣческая.* Неужели въ устахъ Богочеловѣка слово *сатано* было лишь укоризненное? Сохрани Боже допустить такое Богохульство! Этимъ словомъ Господь изображаетъ, что мысли и чувствованія падшаго человѣка находятся подъ властію сатаны, хотя повидимому они и кажутся добрыми; дѣйствія человѣка по влеченію его сердца сливаются въ одно съ дѣйствіями сатаны. Такъ повреждено горестнымъ паденіемъ естество наше! *Тогда*, повѣствуетъ Евангеліе, *Іисусъ рече ученикомъ Своимъ: Аще кто хощетъ по Мнѣ идти, да отвержется себе и возметъ крестъ свой и по Мнѣ грядетъ. Иже бо аще хощетъ душу свою спасти, погубитъ ю: а иже аще погубитъ душу свою Мене ради, обрящетъ ю.* Должно умертвить то милосердіе, котораго причина—кровь; должно снискать то милосердіе, котораго причина, источникъ—свѣтлая и святая заповѣдь Христова; она—*Духъ*, она—*животъ вѣчный.*

Вотъ обѣщанный мною отвѣтъ. Совѣтую вамъ то, что признаю для себя необходимо нужнымъ: отвергните милосердіе, дѣйствующее въ васъ отъ крови, иначе, отъ чувствъ сердечныхъ, вдайтесь въ снисканіе милосердія, возвѣщеннаго Евангеліемъ, содѣлывающаго человѣка Богоподобнымъ. Предъ вами откроется необозримое поприще для подвига и теченія. Какое бы вы ни стяжали преуспѣяніе въ милосердіи,—оно покажется вамъ ничтожнымъ въ сравненіи съ образцомъ милосердія, начертаннымъ въ Евангеліи. Самое преуспѣяніе ваше будетъ научать васъ смиренію, приводить къ нему.

Таково свойство преуспѣянія духовнаго! Напротивъ того,— кто не отвергается себя, не погубляетъ души своей, дѣйствуетъ по влеченію чувствъ сердечныхъ, отъ движенія крови: тотъ непремѣнно осуществляетъ свое *я*, видитъ добро въ своихъ движеніяхъ, своихъ дѣйствіяхъ, оживляетъ собственно себя, стяжаваетъ мало-но-малу высокое о себѣ мнѣніе. Таковый, думая--преуспѣваетъ духовно, преуспѣваетъ лишь въ лютомъ паденіи. Темная прелесть овладѣваетъ его душею; чуждый духовнаго жительства и разума, онъ погружается глубже и глубже въ лжеименный разумъ и темную прелесть. Прелесть—справедливая награда того, кто возлюбилъ и почтилъ падшее естество свое, не восхотѣлъ состоянія, о которомъ говоритъ св. Апостолъ: *Не тому живу азъ, но живетъ во мнѣ Христосъ.*

.... Опять переношусь крылами мысли и любви къ вамъ, къ овцамъ вашимъ, этимъ земнымъ ангеламъ. Всѣ они — такіе откровенные, страннолюбивые, братолюбивые,—Ангелы. Вы научили ихъ быть такими!—Всѣмъ скажите отъ меня мой усерднѣйшій поклонъ.—Когда нѣкоторые изъ нихъ провожали меня при отъѣздѣ моемъ изъ Святой обители вашей, зашелъ разговоръ между прочимъ о томъ, какому изнеможенію подвергаются крылосные отъ своего послушанія. Я, въ свою очередь, повѣдалъ, что по причинѣ этого изнеможенія установлена въ нашей обители чреда для утрени и вечерни. Половина крылосныхъ становится при этихъ службахъ на крылосѣ, а другая не становится. На слѣдующій день поютъ отдыхавшіе наканунѣ, а пѣвшіе наканунѣ отдыхаютъ. У этихъ же службъ пріучаются къ пѣнію тѣ изъ вновь вступившихъ, которые имѣютъ голосъ и способность къ пѣнію. Къ Божественной Литургіи и Всенощнымъ приходятъ всѣ. Понравилось братіямъ вашимъ распоряженіе, сдѣланное въ Сергіевой Пустынѣ! Они признались мнѣ, что нѣкоторые изъ нихъ чувствуютъ сильное изнеможеніе, даже самое разстройство въ груди, за которымъ можетъ послѣдовать потеря способности пѣть и хроническія болѣзни, быстро и прямо ведущія ко гробу. Этому привелось мнѣ видѣть горькіе примѣры. Я обѣщалъ чадамъ вашимъ замолвить о нихъ въ письмѣ моемъ къ ихъ чадолюбивому Отцу, который—и мой Отецъ. А потому я предъ нимъ — такъ дерзновененъ!

XXXIV письмо

къ брату, находящемуся въ послушаніи келаря.

Трудись съ терпѣливымъ постоянствомъ въ жребіи блаженной Маѳы, удостоившейся приготовлять и поставлять пищу для Спасителя, ожидай съ вѣрою награды отъ Господа. Онъ скажетъ служившимъ братіи на страшномъ судѣ Своемъ: *Аминь глаголю вамъ, понеже сотвористе единому сихъ братій Моихъ меньшихъ, Мнѣ сотвористе* [1]). И введетъ Господь усердно послужившаго братіи въ вѣчный покой и наслажденіе рая. Помни, что чаша холодной воды не лишится мзды своей на Небѣ, и не упускай случаевъ увеличить мзду твою. Имѣй мысль, что служишь не человѣкамъ, а Ангеламъ — и усладится тебѣ служеніе твое. Оказывай любовь и услугу ближнимъ ради Бога, а не по сердечному чувству, влеченію, избранію, тѣмъ менѣе пристрастію,—и очистится отъ нечистоты служеніе твое,—будетъ жертвою, благопріятною Богу. По расположенію и довѣренности твоей ко мнѣ грѣшному, сказываю тебѣ: настоящее послушаніе твое особенно способствуетъ спасенію твоему по твоимъ естественнымъ свойствамъ. Преуспѣвай, мужайся въ этомъ служеніи, вѣруй обрѣсти посредствомъ его спасеніе душѣ своей. Остерегайся уязвлять ближняго! Преподобный Антоній Великій говорилъ: „Отъ ближнихъ—наша жизнь и смерть: если упокоимъ брата,—Бога упокоимъ. А если оскорбимъ брата, то согрѣшаемъ противъ самого Христа“. И такъ убойся оскорблять братію! И услугу, и оскорбленіе, сдѣланные ближнему, принимаетъ Христосъ, какъ бы онѣ сдѣланы были Ему—Господу. Когда должно отказать въ чемъ брату, — откажи съ тихостію и вмѣстѣ твердостію, объяснивъ невозможность исполнить его желаніе. Если же когда увлечешься и согрѣшишь въ чемъ по свойственной всѣмъ человѣкамъ немощи,—не предавайся унынію. Напротивъ того, немедленно прибѣгай съ раскаяніемъ къ Господу, моли Его, чтобъ простилъ тебя—и простится тебѣ. Христосъ съ тобою. Молись о мнѣ, много-любящемъ тебя о Господѣ.

---

[1]) Матѳ. 25. 40.

XXXV письмо

къ вновь вступившему въ монастырь и подвергшемуся искушеніямъ.

Путь жизни нашей подобенъ плаванію чрезъ обширное море. На этомъ морѣ иногда бываетъ тихо, иногда дуетъ попутный вѣтеръ; но всего чаще—на немъ буря. Видя наступленіе бури, видя самую бурю, не должно смущаться, приходить въ унынie и отчаяніе;—должно противоборствовать волнамъ, вѣтру противному. Иначе корабль душевный можетъ подвергнуться сокрушенію, даже—потопленію. Если во время бури случится чему сломаться, или повредиться въ кораблѣ душевномъ, — опять не должно унывать, не должно смущаться. Надо высмотрѣть благонадежную пристань, войти въ нее, починить и поправить поврежденное, потомъ продолжать далѣе плаваніе въ надеждѣ на Всемогущаго Бога. Всемогущій Богъ не оставитъ того, кто надѣется на Него! Самыя бури послужатъ въ пользу вѣрному рабу Христову: онѣ содѣлаютъ его искуснымъ плавателемъ. Пристани, въ которыхъ чинится корабль душевный: молитва въ сокрушеніи духа, чтеніе Священнаго Писанія и Отеческихъ книгъ, совѣтъ ближняго, если этотъ ближній способенъ дать совѣтъ о Господѣ. Успокойся: *блаженъ человѣкъ*, говоритъ Писаніе, *иже претерпитъ искушеніе*. Напротивъ того: *всякъ неискушенъ, неискусенъ*. Прошедшая буря пусть послужитъ для тебя предъуготовительнымъ, опытнымъ ученіемъ къ перенесенію будущихъ бурь. Заблаговременно разсмотри, какое должно быть при нихъ твое поведеніе, — заблаговременно приготовь, изучи его. А бури послѣдуютъ непремѣнно! Премудрый Господь установилъ такъ, чтобъ *многими скорбями входить намъ въ Царствіе Небесное*, которое мы потеряли, теряемъ чрезъ безвременное и незаконное стремленіе къ наслажденію. Всѣ мы, подобно нашему праотцу, склонны простирать дерзновенную руку къ запрещенному плоду познанія добра и зла, склонны къ утѣшенію вещественному, скоро обольщаемся обманчивымъ призракомъ духовнаго разсужденія и добродѣтели, подъ личиною которыхъ прячется убивающее насъ зло. Скорбь дѣйствуетъ противоположно наслажденію,—а потому противудѣйствуетъ нашему паденію, способствуетъ нашему возстанію. По этимъ

свойствамъ своимъ скорбь необходима намъ ко спасенію. По причинѣ необходимости ея, Спаситель повелъ стезею скорбей Свое святое стадо въ страну блаженства вѣчнаго. Тому, кто отказывается отъ скорбей, Онъ возвѣщаетъ рѣшительно: *Иже не возметъ креста своего и въ слѣдъ Мене грядетъ, нѣсть Мене достоинъ.*

Христосъ съ тобою. Надѣюсь увидѣть тебя и сказать тебѣ то, что Богъ дастъ въ утвержденіе души твоей, изшедшей изъ міра для взысканія Господа. Думаю, что встрѣчу зиму въ Бабаевскомъ монастырѣ: хотѣлось бы встрѣтить тамъ и весну. Впрочемъ какъ Богъ устроитъ. Молись о мнѣ.

XXXVI письмо

къ Отцу, отправляющемуся въ Іерусалимъ.

Итакъ, вѣсть, которую я услышалъ о васъ, справедлива! Вы ѣдете въ Іерусалимъ, въ тѣ мѣста, гдѣ было земное пребываніе Спасителя, въ тѣ мѣста, о которыхъ Онъ сказалъ женѣ Самарянкѣ: *жено, вѣру Ми ими, яко грядетъ часъ, егда ни въ горѣ сей, ни во Іерусалимѣхъ поклонитеся Отцу.... Но грядетъ часъ и нынѣ есть, егда истинніи поклонницы поклонятся Отцу Духомъ и Истиною: ибо Отецъ таковыхъ ищетъ покланяющихся Ему.* Еще приходитъ мнѣ на мысль Іерусалимское обстоятельство, на которое жаловался Господу разслабленный Виѳезды: *Господи, человѣка не имамъ!...* И мнѣ хотѣлось бы попасть въ Іерусалимъ! Вижу его въ Евангеліи. Тамъ и нынѣ живетъ Христосъ, сказавшій ученикамъ Своимъ: *Се Азъ съ вами до скончанія вѣка.* Въ этотъ Іерусалимъ—одни врата: покаяніе! Хотѣлось бы попасть во врата! Хотѣлось бы попасть во святый градъ! Не хотѣлось бы остаться внѣ! Не хотѣлось бы, чтобъ на пути застигла ночь! Ночью внѣ града скитаются звѣри хищные! Удобно дѣлается жертвою ихъ запоздавшій путникъ!... Тамъ была сказана притча о запоздавшихъ юродивыхъ дѣвахъ. Онѣ остались внѣ; — извнутри только услышали гласъ: *Не вѣмъ васъ. Отыдите!...*

Вотъ мысли, которыя пришли мнѣ невольно при вѣсти о путешествіи вашемъ въ Іерусалимъ. Эта вѣсть меня опечалила. Святый Іоаннъ Лѣствичникъ сказалъ о нашемъ мо-

нашескомъ пути: „Горе единому; а гдѣ два, или три собраны о Господѣ, тамъ и Господь посреди ихъ“. Жаль добраго спутника, отходящаго въ дальную страну! Его благое слово, благое дѣло, сокрытыя отъ насъ дальнымъ разстояніемъ, уже не будутъ на насъ дѣйствовать! Утѣшаюсь тѣмъ, что всѣ мы во власти Божіей, что Промыслъ Божій хранитъ всѣхъ, невидимо держитъ за руку Своихъ искреннихъ служителей, наставляетъ ихъ на путь Своихъ святыхъ хотѣній. Что вамъ сказать въ напутствіе? То, что и себѣ повторяю непрестанно! Будемъ погружаться въ покаяніе, будемъ пребывать въ немъ, будемъ имъ очищать ризы наши. Сдѣлаемъ свое дѣло; а Богъ непремѣнно сдѣлаетъ Свое: очищенныхъ покаяніемъ Онъ просвѣщаетъ благодатію Святаго Духа Своего.

Желаю вамъ благополучнаго путешествія. Прошу непрерывать любви вашей ко мнѣ грѣшному! Прошу вашихъ святыхъ молитвъ о мнѣ грѣшномъ!

XXXVII письмо

къ иноку, находящемуся въ скорбныхъ обстоятельствахъ.

Опустивъ крылѣ мыслей и чувствъ, благоговѣйно стою предъ вами. Научаютъ меня этому благоговѣнію Ангелы, которые благоговѣйно взираютъ, по сказанію Писанія, на земныя страданія рабовъ Христовыхъ. И въ самомъ дѣлѣ,— чудное зрѣлище, вынуждающее—благоговѣть: плотію и кровію попираются плоть и кровь. Прошу вашихъ святыхъ молитвъ: потому что „близь Господь сокрушенныхъ сердцемъ и уши Его—въ молитву ихъ“.

Увидѣлъ нѣкогда преподобный Моисей скитскій снизшедшаго на юнаго инока Захарію Духа Святаго, и познавая, что языкъ Захаріи содѣлался тростію книжника скорописца—Духа, спросилъ его: „скажи мнѣ, какъ мнѣ вести себя?“— Захарія снялъ камилавку съ главы своей, положилъ подъ ноги, стопталъ, смялъ ее ногами и говоритъ: „Такъ если не сотрется человѣкъ,—не можетъ быть монахомъ“.

У кого предъ очами смерть и вѣчность, — непремѣнный, неизбѣжный удѣлъ каждаго человѣка, — тотъ посмѣвается и скорбямъ и сладостямъ земнымъ. У кого же врагъ укра-

деть память о смерти и вѣчности,—предъ очами того выростаетъ жизнь временная въ вѣчность, выростаютъ скорби въ неизмѣримыхъ, неодолимыхъ исполиновъ. Лишь инокъ вспомнилъ о смерти,—пали въ прахъ исполины; отдернулась завѣса, закрывавшая отъ него вѣчность: предъ нимъ событія земныя,—какъ занятія, забавы, наказанія дѣтей!

Въ вѣчность! Въ вѣчность!—Идемъ, мчимся путемъ жизни! Все, и сладкое и горькое остается за нами. Бывшее — какъ бы никогда не бывало. Одно вѣчное не подлежитъ времени, не подлежитъ перемѣнамъ, должно быть признано существеннымъ, достойнымъ всего вниманія, всѣхъ заботъ: потому что остается навсегда. Діаволъ старается развлекать наши взоры, чтобъ изъ взоровъ нашихъ ускользнула вѣчность. Она ускользнула — и человѣкъ бьется, мучится въ сѣтяхъ ловителя. Духовный разумъ, который — смиренномудріе, разсѣкаетъ эти сѣти. „Помни послѣдняя твоя и во вѣкъ не согрѣшишь“ ни ропотомъ на блаженное иго Христово, ни изнеможеніемъ въ вожделѣнномъ и преславномъ иноческомъ подвигѣ. „Претерпѣвый до конца, той спасенъ будетъ“. „Кто-жъ поколеблется“, — вѣщаетъ Богъ, „о томъ не благоволитъ душа Моя“.

И опять прошу вашихъ святыхъ молитвъ.

XXXVIII письмо.

Благословеніе благаго начинанія.

Господь да благословитъ твое намѣреніе и да скажетъ „путь въ онь-же пойдеши“. Изоравъ землю сердца твоего скорбями, измельчивъ и раздробивъ ее искушеніями отъ человѣковъ,—Онъ да насѣетъ ее сѣменами святой Правды Своей и да утѣшитъ тебя плодомъ духовнымъ.

XXXIX письмо

къ больной старицѣ, вступившей въ монастырь съ двумя дщерями своими

Простите, что за незнаніемъ имяни вашего, смѣю назвать васъ „Матушкой“. Въ пріѣздъ мой въ святую обитель Спасо-Бородинскую вы привѣтствовали меня съ такимъ сердеч-

нымъ радушіемъ, какъ-бы родного сына,—припомните, когда Г-жа Игуменія меня представила вамъ на монастырѣ. Тогда вы меня глубоко тронули! Вы мнѣ сказали: „мы васъ ждали и ждали сюда“. Ваши слова остались въ памяти моей въ противность обычаю моему: я—очень, забавно—безпамятливъ.

Ублажаю васъ! Вижу надъ вами какую-то чудную руку Божію! Сами вы подъ крестомъ недуга; а дѣти ваши—плодъ чрева вашего—подклонили рамена свои кресту Христову, отвергши иго міра, какъ непотребное!—Моя родительница много огорчалась при вступленіи моемъ въ монастырь; но на смертномъ одрѣ, за нѣсколько минутъ до кончины, произнесла: „Теперь, въ этотъ часъ, у меня одно утѣшеніе: мой старшій сынъ—въ монастырѣ“. Часто размышляю: какое неизъяснимое горе обыметъ на страшномъ судѣ Христовомъ тѣхъ родителей, которыхъ гнѣвно и грозно обличитъ и осудитъ нелицепріятный Судія за принесеніе чадъ ихъ въ жертву міру и міродержцу!—Какая ни съ чѣмъ несравнимая радость обыметъ тѣхъ родителей, которыхъ этотъ Судія благословитъ и восхвалитъ за принесеніе чадъ ихъ въ жертву Богу, за приготовленіе ихъ въ жители свѣтлаго рая!—Эта радость васъ ожидаетъ! Два вѣнца ожидаютъ васъ: одинъ за ваши собственныя скорби, другой за дѣтей вашихъ. Хороши—вѣнцы блаженства! Не угодно-ли вамъ примѣрять ихъ!.. Въ полное владѣніе они даются въ той жизни,—а примѣрять ихъ можно и здѣсь. Хотите-ли?—по милости Божіей—научу васъ—какъ ихъ ухватить (они тонки, духовны; не всякій знаетъ, какъ они похищаются!), и какъ примѣрять?—Положите себѣ за правило ежедневно благодарить Господа за Вашу чашу, т. е. за недуги, за всѣ скорби ваши, за жребій дщерей вашихъ; въ особенности благодареніемъ Богу отгоняются помыслы скорбные; при нашествіи такихъ помысловъ „благодареніе“ произносится въ простыхъ словахъ, со вниманіемъ и часто,—доколѣ не принесется сердцу успокоеніе. Въ скорбныхъ помыслахъ никакого нѣтъ толку: отъ скорби не избавляютъ, никакой помощи не приносятъ, только разстраиваютъ душу и тѣло. Значитъ: они отъ бѣсовъ—и надобно ихъ отгонять отъ себя. Отгоняются же скорбные помыслы „благодареніемъ“ Богу. „Благодареніе“ сперва успокоиваетъ сердце, потомъ приноситъ ему утѣшеніе, впослѣдствіи принесетъ и небесное радованіе—залогъ, предвкуше-

ніе радости вѣчной. Бу́дите благодарить—вѣнчикъ примѣряете. Мнѣ бы хотѣлось увидѣть на душѣ вашей примѣрянный вѣнчикъ Небесный, вѣнчикъ радованія духовнаго!—„Благодареніе“ изъ простенькихъ и немногихъ словъ, а дѣла надѣлаетъ больше, нежели сдѣлаютъ его тысячи умнѣйшихъ книгъ. „Благодареніе“—оружіе, завѣщанное христіанамъ Духомъ Святымъ чрезъ Апостола. „Благодареніе“—Апостольское, Божіе ученіе и преданіе. Благодареніе Богу совершаетъ чудеса и знаменія! И зрятся эти знаменія не очами тѣлесными,—несравненно превосходнѣйшими ихъ очами душевными—и въ душевной клѣти: тамъ отъ Божественнаго прикосновенія оставляетъ болѣзненный огнь скорби тещу Петрову,—она начинаетъ услуживать Господу. Петръ—образъ вѣры; теща его—образъ души, ближайшей родственницы Петру. Благодареніе—сильно Богомъ всесильнымъ, Которому оно приносится! Благодареніе—сильно вѣрою, которая одна, рѣшительно одна, способна воспріять и объять неограниченную силу Божію: у вѣры нѣтъ границъ, какъ нѣтъ ихъ у Бога и у всего, что относится къ Богу. Разумъ, какъ ни разуменъ,—ограниченъ: не годится для дѣлъ Божіихъ. Все Божіе, всякое знаменіе онъ встрѣчаетъ отталкиваніемъ: „какъ?“ „неужели?“ „почему?“—Прочь—непотребный, отверженный Богомъ!.. Придите—святая вѣра и буйство проповѣди Христовой—спасите насъ!

XL письмо

къ нѣкоторому священно-иноку, духовному сыну.

Благодарю тебя за письмо твое и за поздравленіе со днемъ моего Ангела. Уже и тѣмъ я много утѣшился, что увидѣлъ твою руку. Не говорю: по любви моей къ тебѣ (я еще не достигъ любви),—по привычкѣ моей къ тебѣ, уже одно зрѣніе руки, почерка твоего очень утѣшило меня. Я не скорбѣлъ на тебя за твое молчаніе: я извинялъ его твоею болѣзненностію, занятіями хлопотливой должности, помышленіями, которыя больнымъ и занятымъ говорятъ: „до слѣдующей почты!“ Эта слѣдующая почта настала; имѣю твое письмо. И ты извиняй меня тѣмъ же, чѣмъ я извиняю тебя. Все это время почти никому не писалъ, или писалъ не такъ

и не столько, сколько слѣдовало бы; а писалъ, повѣрь, до изнеможенія, до боли. Кто понимаетъ, какъ болѣзнь вертитъ и вяжетъ человѣка,—извинитъ моему молчанію.

И ты все боленъ! Что сдѣлаешь? Больной не можетъ быть вполнѣ причисленъ къ живымъ, потому что онъ живетъ полу-жизнію, какою-то тѣнію жизни. Самыя душевныя способности его цѣпенѣютъ, не дѣйствуютъ такъ, какъ имъ должно-бъ было дѣйствовать. Нынѣ не страдаютъ христіане отъ оковъ и мечей; потерпимъ мученіе отъ болѣзней и другихъ скорбей. Всякому времяни даны своего рода страданія: нашему времяни даны страданія мелочныя. Претерпимъ ихъ. Вѣсы и мзда у Бога.

Отчего-бы быть у тебя ожесточенію? *Милость и Истина срѣтостѣся, Правда и Миръ облобызастася*“ [1]), говоритъ Писаніе. Значитъ: гдѣ нѣтъ „милости“, гдѣ „ожесточеніе“, тамъ нѣтъ „Истины“; гдѣ нѣтъ „мира“, тамъ нѣтъ „правды“. А состояніе души, чуждое Божественныхъ Истины и Правды, нельзя признать „состояніемъ отъ Бога“. Отъ такого состоянія надо избавить душу свою, а ввести въ нее состояніе, даруемое Божественною Истиною и Правдою, состояніе „Мира и Милостыни“. Успѣешь въ этомъ, если скажешь самъ себѣ: „Не безъ Промысла же Божія случается со мною то, что случается. Буди имя Божіе благословенно отъ нынѣ и до вѣка“.—Да не очень заглядывайся на обстоятельства жизни: не стоятъ они,—идутъ, быстро мчатся, смѣняются одни другими. И сами мы мчимся къ предѣлу вѣчности! А кто заглядится на обстоятельства, кому они представятся недвижущимися,—удобно впадаетъ въ уныніе. Кто же видитъ, что все летитъ, и самъ онъ летитъ, тому легко, весело на сердцѣ.

Христосъ съ тобою. Молись о мнѣ.

XLI письмо

къ брату, занимающемуся монастырскимъ письмоводствомъ.

Благодарность тебѣ за приведеніе въ порядокъ описей и всей письменной части какъ N. монастыря, такъ и всѣхъ

[1]) **Псал 84. 11.**

монастырей S. Епархіи. Не видитъ этого начальство, не можетъ видѣть, не хочетъ видѣть;—что до того? Видитъ Богъ! Не забыты предъ Нимъ труды твои! Хотя предметъ ихъ временный, вещественный; но ты, занявшись веществомъ, далъ другимъ время и возможность заняться предметами духовными, служеніемъ слова и молитвами, чего-бы они не могли сдѣлать, еслибъ ты не замѣнилъ ихъ собою въ трудахъ по части монастырскаго письмоводства. И занятія о временномъ—прекрасны, пріятны Богу, приготовляютъ занимающемуся мзду небесную и вѣчную, когда они совершаются съ цѣлію Богоугожденія, съ цѣлію служенія ближнимъ ради Бога, ради святой любви и общей пользы. Чрезвычайно мнѣ нравится сдѣланное Апостоломъ уподобленіе общества Христіанскаго тѣлу человѣческому, котораго разные члены исполняютъ такія разнообразныя служенія и дѣйствія, составляющія вмѣстѣ одно общее дѣйствіе служеніе тѣла. Это уподобленіе съ особенною ясностію и точностію изображается въ общежитіи монастырскомъ. И не могутъ одни члены сказать другимъ—напримѣръ..... [1])

XLII письмо

къ отцу, постигнутому скорбными обстоятельствами.

Чрезъ мрачную, глубокую пропасть скорби, внезапно открывшуюся предъ вами, перенеситесь на крыльяхъ вѣры! Не испытывайте волнъ недовѣрчивою стопою размышленія человѣческаго,—идите смѣло по нимъ мужественными ногами вѣры—и обратятся подъ ногами вашими мягкія, влажныя волны въ твердыя мраморныя, или гранитныя плиты. Тѣмъ болѣе нейдутъ вамъ робость и сомнѣніе, при зрѣніи моря скорбнаго, при зрѣніи вѣтра крѣпкаго, что призывающій васъ ходить по морю скорбей, отдѣляющій для таковаго хожденія отъ прочей братіи вашей—Самъ Господь. Это призваніе есть вмѣстѣ и блаженное избраніе! Христосъ знаменуетъ „Своихъ“ печатью страданій! Онъ обрѣлъ душу вашу благопотребною Себѣ, и потому печатлѣетъ ее Своею печатію! И стоитъ отдѣльно малое стадо, часть Христова, отъ множества прочихъ людей; Христовы держатъ въ рукахъ своихъ признакъ избранія ихъ Христомъ—чашу Хри-

[1]) На этомъ письмо обрывается.

стову; на раменахъ ихъ знамя—Христовъ Крестъ. Далеко, далеко отшатнулись отъ нихъ сыны міра! Безчисленною толпою, съ шумомъ, въ упоеніи странномъ, гонятся они за попеченіями и наслажденіями временными. Время, въ очахъ ихъ, преобразилось въ вѣчность! Они проводятъ жизнь безскорбную, преуспѣваютъ въ тлѣнномъ, забыты Богомъ, не возбуждаютъ противъ себя діавола: они угодны діаволу,—часть его. Чаша Христова отверзаетъ входъ въ страну разума духовнаго, состоянія духовнаго; вшедшій туда и причастившійся трапезы утѣшенія духовнаго содѣлывается мертвымъ міру, безчувственнымъ къ временнымъ скорбямъ и лишеніямъ, начинаетъ совершать свое земное странствованіе, какъ-бы несущійся по воздуху превыше всего,—на крыльяхъ вѣры. Оковы разума притягиваютъ насъ къ землѣ—странѣ мученій; находясь на землѣ, мы невольно подвергаемся и мученіямъ: „приложивый разумъ приложитъ болѣзнь“, говоритъ Писаніе. Вѣра подымаетъ съ земли, освобождаетъ отъ оковъ, изъемлетъ изъ среды мученій, возноситъ къ небу, вводитъ въ покой духовный. Вшедшіе въ этотъ покой почиваютъ прохладно, наслади тельно на роскошно-постланныхъ, драгоцѣнныхъ одрахъ Боговидѣнія.

Примите эти строки, произносимыя отъ сердечнаго участія, которое съ перваго свиданія съ вами возбуждено во мнѣ вашею душею, носящей во глубинѣ своей какой-то особенный залогъ, залогъ таинственный, Боголюбезный,—залогъ Богоугожденія. Примите эти строки изъ страны страданій, въ которую я поселился очень давно: Богу не было угодно, чтобъ шелъ я путемъ общимъ, обыкновеннымъ! Онъ поставилъ меня на стезю отдѣльную, въ страну совсѣмъ особенную,—и рѣдко встрѣчаю путешественника, идущаго по этой стези, посѣтившаго эту страну, съ которымъ бы можно было перемолвить слово на томъ языкѣ, которымъ говорятъ въ странѣ той и который сдѣлался мнѣ нѣсколько знакомымъ,—утѣшительно звучитъ онъ для слуха души моей. Въ звукахъ его слышу что-то родное.

Что, между прочимъ, совершается въ этой чудной странѣ? Тамъ непримиримая война, тамъ непрестанныя битвы, сѣчи кровавыя между Израильтянами и народами иноплеменническими. Въ числѣ иноплеменниковъ возстаютъ на Израильтянъ и Исполины, сыны Енановы—скорби, приводящія насъ

въ страхъ, въ разслабленіе, въ отчаяніе. Соглядатай Израиля—разумъ возвѣщаетъ о нихъ душѣ и ея силамъ: „видѣхомъ исполины, сыны Енановы, и бѣхомъ предъ ними яко прузи, и тако бѣхомъ предъ ними. Не можемъ изыти противу языку сему, яко крѣпшій есть паче насъ“ [1]). Точно! Размышленіе, основанное на обыкновенномъ ходѣ вещей, помышленія собственно и единственно человѣческія приносятъ „ужасъ земли, юже соглядаша, къ сыномъ Израилевымъ“ [2]). Но истинный Израильтянинъ, вѣрный Богу, водится вѣрою въ Бога; онъ облеченъ во всеоружіе. „Пожену враги моя, восклицаетъ онъ, и постигну я, и не возвращуся, дондеже скончаются. Оскорблю я, и не возмогутъ стати: падутъ подъ ногама моима. И истню я, яко прахъ предъ лицемъ вѣтра, яко броніе путей поглажду я“ [3]).—Не одобряются въ этой войнѣ многія и тонкія размышленія, которыя силится умъ, уповающій на себя, на свою силу, на число и высоту своихъ познаній, противопоставить напирающимъ толпамъ иноплеменниковъ. „Сынове Ефремли налягающе и стрѣляюще луки, возвѣщаетъ пророкъ, возвратишася въ день брани“ [4]). Не устоять размышленію человѣческому противъ густыхъ полчищъ иноплеменниковъ! Собьютъ они его, переспорятъ, произведутъ въ умѣ возмущеніе, въ мысляхъ смѣшеніе;—тогда на сторонѣ ихъ побѣда!

Для вѣрнаго успѣха въ невидимой брани съ князьями воздушными, съ духами злобы, темными міродержителями нужно взяться за оружія, подаемыя вѣрою, подаемыя буйствомъ проповѣди Христовой. „Буее Божіе премудрѣе человѣкъ есть: и немощное Божіе крѣпчае человѣкъ есть“ [5]). Странными и страшными кажутся для плотскаго разума стезя и ученіе вѣры; но едва увидитъ человѣкъ на самомъ опытѣ, увидитъ внутреннимъ душевнымъ ощущеніемъ могущество вѣры,—немедленно и радостно предается ея водительству, какъ обрѣтшій неожиданно безцѣннаго наставника, съ презрѣніемъ отталкиваетъ отъ себя, отверженную Богомъ премудрость человѣческую.

---

[1]) Числ. 13, 34. 33.
[2]) Тамъ же.
[3]) Псал.
[4]) Псал.
[5]) 1 Кор. 1, 25.

Вотъ оружія, которыя святое буйство проповѣди Христовой вручаетъ рабу Христову для борьбы съ сынами Енановыми—мрачными помыслами и ощущеніями печали, являющимися душѣ въ образѣ страшныхъ исполиновъ, готовыхъ стереть ее, поглотить ее:

1-е—слова: „Слава Богу за все".

2-е—слова: „Господи! предаюсь Твоей Святой Волѣ! буди со мной Воля Твоя".

3-е—слова: „Господи! Благодарю тебя за все, что Тебѣ благоугодно послать на меня".

4-е—слова: „Достойное по дѣламъ моимъ пріемлю; помяни мя, Господи, во Царствіи Твоемъ".

Эти краткія слова, заимствованныя, какъ видите, изъ Писанія, употреблялись преподобными иноками съ превосходнымъ успѣхомъ противъ помысловъ печали. Отцы нисколько не входили въ разсужденіе съ являвшимися помыслами; но, только-что представалъ предъ ними иноплеменникъ, они хватались за оружіе чудное, и имъ—прямо въ лице, въ челюсти иноплеменника! Отъ того они были такъ сильны, попрали всѣхъ враговъ своихъ, содѣлались наперсниками вѣры, а чрезъ посредство вѣры—наперсниками благодати, мышцею благодати, совершили подвиги вышеестественные. При явленіи печальнаго помысла или тоски въ сердцѣ, начинайте отъ всей души, отъ всей крѣпости вашей произносить одно изъ вышеозначенныхъ предложеній; произносите его тихо, не спѣшно, не горячась, со вниманіемъ, во услышаніе однихъ васъ,—произносите до тѣхъ поръ, доколѣ иноплеменникъ не удалится совершенно, доколѣ не извѣстится сердце ваше въ пришествіи благодатной помощи Божіей. Она является душѣ во вкушеніи утѣшительнаго, сладостнаго мира, мира о Господѣ, а не отъ какой другой причины. По времени иноплеменникъ опять начнетъ приближаться къ Вамъ; но вы опять за оружіе, и, какъ завѣщалъ своимъ войнамъ геніальный полководецъ Цезарь, мѣтьте прямо въ лице врага: ни въ какую часть тѣла такъ не тяжки, такъ не выносимы удары, какъ въ лице. Не подивитесь странности, ничтожности повидимому, оружій Давида! употребите ихъ въ дѣло—и увидите знаменіе! Эти оружія—палица, камень—надѣлаютъ дѣла болѣе, нежели всѣ вкупѣ собранныя, глубокомысленныя сужденія и изысканія бого-

слововъ-теоретиковъ, сказателей буквъ—Германскихъ, Испанскихъ, Англійскихъ, Американскихъ! Употребленіе этихъ оружій въ дѣло постепенно переведетъ васъ со стези разума на стезю вѣры, и этою стезею введетъ въ необъятную, дивную страну духовнаго. Тамъ трапеза манны сокровенной; къ ней, по свидѣтельству Писанія, Христосъ допускаетъ однихъ побѣдителей. Вы введены въ невидимую войну для того, чтобъ имѣть случай содѣлаться побѣдителемъ, и въ достоинствѣ побѣдителя наслѣдовать духовныя сокровища. Все же это доставляетъ Вамъ Христосъ, возлюбившій васъ, явственно отдѣляющій васъ въ число „Своихъ“. И такъ,—уже съ самаго берега глядя на темное, глубокое море скорбей, на даль, гдѣ синева водъ сливается съ синевою небесъ, на эту безпредѣльную даль, пугающую вѣры,—прислушиваясь къ гнѣвному говору волнъ, къ ихъ плесканію однообразному и безчувственному,—не предавайтесь унынію, не впустите въ душу вашу море грустныхъ думъ. Тутъ гораздо болѣе опасностей! въ этомъ морѣ потонуть гораздо удобнѣе, нежели въ морѣ скорбей наружныхъ. Радуйтесь!—и паки реку: радуйтесь! Вы для того на берегу моря скорбей, чтобъ преплыть въ страну радостей: даль моря имѣетъ противуположный берегъ, хотя и не видимый для очей человѣческаго разума. Этотъ берегъ—рай умственный, преисполненный духовныхъ наслажденій. Достигшіе этого блаженнаго берега забываютъ, въ упоеніи наслажденіемъ, всѣ скорби, претерпѣнныя ими на морѣ. Становитесь безтрепетною ногою въ легкую ладью вѣры, неситесь, какъ крылатый, по влажнымъ буграмъ! Скорѣе, нежели предполагаете, нежели можете себѣ представить, перенесетесь чрезъ море, перенесетесь въ рай.—Но между духовнымъ раемъ и жизнію плотскою, душевною, обыкновенною, которою живутъ вообще всѣ люди, положены въ разграниченіе,—какъ бы обширное море,—крестъ и распятіе.—Въ рай нѣтъ другаго пути! Кого Богъ хочетъ возвести въ рай, того начинаетъ сперва наводить на путь къ нему,—на крестъ. „Признакъ избранія Божія, сказалъ нѣкоторый святый аскетическій писатель, когда пошлются непрестанныя скорби человѣку“. Претерпимъ умерщвленіе міру скорбями, чтобъ сдѣлаться способными принять въ себя существенное оживленіе для Бога, явственнымъ, вполнѣ ощутительнымъ дѣйствіемъ Духа. Пожертвуемъ тлѣ-

ніемъ для Духа!—Вполнѣ отдайтесь Богу! киньтесь въ спасительную бездну вѣры, какъ бы въ море—съ утеса!

Людей—оставьте въ сторонѣ, какъ орудія Промысла!—Эти орудія—слѣпыя, сами по себѣ не имѣютъ никакой силы, никакого движенія! „Не имаши власти ни единыя на мнѣ", сказалъ Господь Пилату: „аще не бы ти дано свыше", [1] хотя Пилатъ, водимый сужденіемъ человѣческимъ, признавалъ и утверждалъ (а въ этомъ, безъ всякаго сомнѣнія, согласны были съ нимъ и всѣ водящіеся такимъ сужденіемъ!), что онъ имѣетъ власть распять предстоящаго ему узника, и власть отпустить Его.—Не озабочивайтесь никакими сношеніями съ людьми, никакими оправданіями предъ ними! Такія сношенія и оправданія только нарушатъ миръ сердечный,—не принесутъ никакой пользы. Немощные люди,—цвѣты, являющіеся на короткое время на поверхности земной!—вы мечтаете о себѣ много, вы приписываете себѣ много, а вы—немощные люди! Вы почтены самовластіемъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ не престаете быть орудіями, слѣпыми орудіями, вполнѣ орудіями! И того даже вы не видите и не вѣдаете, что вы — орудія! Вы самовластны, — такъ! вы не можете не принять мзды за дѣла ваши! но въ безконечномудрыхъ судьбахъ Божіихъ эти самовластные суть дѣйствователи безъ малѣйшей власти, безъ всякой самостоятельности. „Іисуса Назореа", говорилъ святый апостолъ Петръ Іудеямъ—„Сего нарекованнымъ совѣтомъ и проразумѣніемъ Божіимъ предана, пріемше, руками беззаконныхъ пригвождше, убисте [2]). Вѣмъ, яко по невѣденію сіе сотвористе, яко же и князи ваши: Богъ же, яже предвозвѣсти усты всѣхъ пророкъ Своихъ пострадати Христу, исполни тако" [3]). Въ дѣлахъ Промысла Божія, люди—слѣпыя орудія. Потому-то Господь не сподобляетъ людей, повидимому облеченныхъ полною властію, никакого отвѣта! Потому-то назвалъ Онъ чашу, приготовленную злоумышленниками, демонами безплотными и во плоти, „чашею подаемою Отцомъ".

Примите эти строки, какъ отголосокъ души, искренне въ васъ участвующей, сострадущей скорби вашей, и усердно желающей вамъ утѣшенія отъ Господа.

[1]) Іоан. 19, 11.
[2]) Дѣян. 2, 23.
[3]) Дѣян. 3. 17-18.

XLIII письмо

къ нѣкоторому Архіепископу, присутствовавшему въ св. Синодѣ.

Ваше Высокопреосвященство,
Милостивѣйшій Архипастырь и Отецъ!

Приношу Вамъ искреннѣйшую, сердечную признательность за милостивое, христіанское участіе въ моихъ обстоятельствахъ! Видя такое Ваше участіе, позволяю себѣ безпокоить Васъ этими строками; по самому участію Вашему, примите ихъ благосклонно, разсмотрите изложенное въ нихъ при свѣтѣ духовнаго разсужденія, которымъ Господь одарилъ Васъ.

Въ указѣ Консисторіи прописана мнѣ слѣдующая резолюція Преосвященнаго Викарія С.-Петербургскаго съ требованіемъ отъ меня отзыва: „Консисторія имѣетъ спросить настоятеля Сергіевой пустыни Архимандрита Игнатія: не пожелаетъ ли онъ воспользоваться временнымъ отпускомъ для излеченія, и въ такомъ случаѣ Архимандритъ Игнатій въ отзывѣ своемъ имѣетъ рекомендовать то лицо, которому благонадежно можетъ быть ввѣрено исправленіе лежащихъ на Архимандритѣ обязанностей впредь до возвращенія его по выздоровленіи.“

Каждое дѣло, по мнѣнію моему, имѣетъ свой естественный ходъ, отъ котораго уклониться трудно, которому споспѣшествуютъ самыя препятствія. Вы меня не осудите, если скажу, что вижу въ дѣлахъ человѣческихъ невидимое, но мощное дѣйствіе Промысла Божія, который, по ученію преподобнаго Исаака Сирскаго, особенно бдитъ надъ оставившими суетный міръ для взысканія Бога, Спаса своего: „Судьбы Твоя помогутъ мнѣ“, воспѣвалъ Боговдохновенный Давидъ.

Въ резолюціи Преосвященнаго Викарія я нашелъ и нахожу указаніе, чтобъ я далъ именно тотъ отзывъ, который мною данъ, отзывъ, согласный съ прошеніемъ о увольненіи меня, поданнымъ не въ минуту душевнаго волненія, но надуманнымъ годами и оттого имѣющимъ характеръ твердости и основательности. Тѣмъ, что предоставляется мнѣ указать на лице благонадежное для управленія монастыремъ во время моего отсутствія, оставляются на мнѣ заботы о

благосостояніи монастыря и отвѣтственность за все могущее встрѣтиться. При назначеніи такого лица, мнѣ невозможно обидѣть моего Намѣстника, устраненіемъ его отъ порученія;— невозможно устранить его, потому что онъ одинъ могъ бы, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, поддержать Сергіеву Пустыню въ томъ видѣ, въ какомъ она теперь; невозможно указать на него по извѣстнымъ къ нему отношеніямъ Преосвященнаго Викарія, который можетъ своими распоряженіями связать, исказить всѣ его распоряженія, разстроить монастырь; а вину разстройства, имъ самимъ произведеннаго, возложить на Намѣстника. По подобнымъ распоряженіямъ его Преосвященства и мнѣ нельзя долѣе оставаться настоятелемъ Сергіевой Пустыни, еслибъ даже болѣзненность моя не вынуждала меня къ удаленію. Сказавъ это, останавливаюсь распространяться! Весьма радъ, что болѣзненность моя даетъ мнѣ полновѣсный поводъ къ удаленію и избавляетъ отъ отвратительнаго многословія, долженствующаго состоять изъ оправданій и обвиненій, что̀ такъ противно ученію Христову, что̀ мучитъ душу, хотя нѣсколько вкусившую сладость мира, истекающаго изъ соблюденія заповѣдей Кротчайшаго Господа Іисуса Христа.—Резолюція Преосвященнаго Викарія сохраняетъ по самому естественному ходу дѣла, обнаруживающему впрочемъ залогъ сердечный, общій характеръ его поведенія относительно меня. Это—фигура, это—слова, изъ которыхъ образуется какая-то маска, при первомъ, поверхностномъ взглядѣ кажущаяся чѣмъ-то. Вглядитесь въ нее поближе,—увидите безжизненность, картонъ, бѣлила, румяна, неблагорасположеніе, неблагонамѣренность. Опять оставляю распространяться. „Да не возглаголютъ уста моя дѣлъ человѣческихъ“, да не пресмыкается мысль моя въ земномъ прахѣ, да не блуждаетъ въ соображеніяхъ человѣческихъ, темныхъ и производящихъ одно смущеніе, „да помянетъ она чудеса Божіи и судьбы устъ Его, яко той Богъ нашъ, по всей земли судьбы Его“.

Скажу Вашему Высокопреосвященству просто и прямо болѣзненность моя требуетъ совершеннаго удаленія моего изъ Сергіевой Пустыни навсегда. Обстоятельства содѣйствуютъ удаленію. Вижу въ этомъ судьбы Божіи, вижу благодѣтельствующую мнѣ руку Божію, ведущую меня въ уединеніе „—да узрю грѣхъ мой и попекуся о немъ“. Въ глазахъ

монхъ людей въ сторонѣ. Дѣйствуетъ промыслъ Божій, въ десницѣ котораго люди—орудія, орудія слѣпыя, когда благоволятъ о слѣпотѣ своей. Отъ зрѣнія Промысла Божія сердце мое сохраняетъ глубокій миръ къ обстоятельствамъ и людямъ. А миръ сердца—свидѣтель святой Истины!

Когда въ день преподобнаго Сергія, Вы, святый Владыка, находились въ Сергіевой Пустыни для священнодѣйствія; тогда въ духовной, искренней бесѣдѣ я сказалъ Вашему Высокопреосвященству, что имѣю непремѣнное намѣреніе уклониться отъ должности въ безмятежное уединеніе. Съ тою цѣлію оставилъ я міръ, съ этою постоянною цѣлію совершаю двадцатый годъ въ монастырѣ. Я всегда желалъ глубокаго уединенія, боялся его, признавая себя не созрѣвшимъ къ нему; боялся самочинно вступить въ него. Но когда указуется оно Промысломъ Божіимъ, то благословите меня, грядущаго во имя Господне!

Какъ уже оставляющій настоятельство Сергіевой Пустыни, могу съ откровенностію сказать объ отношеніяхъ сердца моего къ этой обители. Четырнадцатый годъ провожу въ ней—и ни къ чему въ ней не прилѣпилось мое сердце; ничто въ ней мнѣ не нравится. Только къ нѣкоторымъ братіямъ питаю истинную любовь! Кажется—едва выѣду изъ Сергіевой Пустыни,—забуду ее. Я занимался устроеніемъ ея, какъ обязанностію; принуждалъ себя любить Сергіеву Пустыню, какъ въ Инженерномъ училищѣ принуждалъ себя любить математику, находить вкусъ въ изученіи ея сухихъ истинъ, переходящихъ нерѣдко въ замысловатый вздоръ. Стоящая на юру, окруженная всѣми предметами разнообразнаго, лютаго соблазна, обитель эта совершенно не соотвѣтствуетъ потребностямъ монашеской жизни. Быть-бы тутъ какому либо Богоугодному заведенію и при немъ бѣлому духовенству! Не по мысли мнѣ монастырь—Сергіева Пустыня! И я ей былъ не по мысли: поражая меня непрестанными простудными и гемороидальными болѣзнями, производимыми здѣшними порывистами вѣтрами и известковою водою, она какъ будто постоянно твердила мнѣ: ты не способенъ быть моимъ жителемъ,—поди вонъ!

Всякое рѣшеніе Святѣйшаго Синода приму съ благоговѣніемъ и благодарностію: уволятъ ли совершенно на покой, скажутъ ли, что увольняютъ впредь до выздоровленія,—за

все благодаренъ. Одного прошу: чтобы развязали меня съ Сергіевой Пустыней. Я могъ однажды привести ее въ нѣкоторый порядокъ, другой разъ къ такому труду неспособенъ!—Нужно было образовать сердца, воспитать новыхъ монаховъ изъ юношей, ими замѣнить старожиловъ, окостенѣвшихъ въ своихъ навыкахъ. Для этого нужно время, нужны годы, нужны нравственныя и тѣлесныя силы: онѣ истощились; повтореніе такого-же труда для нихъ невозможно! Изможденное болѣзнями тѣло требуетъ отдохновенія, спокойствія; душа, насмотрѣвшись на суету всего временнаго, хочетъ быть сама съ собою; предъ нею открывается вѣчность, она приготовляется въ путь отцевъ своихъ, находитъ нужду, крайнюю нужду къ этому приготовленію; сократилось, исчезло предъ нею время остальной моей жизни. Въ вѣчность! въ вѣчность! Туда — и взоры, и мысли и сердце!

Нѣкоторые стращаютъ меня тѣми неудобствами, съ которыми бываетъ сопряжена жизнь на покоѣ не только настоятелей, но и Архіереевъ. Отвѣчаю: нѣтъ рода жизни безъ своихъ скорбей; но я высмотрѣлъ жизнь монастырскую подробно, не только сверху, но и снизу, проводивши многіе годы послушникомъ. Точно—пришлось видѣть нѣкоторыхъ настоятелей, живущихъ будто-бы на покоѣ, но на самой вещи на безпокойствіи въ полномъ смыслѣ. Опять видѣлъ другихъ настоятелей, для которыхъ оставленіе должности и жительство на покоѣ было средствомъ къ достиженію сугубаго спокойствія и по душѣ и по тѣлу. Въ примѣръ послѣднихъ могу представить почившаго въ Бозѣ, извѣстнаго по благочестію, отца Ѳеофана, Архимандрита Новоезерскаго: я имѣлъ счастіе его видѣть, имѣлъ счастіе съ нимъ бесѣдовать. По моему мнѣнію, заимствованному изъ ученія преподобныхъ Наставниковъ монашества, утвержденному собственными наблюденіями, настоятель, живущій на покоѣ, если возлюбитъ поучаться въ Законѣ Божіемъ, если изберетъ въ жребій свой часть Маріи, остережется отъ всякаго участія въ части Марѳиной, то проведетъ тихо, безмятежно дни свои, особенно въ монастырѣ пустынномъ и общежительномъ. Есть у меня совѣтникъ, котораго совѣтомъ я руководствуюсь въ моемъ поведеніи при настоящихъ обстоятельствахъ. Плѣняюсь его совѣтомъ, увлекаюсь имъ! „Блаженни,

говоритъ онъ, препоясавшіеся по чреслѣхъ своихъ къ морю скорбей простотою и неиспытнымъ образомъ любве ради, яже къ Богу, и не давшіи плещи. Сіи скоро къ пристанищу Царствія спасаются, и почиваютъ въ селеніихъ добрѣ—потрудившихся, и утѣшаются отъ злострадания своего, и радуются во веселіи надежды своея... Размышляющіи же много помышленія, и хотящіи зѣло быти премудри, и предающіи себе обращеніимъ помысловъ и боязни, и предуготовляющіися, и предзрѣти хотящіи вредительныя вины, множайшіи изъ сихъ при дверехъ домовъ своихъ выну сѣдяще обрѣтаются. Якоже рекшіи: Сыны исполиновъ видѣхомъ тамо, и бѣхомъ предъ ними яко прузи. Сіи суть во время скончания своего обрѣтающіися на пути, присно хотящіи быти премудри, положите же начала отнюдь не хотяще. Невѣжда же плаваетъ съ первою теплотою и преплываетъ, попеченія о тѣлѣ отнюдь не творя... Внемли себѣ, да не будетъ многость премудрости твоея поползновеніе души твоей и сѣть предъ лицемъ твоимъ: но на Бога уповая, съ мужествомъ положи начало пути исполненнаго крове, да не обрящешися присно скуденъ и нагъ разума Божія. Бояйся бо и ждый вѣтровъ, не имать сѣяти... Сего ради не упремудряйся излишнее отнюдь, но даждь мѣсто вѣрѣ въ мысли твоей, и поминай дни оны многія, и будущія и неисповѣдимыя вѣки, сущія по смерти и Судѣ, и не внидетъ нѣкогда слабость въ тебѣ... Съ мужествомъ начни всяко дѣло благо, и да не съ двоедушіемъ приступиши къ нему, и да не усумнишися въ сердцѣ твоемъ о надеждѣ Божіей... Но вѣруй въ сердцѣ твоемъ, яко милостивъ есть Господь, и взыскающимъ Его даетъ благодать яко мздовоздаятель, не по дѣланію нашему, но по усердію душъ нашихъ и Вѣрѣ. Глаголетъ бо: яко же вѣровалъ еси, буди тебѣ". (Св. Исаакъ Сирскій, сл. 58).

Мое настоящее положеніе очень похоже на то, въ какомъ я былъ при оставленіи мірской жизни. Многіе судили и рядили о немъ; но рѣдкіе—при правильномъ взглядѣ на предметъ. Отреченіе отъ міра можетъ ли быть понято, истолковано тѣми, которые вполнѣ плѣнены міромъ, погружены умомъ, сердцемъ, тѣломъ въ наслажденія міра? Ученіе Отцевъ Церкви извлекло меня изъ міра; оно помогало къ терпѣнію скорбей отъ міра; оно зоветъ въ уединеніе, чтобъ тамъ всмотрѣться въ вѣчность прежде вступленія въ ея не-

измѣримыя области. Читаю, вижу въ себѣ, что побывъ въ уединеніи, сдѣлаюсь окончательно неспособнымъ ко всякаго рода наружнымъ должностямъ!... Уединеніе дѣйствуетъ, какъ отрава: умерщвляетъ.

Вы являете столь обильное расположеніе ко мнѣ, что я считаю излишнимъ просить Васъ о чемъ-либо. Открывая предъ Вашимъ Высокопреосвященствомъ мое состояніе по душѣ и тѣлу, я предоставляю все прочее на Ваше разсужденіе. Вы, какъ имѣющій практическія духовныя свѣдѣнія, столь чуждыя людямъ одного лишь свѣтскаго образованія и направленія, можете оказать мнѣ существенную помощь, сообщивъ моимъ обстоятельствамъ направленіе, соотвѣтствующее моимъ цѣлямъ, облегчить мнѣ стремленіе къ нимъ, а потому и самое достиженіе ихъ. Этимъ сдѣлаете мнѣ благодѣяніе не земное, благодѣяніе столь достойное Святителя Христова, благодѣяніе, которому награда—на небеси!

Испрашивая Вашихъ святыхъ молитвъ и Архипастырскаго благословенія, съ чувствами глубочайшаго почтенія и совершенной преданности имѣю честь быть и проч.

XLIV письмо

къ нѣкоторой дѣвицѣ, желавшей заняться подробнымъ и дѣятельнымъ изученіемъ Христіанства.

Новый Завѣтъ всюду именуетъ Христіанина храмомъ, домомъ, сосудомъ. Цѣль этого храма, съ которою создалъ ее Создатель, цѣль этого сосуда, съ которою устроилъ его Великій Художникъ, — въ томъ, чтобы онъ былъ жилищемъ Бога, вмѣстилищемъ даровъ Святаго Духа. Богъ, по неизреченнымъ—Любви Своей и Смиренію, не восхотѣлъ быть насильственнымъ обладателемъ храма, сооруженнаго Имъ для Себя. Онъ даровалъ словесному храму свободу, власть, принадлежать или не принадлежать своему Зиждителю, чтобъ пребываніе Бога [въ человѣкѣ было единственно по любви человѣка къ Богу. Но храмъ этотъ, сосудъ, удаливъ изъ себя Бога, не можетъ не быть тѣмъ, чѣмъ онъ созданъ, то-есть: храмомъ, сосудомъ. Тогда, по словамъ Писанія, онъ принимаетъ въ себя грѣхъ, — ядъ, ввергнутый въ естество наше діаволомъ,—содѣлывается вмѣстилищемъ страстей. Если

же Христіанинъ опять захочетъ быть обителію Бога; то покаяніемъ изгоняетъ изъ себя грѣхъ, а храненіемъ заповѣдей опять привлекаетъ къ себѣ Бога. Впрочемъ возможность этихъ измѣненій продолжается только во время земной жизни, по окончаніи которой, тотъ, кто былъ послѣднимъ владѣтелемъ храма, остается его владѣтелемъ на всю вѣчность, и Богъ составляетъ Собою вѣчное блаженство Своего жилища, а грѣхъ—вѣчное мученіе своего логовища.

Судьба наша въ вѣчности зависитъ отъ того образа жизни, который будемъ проводить во время нашего краткаго на ней пребыванія. Хотите-ли быть храмомъ Божіимъ?—Желаете-ли, чтобъ сердце ваше было сосудомъ даровъ Благодати?—Вручаю вамъ Евангеліе, пусть оно будетъ правиломъ вашей жизни. Вѣруйте въ него вашими дѣлами, вашею жизнію,—не только мыслію, сердцемъ и устами.— Когда читаете эту Божественную книгу, книгу жизни,— представляйте себѣ, что невидимо стоитъ предъ вами Самъ Христосъ и говоритъ вамъ глаголы, которые „Духъ суть, и Животъ суть!“—Не должно начертывать въ воображеніи вида Христова,—нѣтъ, должно лишь живо и благоговѣйно ощущать Его всесвятое присутствіе.

Что желающій любить Спасителя обязанъ исполнять всѣ Его заповѣди, изложенныя во святомъ Евангеліи,—это ясно засвидѣтельствовалъ Самъ Спаситель: „Кто любитъ Меня“, сказалъ Онъ—„тотъ Слово Мое соблюдетъ“.. .....„Не любящій Меня, словесъ Моихъ не соблюдаетъ“. Любовь къ Богу проистекаетъ отъ храненія Евангельскихъ заповѣдей и соблюдается въ сердцѣ этимъ храненіемъ: „если заповѣди Мои соблюдете, пребудете въ любви Моей“.— Какой же плодъ любви къ Спасителю?—„Кто любитъ Меня, отвѣчаетъ Онъ, „тотъ возлюбленъ будетъ Отцемъ Моимъ, и я возлюблю его, и явлюся ему Самъ“. Ученикъ, котораго мысль была еще пригвождена къ землѣ, услышавъ о явленіи Спасителя возлюбившему и возлюбленному, думая, что обѣщающій явиться будетъ зримъ очами тѣлесными, вопрошаетъ: „Господи, отчего это, что Ты хочешь явиться намъ, а не міру?“—Іисусъ говоритъ ему въ отвѣтъ: „Кто любитъ Меня, тотъ слово Мое соблюдетъ, и Отецъ Мой возлюбитъ его и Мы придемъ къ нему и обитель у него сотворимъ“.—Это явленіе—въ сердцѣ. Это то явленіе, о которомъ сказалъ апостолъ Павелъ: „уже

не я живу, но живетъ во мнѣ Христосъ"! Это то явленіе, то пребываніе Господа, которое должны ощущать всѣ Христіане, если они точно Христіане! „Или вы не познаете самихъ себя", говоритъ Апостолъ Коринѳянамъ—„что Іисусъ Христосъ въ васъ, развѣ только вы не то, что должны быть?"—Вселеніе Господа въ сердце—плодъ любви; любовь—плодъ храненія заповѣдей; храненіе заповѣдей—плодъ знанія ихъ; знаніе ихъ пріобрѣтается чтеніемъ Евангелія и молитвою. — „Въ заповѣдяхъ Твоихъ поучуся", говоритъ Пророкъ Духомъ Святымъ; и въ другомъ мѣстѣ молится: „Не скрый отъ мене Заповѣди Твоея"! Отъ молитвы возсіяваетъ при чтеніи просвѣтлѣніе.

Отецъ Небесный Самъ подаетъ все нужное для временной жизни тому, кто ищетъ Царствія Небеснаго, почему преподобные Отцы наши, оставивъ всѣ прошенія о земномъ, молились только объ одномъ—объ очищеніи отъ грѣховъ. А какъ Господь, преподавая послѣ тайной вечери ученикамъ Своимъ высочайшія заповѣди, повелѣлъ призывать въ молитвахъ Свое всесвятое имя, то святые Отцы присовокупили прошеніе объ отпущеніи грѣховъ къ имени Господа, и ихъ молитвою были краткія, но Небо отверзающія слова: „Господи Іисусе Христе Сыне Божій, помилуй мя грѣшнаго". Эта молитва дѣлалась ихъ непрестаннымъ, почти единственнымъ мысленнымъ занятіемъ. „Имя Іисусово, сказалъ одинъ изъ нихъ, да соединится съ дыханіемъ твоимъ". Самъ апостолъ Павелъ говоритъ о себѣ: „я разсудилъ ничего не знать въ васъ, кромѣ Іисуса Христа, и притомъ распятаго". Но чтобъ вселился въ насъ Христосъ, это дѣло не одного дня или двухъ, сказалъ святый Іоаннъ Златоустый, но многихъ лѣтъ и годовъ. Притомъ, желающій стяжать Христа, долженъ отречься отъ всего: нельзя работать міру и вмѣстѣ Богу. Желающіе пріучиться къ молитвѣ именемъ Господа, обыкновенно называемой Іисусовою, первоначально пріучаются по преданію Отцевъ, соединяя ее съ поклонами. Это правило увеличивается или сокращается сообразно силамъ каждаго. Для многихъ бываетъ достаточнымъ слѣдующее:

Возставъ отъ сна, старайтесь, чтобъ первая ваша мысль была о Богѣ и Его благодѣяніяхъ, которыя на васъ излиты Богомъ безъ вашего свѣдѣнія и желанія, по Его единой милости. Особеннѣйшимъ же благодѣяніемъ почитайте то, что

вы просвѣщены истинною Христіанскою Вѣрою, въ нѣдрѣ истинной Церкви; потомъ начинайте правило такъ:

20-ть земныхъ поклоновъ; при каждомъ поклонѣ молитва: „Господи Іисусе Христе Сыне Божій помилуй мя грѣшнаго“.

20-ть поясныхъ поклоновъ съ тою же молитвою.

10-ть земныхъ поклоновъ: при каждомъ поклонѣ молитва: „Пресвятая Владычице моя Богородице спаси меня грѣшнаго“.

10-ть поясныхъ съ тою-же молитвою.

5-ть поясныхъ съ молитвою: „Ангеле Божій Хранителю мой святый моли Бога о мнѣ грѣшнемъ“.

5-ть поясныхъ съ молитвою: „Всѣ Святые молите Бога о мнѣ грѣшномъ“.

Итого 70 поклоновъ, изъ которыхъ 30 земныхъ и 40 поясныхъ. Если найдете, что этихъ поклоновъ для васъ мало, то можно прибавить соотвѣтственно силамъ вашимъ нѣсколько поклоновъ съ молитвою Іисусовою. Но должо правило соразмѣрить такъ, чтобы оно ежедневно было одинаковое. Святые сказали: „Лучше небольшое дѣланіе, но постоянное, нежели бо́льшее, но въ скоромъ времени прекращающееся“.

Послѣ этого читаются утреннія молитвы, и, если хотите, помянникъ который вамъ нравится по особеннымъ причинамъ; послѣ помянника читайте Евангеліе, главы по двѣ или по три. Когда будете читать о слѣпыхъ, хромыхъ, прокаженныхъ, бѣснующихся, мертвыхъ, то думайте, что вы подобны имъ и молите Спасителя о спасеніи васъ. Затѣмъ должны слѣдовать обыкновенныя ваши занятія со страхомъ Божіимъ, молитвою, полезными мыслями и воспоминаніями. Для чтенія одобряю книгу: Les saints pères des deserts de l'Orient. Но и эту книгу должно читать съ умѣренностію. Совѣтую пріучаться къ чтенію на Русскомъ и Славянскомъ языкахъ, для чтенія книгъ святыхъ Отцевъ. Если для нуждъ приходящаго міра, вы пріучались къ разнымъ иностраннымъ языкамъ;— то отчего не потрудиться и не пріучиться къ родному языку для Христа и для блага души своей?—Начните читать на Русскомъ и Славянскомъ—хотя Евангеліе.

Если въ продолженіи дня выпадетъ свободный часокъ, то можно повторить правило съ поклонами, или только положить 20 поклоновъ земныхъ и 20 поясныхъ съ Іисусовою

молитвою. Если же не будетъ свободнаго времени, то правило оставляйте и пребывайте мирны.

Вечеромъ должно начинать опять съ поклоновъ въ вышеопредѣленномъ порядкѣ и числѣ, послѣ нихъ читать вечернія молитвы и Евангеліе. Легши на постель должно воспоминать о смерти, которой образъ — временный сонъ, и, отрекшись отъ всѣхъ помысловъ и мечтаній, засыпать съ молитвою Іисусовою.

Если желаете идти истиннымъ путемъ Божіимъ и увидѣть духовный плодъ въ душѣ вашей; то довольствуйтесь смиреннымъ и простымъ образомъ духовнаго подвига. Не ищите наслажденія въ восторгахъ мечтательности, которые возбуждаются иностранными писателями. Отрекитесь отъ нихъ. Вскорѣ вы убѣдитесь въ прочности пути вашего тѣмъ душевнымъ миромъ и спокойствіемъ, которые прольются въ ваше сердце. Въ отцахъ пустынь Востока вы увидете, что Евангеліе и Псалтырь были по большей части единственными ихъ книгами. „Христосъ, сказалъ одинъ изъ нихъ, сокрытъ во Евангеліи. желающій найти Христа, можетъ найти Его во Евангеліи. Христосъ есть Божія Сила и Божія Премудрость“. — Нашедшій Божію Премудрость нуждается-ли въ премудрости человѣческой? Не уничижите Премудрость Божію за то, что наружность ея такъ проста и смиренна. Оставьте, оставьте, повторяю вамъ, всѣ иностранныя молитвы и чтенія, которыя вамъ такъ нравились, казались такъ прекрасными. Послѣдуйте тому, что вамъ совѣтуется предъ Богомъ и ради Бога. Когда сердце ваше очистится вкушеніемъ истинно Святаго и Духовнаго, тогда оно получитъ отвращеніе къ поддѣльно-духовному, тогда возрадуетесь и возблагодарите Бога, что уклонилъ васъ отъ челюстей лжи и прелести, которыхъ не могутъ понять обманутые и омраченные ими. Вспомните слова Христовы: „Узки врата и тѣсенъ путь, ведущіе въ жизнь и немногіе находятъ ихъ. Берегитесь лжепророковъ, которые приходятъ къ вамъ въ овечьей одеждѣ, а внутри суть волки хищные“.

Если при жизни по заповѣдямъ Христовымъ благодать Святаго Духа прольется въ сердце ваше и будетъ ознаменовывать свое присутствіе въ немъ различными духовными плодами, какъ-то—необыкновеннымъ миромъ, кротостію, бла-

гостію ко всѣмъ, терпѣніемъ; тогда будете сосудомъ благопріятнымъ Богу, сосудомъ спасенія.

Если-же захотите быть совершеннѣе, то послѣ полнаго самоотвращенія, погрузитесь въ глубину смиренія. Тогда благодать можетъ вамъ преподаться обильнѣе, тогда можете ощутить вселеніе Христово, содѣлаться храмомъ Божіимъ:— опытомъ узнаете—что такое Христіанское совершенство на земли, называемое Апостоломъ: „совершенство отъ части".

Господь, призывающій всѣхъ въ вѣчное блаженство, Господь, Которому извѣстны избранные Его, Господь, испытующій сердца и утробы, да призритъ свыше на желаніе ваше работать и благоугождать Ему Единому, да приметъ это желаніе, да ниспошлетъ вамъ свою помощь! „Безъ Мене, сказалъ Онъ, не можете дѣлать ничего" душамъ вашимъ полезнаго и Богу пріятнаго. Аминь.

XLV письмо

о жительствѣ по совѣту.

Письмо ваше я получилъ, и благодарю Господа Бога, отверзшаго ушеса сердца вашего къ принятію словесъ живота вѣчнаго, кои Духъ Святый намъ предалъ, при посредствѣ избранныхъ сосудовъ Своихъ—Отцевъ святыхъ. Въ особенности важенъ путь духовнаго совѣта, которымъ проходили святые иноки, и достигали сперва очищенія страстей, а потомъ и благодатныхъ дарованій. Горе же единому, сказалъ св. Іоаннъ Златоустъ, заимствовавъ слова эти у Екклезіаста. Виѳсаидскій разслабленный, хотя и лежалъ посреди множества другихъ больныхъ, однако жаловался на свое одиночество, говорилъ пришедшему къ нему Спасителю міра: „человѣка не имамъ". Подобно этому и состояніе тѣхъ иноковъ и инокинь, кои живя посреди многолюднаго братства, не имѣютъ къ кому прибѣгнуть для совѣта, во время душевной напасти. Совѣтъ же—тотъ только можетъ преподать, кто въ душевныхъ искушеніяхъ совѣтовался съ искуснымъ, и ощутилъ облегченіе въ душевныхъ болѣзняхъ. Такъ утверждаетъ преподобный Кассіанъ Римлянинъ, научившись сему отъ великихъ Египетскихъ Отцевъ. Почему, благо вамъ будетъ, если вникните въ наставленія святаго аввы Дороѳея,

превосходно описывающаго путь этотъ и доказывающаго, что имъ шествовали всѣ святые иноки, и что кромѣ его спасеніе крайне затруднительно. Къ этому чтенію присовокупите теплыя молитвы Господу Богу, дабы путь неправды отставилъ отъ тебя, и сказалъ тебѣ путь в'онь же пойдеши. Позанявшись довольно книгою и понявши духъ ея, (а толкущему и просящему Господь даетъ понятливость) не худо пріѣхать вамъ сюда. Когда Богу изволяющу пріѣдете, тогда о томъ, о чемъ сказано вамъ въ малыхъ словахъ, можно подробно объяснить.—Если Господь влагаетъ вамъ въ сердце послушаться грѣшнаго моего совѣта, то и я, уповая на Господа, умудряющаго младенцевъ, не отказываюсь вамъ служить, тѣмъ болѣе, что на мнѣ лежитъ обязанность таковаго служенія.

1842 г. Мартъ, 10-е.

XLVI письмо

къ той-же и о томъ же.

Письмо ваше отъ 24 Апрѣля получилъ; сердечно благодарю за поздравленіе съ Праздникомъ Праздниковъ, взаимно поздравляю васъ, желаю вамъ и себѣ сподобиться участія въ празднованіи нескончающейся Пасхи, въ невечернемъ дни Царствія Христова, чего сподобятся всѣ потрудившіеся здѣсь воскресить души свои отъ грѣховнаго умерщвленія животворящими Евангельскими заповѣдями.

Буди вамъ по вѣрѣ вашей! Въ древнемъ, еще христіанскомъ Египтѣ было много женскихъ многолюдныхъ монастырей. Въ одинъ изъ такихъ монастырей пришелъ разбойничій атаманъ, чтобъ осмотрѣвши, привести всю свою шайку разбойничью и ограбить. Дабы удобнѣе произвести осмотръ, онъ одѣлъ монашеское платье. — Игуменья и сестры, увидѣвъ старца, пригласили въ гостиницу. Игуменья своими руками умыла ноги разбойника, мнимаго инока, и помоями окропила инокинь. Одна изъ инокинь была слѣпа. Привели и ее. Когда вода, коею омыты были ноги разбойника коснулась очей слѣпой,—то она немедленно прозрѣла.—Вотъ сила вѣры. Старшина разбойниковъ покаялся, и, принявъ постриженіе, угодилъ Богу. Такъ ваша вѣра и многихъ другихъ, послуживъ вамъ во спасеніе, да послужитъ и мнѣ возбу-

жденіемъ, къ оставленію нерадѣнія моего и разслабленія. Почему поступайте, какъ нынѣ поступаете, имѣя на вашъ поступокъ свидѣтельство аввы Дороѳея. Мы научаемся наставленіемъ великаго Антонія допускать только тѣ поступки въ кругъ нашей дѣятельности, кои имѣютъ свидѣтельство отъ священнаго Писанія и святыхъ Отцевъ. Ваше желаніе послушать моихъ грѣшныхъ совѣтовъ ради Бога, пріемлю. И ваше намѣреніе и мое да благословитъ Господь Іисусъ Христосъ, сказавшій: безъ Мене не можете творити ничесоже. На сихъ дняхъ выѣзжаетъ въ Ладогу нашей Обители монахъ Иларіонъ, мой духовный и ближній ученикъ. Надѣюсь на милость Божію, что вамъ не непріятно будетъ увидѣть въ немъ, какіе плоды разума и благонравія произрастаютъ отъ послушанія. Благословеніе Божіе да почіетъ надъ вами.—Самъ Господь да отставитъ отъ васъ путь неправды, и святымъ закономъ Своимъ да помилуетъ васъ, заповѣдію Своею да просвѣтитъ очи ваши, да уразумѣете чудеса отъ закона Его, яко заповѣдь Его—животъ вѣчный есть.

XLVII письмо

къ ней-же о молитвѣ вообще; о чтеніи книгъ соч. инославныхъ; о милости.

Милосердый Господь нашъ Іисусъ Христосъ, пріемлющій въ лицѣ меньшей братіи Своей даянія человѣковъ, да пріиметъ ваше поверженіе къ грѣшнымъ стопамъ моимъ и да благословитъ васъ, да подкрѣпитъ, и да наставитъ на путь святыхъ заповѣдей Своихъ.—Если вы чувствуете, что отъ назначеннаго числа поклоновъ не утруждается ваше тѣло, то прибавьте нѣсколько, дабы тѣло ощутило нѣкоторую усталость, которая способствуетъ сокрушенію сердца, помня и слѣдующія слова святаго Исаака Сирина: „смотри, чтобъ желая пріумножить нѣсколько труды, тебѣ не остановиться вовсе и не пресѣчь всего теченія твоего. Не простирай ноги твоей свыше силы, чтобъ не содѣлаться совершенно праздными“ (Сл. 10-е). А и слѣдующія слова принадлежатъ также Исааку: „Всякая молитва, въ которой не утрудится тѣло и не утѣснится сердце вмѣняется отверженною: ибо таковая молитва безъ души“ (Сл. 11). Сколько эти послѣднія слова

справедливы, столько и первыя важны и основательны: они были сказаны брату, особенно занимавшемуся поклонами. Святый Исаакъ говоритъ въ 40-мъ Словѣ: „Возлюби въ молитвѣ болѣе поклоны, нежели упражненіе въ стихословіи“, т.-е. въ чтеніи псалмовъ и каноновъ. Количество поклоновъ пусть назначается удовлетвореніемъ цѣли ихъ. Цѣль ихъ согрѣть тѣло, причемъ разгорячается и духъ. При этомъ хорошо вспомнить слова Святителя Димитрія, сказанныя имъ отъ опыта и принадлежащія къ келлейному пребыванію: „Лучше краткая и частая молитва, чѣмъ продолжительная съ продолжительными промежутками“. — Вы спрашиваете, что значитъ тѣлесная молитва?—Это вообще молитва новоначальныхъ, въ особенности-же клиросное пѣніе, а наипаче нотное, гдѣ все вниманіе обращено на голосъ. Отъ этой молитвы, сопровождаемой сильною наружною ревностію, также плотскою, переходитъ человѣкъ къ сердечному и умственному вниманію, при чемъ ревность дѣйствуетъ съ тихостію и благообразіемъ. Вы это можете уразумѣть изъ вашего сердечнаго опыта. Пишете, что при началѣ упражненія въ Іисусовой молитвѣ бороли васъ только уныніе и его порожденія: отчаяніе, недоумѣніе, сонъ и проч. Это хорошій признакъ: „пользу молитвы, сказалъ святый Іоаннъ Лѣствичникъ, можно замѣтить изъ бѣсовскихъ препятствованій, возникающихъ во время собранія“, т.-е. молитвеннаго. *Вы конечно помните, что я вамъ завѣщалъ внимать умомъ языку, тихо произносящему молитву*, отнюдь непозволяя себѣ самочинно вдаваться въ художество, описанное въ „Добротолюбіи“, и превосходно сокращенное святымъ Ниломъ Сорскимъ въ слѣдующія слова: во время Іисусовой молитвы тихо дыши, а не сильно: это способствуетъ къ собранію ума, что окажетъ самый опытъ.—Вы начали читать книгу: *„брань духовная“* и ее оставили. Почему оставили?—Потому что ощутили въ сердцѣ сомнѣніе, васъ обезпокоившее.—И я вамъ завѣщаваю довольствоваться чтеніемъ святыхъ Отцевъ, коихъ Богодухновенность не подвержена никакому сомнѣнію, а переводовъ съ новѣйшихъ языковъ, крайне охраняться: они едва-ли не всѣ написаны духомъ лестчимъ, какъ и апостолъ Павелъ сказалъ (2 Кор. 11, 13. 14. 15).—Читающій ихъ сообщается сатанѣ; умъ таковаго и сердце прелюбодѣйствуютъ. Къ таковымъ относится пророческое слово:

„погубиши всякаго прелюбодѣйствующаго отъ Тебе!“..... Сказали Отцы: „Кто хочетъ достичь до Царствія краткимъ путемъ, тотъ да не внѣдритъ въ сердце свое милость.“ Милостію преподобные Отцы наши уподобились Богу и носили немощи человѣческія.

XLVIII письмо.

О келлейномъ правилѣ, о страхованіяхъ, о занятіи молитвою Іисусовою.

Милость и благословеніе Господа нашего Іисуса Христа, чрезъ меня недостойнѣйшаго служителя Его, да осѣнитъ васъ, да укрѣпитъ васъ въ дѣлѣ благомъ спасенія, единомъ на потребу!—Пишете, что не всегда исполняете правило, то по слабости, то по причинѣ посѣщенія ближнихъ, и потомъ чувствуете скорбь. На это вамъ повторяю, что не человѣкъ для правила, а правило для человѣка. И потому, въ чемъ согрѣшили по немощи тѣла, или души, или разсужденія, вся сія да проститъ вамъ премилосердый Господь Богъ, предъ Коимъ и правды наши нечисты. И я многогрѣшный именемъ Господнимъ васъ прощаю и разрѣшаю, и впредь завѣщаваю въ такихъ случаяхъ держаться разсужденія, т.-е. когда замѣчаете, что немощь естественная, происходящая отъ занятія съ посѣтителями или отъ недуга, обнаруживающагося уменьшеніемъ аппетита, безсонницею и тому подобнымъ, тогда полезно послабить тѣлу, дабы оно до конца не изнемогло и не повредилось, будучи понуждено сверхъ силъ.—Тогда поклоны оставьте, и прочитавъ сообразно немощи сполна, или не сполна вечернія молитвы, пребывайте мирны.—Не дивитесь, что услыхали стукъ; это страхованіе, а страхованію не должно предаваться, зная, что діаволъ весь во власти Божіей и только то можетъ сдѣлать и дѣлаетъ, что Богъ ему попущаетъ для нашей пользы.—Кто бывающій на брани, бранныхъ трубъ и стука непріятельскихъ оружій не слышитъ?—Заслышавши ихъ храбрый воинъ веселится, ибо зритъ и заключаетъ, что близко сраженіе и близокъ конецъ. Нѣкоторая дѣвица, мнѣ извѣстная, шла по уединенной дорогѣ не далеко отъ нашего монастыря; переходя черезъ мостъ, вдругъ изъ подъ мосту выскакиваетъ разбойникъ съ огромными усами и, приставляя пистолетъ къ ея груди, кричитъ: „убью!“ Дѣвица обнажаетъ грудь и отвѣчаетъ, знаменуясь крестнымъ знаменіемъ: „если есть на

то воля Божія,—убивай.“ Едва она произнесла эти слова, какъ страшилище исчезло. Это пишу вамъ, дабы вы мужались и страхомъ Божіимъ побѣждали страхъ бѣсовскій. У насъ, съ кѣмъ случится страхованіе, тотъ приходитъ и сказываетъ, и страхованіе уничтожается благодатію Божіею, покрывающею смиренныхъ, т.-е. открывающихся, ибо смиреніе новоначальнаго состоитъ въ томъ, когда онъ съ охотою, свободно открываетъ свои помыслы.—Что дыханіе удерживаетесь вводить по художеству, изложенному въ Добротолюбіи,—хорошо дѣлаете. Это художество превосходно сокращено преподобнымъ Ниломъ Сорскимъ въ слѣдующія слова: „не дыши борзо, ибо сіе способствуетъ къ собранію ума“. Этимъ и вы довольствуйтесь, т.-е. дышите тихо при молитвѣ. Умиленіе и любовь къ ближнимъ, кои всѣ, безъ изъятія, кажутся яко Ангели, суть плоды истинные и непрелестные молитвы. А встрѣчающіяся искушенія, уныніе и сонъ служатъ доказательствомъ сколько молитва намъ полезна. Предаю васъ благодати Божіей; она васъ да наставитъ, да укрѣпитъ, и да руководствуетъ, яко „безъ Мене не можете творити ничесо-же“, рече Господь.

И паки! отъ художества о ноздренномъ дыханіи уклонитесь! Когда Богу изволяющу, придетъ время, то скажу. Этимъ художествомъ, въ свое время полезнымъ, нѣкоторые неизцѣльно себя повредили. Непарительность, немечтательность, умиленіе, любовь къ ближнимъ—вотъ истинные признаки истинной молитвы.

9-е Октября.

XLIX письмо.

О болѣзни, о помыслахъ, о смиреніи, терпѣніи и благодареніи.

Тѣсенъ и прискорбенъ путь, ведущій въ Царство Небесное. Изъ числа скорбей его суть и болѣзни, которыми тѣло и душа очищаются отъ грѣховнаго тлѣнія. Тотъ, предъ очами котораго—крестъ Христовъ, утѣшается въ болѣзняхъ своихъ болѣзнями Искупителя. Тотъ, кто, взирая на грѣхи свои, счелъ себя достойнымъ вѣчныхъ мукъ, радуется, когда ему приключатся болѣзни въ этой жизни. Послѣ такого рода болѣзней, какъ нынѣ у М. А., обыкновенно чувствуется особая легость по тѣлу и душѣ. При возложеніи полнаго упованія на Господа Бога, нужна строгая діэта, при упо-

требленіи чая изъ Александрійскаго листа; если же можно получить разводящую микстуру, то это—еще лучше.

Что вамъ сказать Н. Д?—То, что вамъ не должно удивляться множеству помысловъ, волнующихъ васъ, отъ которыхъ происходятъ въ душѣ различныя болѣзненныя ощущенія. Научитесь смиренію. Гдѣ?—Въ Евангеліи. Отъ кого?—Отъ разбойника, отъ мытаря, отъ жены грѣшной. Сочтите себя слѣпою, прокаженною, вполнѣ нуждающеюся въ помощи отъ Господа. Тогда вы ощутите спокойствіе и утоленіе страданій, когда отъ сердца сокрушеннаго и смиреннаго, изъ глубины вашихъ болѣзней, будете взывать молитвою ко Господу, тогда Онъ невидимо пріидетъ и поможетъ вамъ. Если жизнь наша на землѣ имѣетъ свой конецъ, послѣ котораго, проведшіе въ занятіяхъ ради Бога наслѣдуютъ вѣчное утѣшеніе, то вы должны благодарить Господа Бога, приведшаго васъ въ святую Обитель Свою, гдѣ славословится святое Имя Его, гдѣ рабы Его пребываютъ въ различныхъ скорбяхъ вдали отъ всѣхъ мірскихъ увеселеній, въ чаяніи воздаянія и утѣшенія вѣчнаго, которое они непремѣнно получатъ, если пребудутъ вѣрою и смиреніемъ въ терпѣніи, чего вамъ искренне желаю. Если сердце ваше не имѣетъ благодаренія, то принуждайте себя къ благодаренію; вмѣстѣ съ нимъ внидетъ въ душу успокоеніе. Не подражайте тѣмъ, которые, находясь ради Бога и ради надежды наслѣдовать землю обѣтованную въ пустынѣ, пожелали возвратиться въ Египетъ, и за это отвергнуты Богомъ. Смерть близка, часъ ея неизвѣстенъ, Судъ Христовъ ожидаетъ—да грѣшники покаятся, мука готова, пламень геенны жаждетъ жертвъ своихъ! Обращайте взоры ваши туда: ибо тѣ могутъ избѣжать геенны, которые часто вспоминаютъ о ней. Иноки и инокини! возблагодаримъ Бога, избравшаго насъ въ служеніе Себѣ, несмотря на то, что мы отребіе міру. Зрите, братія, званіе ваше! (1 Кор.)—Богъ избралъ худородныхъ, немощныхъ, буихъ!—Братія наши міряне велицы и высоцы (Псал.) именами и богатствомъ и мудростію, но не благоволилъ въ нихъ Богъ! Слѣпотствующая и неразумная Н.! Благодари Бога, благодѣтельствующаго тебѣ! Попри, смири мятежные порывы твоего гордаго сердца!—И миръ Божій, истекающій изъ смиренія, прольется въ твое сердце.—Милосердый Господь да укрѣпитъ васъ и помилуетъ по неизреченной Своей милости.

Ѣ письмо.

Къ инокинѣ о любви къ врагамъ, о начальствованіи, объ искушеніяхъ, объ осторожныхъ отношеніяхъ къ духовному наставнику.

Еслибъ не было поношающихъ, оскорбляющихъ и гонящихъ насъ, то мы никогда не возмогли бы пріити въ любовь ко врагамъ, заповѣданную Евангеліемъ, составляющую высшую заповѣдь между заповѣдями, данными намъ по отношенію къ ближнему. Отсюда входимъ въ чистоту сердечную, которой является и которою любится Богъ. Но сколько плодовита эта заповѣдь, столько и трудно стяжать ее. Молитесь Господу Іисусу, и Онъ пошлетъ въ ваше сердце благодатное и разумное чувство, которымъ возлюбите враговъ и обижающихъ, какъ орудія правосудія Божія. Ибо Онъ, Сынъ Божій, пролилъ за насъ, бывшихъ врагами Его, кровь Свою, предвидя притомъ, что, и по совершеніи искупленія, рѣдкіе изъ насъ захотятъ послѣдовать Его всесвятой волѣ. Успокоить Игум—ю, сходивъ къ ней, нахожу я полезнымъ. Если приметъ ваше оправданіе—хорошо, если-же не приметъ, то совѣсть ваша будетъ мирна. Конечно люди, судящіе по наружности, почитаютъ за великое—Игуменство и прочія земныя пріобрѣтенія, но узнавшіе Христово ученіе, считаютъ всѣ земныя пріобрѣтенія потерями, какъ отвлекающія отъ того, что едино на потребу. Я вамъ не желаю Игуменства, какъ ввергающаго въ земныя попеченія, наполняющаго сердце бревнами, кирпичами, известкою, а что еще хуже—гордостію, сварами, и прочимъ Господу противнымъ. И я не имѣлъ желанія быть Начальникомъ, но приведенъ къ этому обстоятельствами, и теперь какъ величайшее благодѣяніе приму отъ руки Божіей удаленіе отъ начальнической должности, дабы принести покаяніе Господу Богу и оплакать грѣхи мои прежде смертнаго часа. На искушеніе ваше пришедшее нынѣ, и на тѣ, которыя впредь могутъ придти, не обращайте особеннаго вниманія, а внимайте тому, чтобъ искушеніе перенесть съ терпѣніемъ и благодареніемъ, молясь за оскорбившихъ и призывая ихъ молитвы. Бояться искушеній не должно: ибо Тотъ Богъ, Который намъ ихъ попускаетъ, Тотъ насъ въ нихъ и хранитъ. Къ искушеніямъ надо имѣть расположеніе и горячность: ибо

ими изображается на душахъ нашихъ Крестъ Христовъ, ими предохраняемся отъ пороковъ, ими сохраняемся въ добродѣтели, и при нихъ только дается благодать. Предъ сестрами излишне не оправдывайтесь: ибо и Господь Самая Истина и Самая Правда, стоя предъ Іудейскими Архіереями и Пилатомъ, не скрывалъ отъ нихъ истины, чтобъ не подать имъ причины къ заблужденію, но сказавъ ее въ краткихъ словахъ, далѣе не оправдывался, но съ молчаніемъ переносилъ клеветы и мученія, намъ подавая образъ, какъ себя отвергаться и какъ носить крестъ Господень, т.-е. скорби, Господомъ посылаемыя.

Желаю, чтобъ вы имѣли любовь къ Господу Богу, любовь живѣйшую, а къ ближнимъ одинаковую и равную, какъ къ образу Божію. Да сподобитъ васъ Господь узрѣть въ каждомъ ближнемъ образъ Божій. Святый Маркъ Подвижникъ сказалъ: „Егда человѣкъ человѣка воспользуетъ словесы, или дѣлы, Божію благодать да разумѣютъ оба“ (гл. 74, Доброт.) Это и вамъ должно соблюсти и не позволять своему сердцу входить въ любовь человѣческую излишне: ибо многіе, пренебрегши этою осторожностію отпали отъ любви Божіей. Преосвященный Филаретъ Митрополитъ Кіевскій, пастырь, имѣющій помазаніе благодатное, сказалъ мнѣ слѣдующія достопримѣчательныя слова: „Тѣ наставники похвальны, которые приводятъ не къ себѣ, а къ Богу“.—Милость Божія да укроетъ васъ.

LI письмо.

Раздраженіе и восторженность усиливаются у поступающихъ изъ міра въ монастырь; причина, признанная уважительною для отклоненія личнаго свиданія.—Преткновенія ежедневныя.

Не то вижу я въ Н. Д., что видите вы. Вижу не отчаяніе, а раздраженіе, произведенное домашними непріятностями. Читала она многихъ иностранныхъ писателей, отъ чего осталась въ ней нѣкоторая восторженность. И восторженность и раздражительность могутъ усилиться отъ жительства въ монастырѣ. Если возмете ее на краткое время, то это не можетъ повредить душѣ вашей.—Относительно пріѣзда вашего сюда,—какъ хотите, время нынѣ у насъ шумное; окружены многими, ищущими въ насъ недостатковъ, которые

есть по самой вещи. Поэтому лучше вамъ ѣхать въ вашу мирную Обитель, не заѣзжая къ намъ, какъ и Писаніе говоритъ: „идѣже вои, нейди, не уснутъ бо, дондеже не сотворятъ зла". Вмѣсто личнаго зрѣнія и бесѣды примите мое искреннее слово, въ которомъ открывается душа моя. Пораженіе одного воина не есть уже побѣжденіе всего войска. Такъ и ваше согрѣшеніе словомъ не есть уже паденіе души. О таковыхъ ежедневныхъ и ежечасныхъ паденіяхъ не должно безмѣрно печалиться: ибо это хитрость врага, хотящаго безмѣрною печалію ввести въ душу разслабленіе. О такихъ-то прегрѣшеніяхъ говоритъ Серафимъ Саровскій, что не должно себя осуждать, когда случится преткновеніе, но думая о себѣ, что мы способны ко всѣмъ грѣхамъ, что наше преткновеніе не есть новость, и необычайность, ходить предъ Богомъ въ сокрушеніи духа, исполненнаго мыслей покаянія. Это-то Богъ не уничижитъ, т. е., сердце сокрушенное и смиренное поставитъ превыше преткновеній, сколько человѣку можно быть выше ихъ. Аминь.

LII письмо.

Скорби.—Крестъ свой.

Поздно отвѣчаю на письмо ваше. Можетъ быть молчаніемъ моимъ искусилось терпѣніе ваше... Миръ Божій да почіетъ въ васъ, въ то время, когда снаружи свирѣпо дышутъ различные вѣтры. Кто не возметъ Креста своего, и не идетъ вслѣдъ Господа, тотъ не можетъ быть ученикомъ Его. Взятіе креста своего есть признаніе себя достойнымъ посылаемыхъ на насъ скорбей. Миръ вамъ! Аминь.

LIII письмо.

Искушенія.—Скорби.

Господь да благословитъ васъ и сожительствующихъ вамъ сестеръ въ новой келліи; да осѣнитъ васъ благодатію Своею и да даруетъ вамъ жительствовать, паче странствовать въ кущѣ вашей; Ему, Господу благоугодно, вамъ же душеспасительно, находящія скорби терпѣть безропотно и безъ жа-

любъ, въ сознаніи своей грѣховности, достойной вѣчныхъ наказаній, замѣняемыхъ милосердіемъ Божіимъ временными наказаніями. „Аще кто правильнаго или неправильнаго запрещенія отвергся,—своего спасенія отвергся", сказалъ святый Іоаннъ Лѣствичникъ. Притомъ надо вѣровать, что Богъ не попускаетъ искушенія паче силы: почему, предъ посылаемымъ искушеніемъ надо смирять свою выю. Плотская и душевная ревность, да изгонится изъ общества вашего, да водворяется въ немъ, чуждая пристрастій о Господѣ любовь, и молитвы ваши да проливаются предъ Господомъ о обижающихъ васъ, во исцѣленіе душъ вашихъ. Старецъ Василискъ, однажды, во время великаго молитвеннаго утѣшенія, услышалъ гласъ: „Имѣй во всю жизнь—единымъ дѣломъ—ношеніе въ сердцѣ Господа Іисуса, а между тѣмъ примешь безчестія". Самъ Господь, всѣ Апостолы, всѣ Святые провели жизнь свою въ многоразличныхъ скорбяхъ. Безъ безчестій—намъ не спастись.

Скажите сестрѣ Е.: „Умъ не можетъ быть безстрастнымъ, по Великому Максиму, аще не пріемлютъ его многая и различная видѣнія".—Понимая цѣль, надо оставлять средства безъ особаго вниманія.

1855 г. Сентября 5.

LIV письмо

относительно умалишившейся сестры.

Недовѣдомымъ Судьбамъ Божіимъ должно покоряться! Жалѣю бѣдную Д. Больныхъ такого рода необходимо держать въ дали отъ родственниковъ и отъ всѣхъ тѣхъ, къ которымъ они близки во время обыкновеннаго своего состоянія.

Когда былъ въ подобномъ состояніи К., то ярость его возбуждалась наиболѣе противъ жены и родственниковъ, коихъ онъ особенно горячо любилъ въ здравомъ состояніи.

Октября 5.

LV письмо

о томъ-же.

О случившемся искушеніи вамъ не должно скорбѣть, но отдаваться на волю Божію, которая спасаетъ всѣхъ спасае-

мыхъ многоразличными скорбями. Попущенное умопомѣшательство Д., попущено ей на пользу, да духъ ея спасется. Предоставьте ее Богу.

Относительно всего, что она ни говорила и ни дѣлала въ своемъ припадкѣ, вамъ не должно обращать никакого вниманія, и не должно принимать къ сердцу никакихъ ея словъ и дѣлъ, потому что все произносилось и дѣлалось ею внѣ разсудка. Потому именно отъ такихъ больныхъ отдѣляютъ всѣхъ ихъ родственниковъ и близкихъ сердцу, что сумасшедшій долженъ быть управляемъ холоднымъ разсудкомъ и холоднымъ сердцемъ, чего не въ состояніи вынести лица, имѣющія сердечное расположеніе къ больному. Когда возлѣ насъ жилъ К. въ состояніи помѣшательства, и нѣкоторое время еще позволено было роднымъ пріѣзжать къ нему: то послѣ каждаго пріѣзда ему дѣлалось хуже, потому что они все хотѣли его урезонить и смягчить. Бывшій тутъ докторъ изъ сумасшедшаго дома говорилъ мнѣ о дѣйствіяхъ родственниковъ: „Странные люди! хотятъ больнаго урезонить, между тѣмъ, какъ болѣзнь его и состоитъ въ томъ, что онъ лишенъ здраваго смысла“. К. хватался за ножъ, намѣреваясь пронзить имъ жену и себя, высказывая противъ нее величайшія неудовольствія, между тѣмъ, какъ въ здравомъ состояніи онъ питалъ къ ней величайшее расположеніе. Вотъ какъ надо разсуждать о больныхъ такого рода. П. А. я совѣтовалъ никакъ не видѣться съ сестрою, доколѣ она не выздоровѣетъ.—Я имѣю письмо отъ Д. отъ 24-го Сентября, изъ котораго можно понимать причину случившейся съ нею болѣзни.

Также не должно смущаться, что нѣкоторые смутились словами и дѣйствіями Д. во время ея сумашествія, и находили имъ причину по своему умозаключенію, а не по опытамъ науки, совсѣмъ иначе смотрящей на эту болѣзнь и ея дѣйствія. Если Богъ даруетъ Д. выздоровѣть, то она будетъ къ вамъ еще болѣе въ близкихъ отношеніяхъ. То, что она васъ поносила въ сумасшествіи, есть вѣрный признакъ ея преданности вамъ.

Вамъ не должно скорбѣть на тѣхъ, которые соблазнились положеніемъ Д., и произнесли о васъ какое невыгодное слово. Это отъ невѣдѣнія и по попущенію Промысла Божія, какъ видно, усматривающаго, что вамъ нужно смиреніе и

очищеніе при посредствѣ человѣческаго безчестія. Любовь имѣйте и миръ со всѣми, и съ оскорбляющими васъ, безъ чего невозможно имѣть духовнаго преуспѣянія. Воздайте славословіе Богу за все случившееся и предайте себя волѣ Божіей.

LVI письмо.

Объ искушеніяхъ; о страхованіяхъ.—Дѣятельность, предписываемая во время искушеній.

Путь христіанъ, сказали святые Отцы, есть Крестъ повседневный. — Сказали они это, руководясь словами Самого Господа Іисуса Христа, Который повелѣлъ желающему совершенства, взять крестъ свой и послѣдовать за нимъ, Господомъ. Крестъ — готовность къ благодушному подъятію всякой скорби, попущаемой Промысломъ Божіимъ. Потому познается, что человѣкъ находится подъ особеннымъ Промысломъ Божіимъ, когда этому человѣку попущаются постоянно скорби,—сказалъ святый Исаакъ. Пей поруганія на всякъ часъ, яко воду живую,—говоритъ святый Іоаннъ Лѣствичникъ: а кто отвергся правильнаго, или неправильнаго выговора, тотъ отвергся своего спасенія. Господь помянулъ васъ, и послалъ вамъ искушеніе, для вашего очищенія и умерщвленія міру, а потому для вашего преуспѣянія. Я, окаяннѣйшій грѣшникъ, благоволю о искушеніи, васъ постигшемъ. Благоволятъ о немъ Ангелы хранители ваши, видя въ немъ залогъ спасенія вашего. Помяните меня грѣшнаго въ молитвахъ вашихъ! Говоритъ святый Исаакъ Сиринъ, что человѣкъ, до вступленія въ искушенія, молится Богу, какъ чужой Ему, а подвергшись ради Его искушеніямъ, молится Ему какъ свой, и какъ-бы имѣя Его—Бога должникомъ себѣ. Помолитесь о мнѣ Богу, рабы Божіи! ибо мнѣ, въ моей жизни, не довелось потерпѣть ни единаго искушенія, а что случалось противное моему гордому сердцу, то—мелочь, мелочь, мелочь... не заслуживающая никакого вниманія, и еслибъ я вздумалъ говорить о моихъ искушеніяхъ, то впалъ-бы въ одно пустословіе.—Вамъ не должно попускать страхованію овладѣвать вами. Кто поддается этой страсти, надъ тѣмъ она возобладаетъ, и таковый будетъ пугаться всякихъ пустяковъ. Прочитайте въ святой Лѣствицѣ

статью о страхованіи. Никакихъ заклинательныхъ молитвъ не нужно: онѣ прочитаны надъ каждой изъ васъ при святомъ Крещеніи. Нужно предаться волѣ Божіей, и признать себя достойнымъ всякаго человѣческаго и бѣсовскаго наведенія: тогда страхованіе пройдетъ само собою. Оно ни отъ чего такъ не истребляется, какъ отъ глубокаго сердечнаго сокрушенія.

Молитвы Іисусовой не оставляйте: монашествующій, въ числѣ своихъ обѣтовъ при постриженіи, даетъ обѣщаніе денно-нощно заниматься этою молитвою. У насъ Святѣйшій Синодъ постоянно занимался развитіемъ этого дѣланія, и издавалъ книги святыхъ Отцевъ о семъ предметѣ; а въ 1857-мъ году разослалъ по монастырямъ книгу преподобнаго Нила Сорскаго во множествѣ экземпляровъ, давъ ее въ руководство Россійскимъ монашествующимъ, и предписавъ благочиннымъ строго наблюдать, чтобъ по монастырямъ это исполнялось.

Не сдѣлайте новой глупости: не вздумайте пріѣхать въ Петербургъ. Надо брани побѣждать на ихъ мѣстѣ, а не оставленіемъ мѣста, отъ чего брани только укрѣпляются. Взойдите въ себя, постарайтесь увидѣть множество согрѣшеній вашихъ, причемъ умаляются въ очахъ вашихъ согрѣшенія ближняго. Воспользуйтесь уединеніемъ и удобствами ко внимательной жизни, дарованными вамъ Божіимъ милосердіемъ, для плача о вашихъ грѣхахъ. Поминайте въ молитвахъ вашихъ оскорбившихъ васъ, да исцѣлѣете отъ страшнаго недуга вражды къ ближнему. Поминайте въ молитвахъ вашихъ болящую Д., которая предана судьбами Божіими сатанѣ, да духъ ея спасется. Она много содѣйствовала къ успокоенію вашему, а послѣднимъ случаемъ къ смиренію и преуспѣянію. Въ духовномъ отношеніи такое наказаніе Божіе отнюдь не служитъ худымъ свидѣтельствомъ о человѣкѣ: такому преданію сатанѣ подвергались многіе великіе Угодники Божіи. Преподобный Кассіанъ описываетъ о преподобномъ Моисеѣ Скитскомъ, съ которымъ бесѣдовалъ о разсужденіи, что Моисей подвергся сумасшествію и бѣснованію, за нѣкоторое противорѣчіе своему старцу Макарію Великому Египетскому. Въ другомъ священномъ сочиненіи 4-го вѣка описывается, что нѣкоторый Египетскій Старецъ, по причинѣ своей святой и чистой жизни, необык-

новенно обиловалъ даромъ чудотвореній: слава о немъ неслась далеко. Замѣтивъ въ себѣ начала гордости, Старецъ началъ молить Бога, чтобъ ему послано было бѣснованіе, что Господь и исполнилъ. Старецъ провелъ въ ужасномъ положеніи цѣлыхъ 8 мѣсяцевъ, употребляя даже въ пищу свои собственныя изверженія. Мірскіе почитатели его, видя его въ такомъ положеніи, какъ быть слѣдуетъ, соблазнились, хорошую о немъ славу измѣнили на худую, а Старецъ въ свое время, избавившись отъ бѣса, въ неизвѣстности и покоѣ работалъ Господу и пришелъ въ гораздо большее преуспѣяніе. Гораздо маловажнѣе бѣснованіе, нежели принятіе какого-либо вражескаго помысла, могущаго на вѣки погубить душу. Что Д. вамъ сердечно предана — не подлежитъ никакому сомнѣнію. На слова ея и дѣйствіе при сумасшествіи—не должно обращать никакого вниманія, и никакъ нельзя сравнивать такихъ больныхъ съ пьяными, у которыхъ отнимается только благоразуміе, а не разумъ. Пьяный высказываетъ свои тайныя мысли и чувства, а сумасшедшій или бѣснующійся несетъ дичь, чуждую ему. Если Д. выздоровѣетъ, примите ее, ничтоже сумняшеся. Этимъ исполните заповѣдь Божію; да и лица монастыря вашего, соблазнившіяся словами и дѣйствіями больной, поймутъ, что она поносила васъ внѣ разума, и исцѣлятся и вразумятся. Я не находилъ нужнымъ писать или говорить Г-жѣ Игуменіи о васъ, полагая, что она изъ сожительства гораздо можетъ больше уразумѣть, нежели изъ моихъ словъ. Если же ей нуженъ письменный мой отзывъ о васъ, то я постараюсь и это исполнить. Я не разъ предостерегалъ сестру Е., чтобъ она удерживала языкъ свой, часто ее предающій и навлекающій непріятности, что было причиною и непріятностей Аввакира (см. Лѣствицу). Эти непріятности должно принимать какъ драгоцѣнныя врачевства противъ нашего тщеславія и высокомудрія.

Лозу, творящую плодъ, Вертоградарь осыпаетъ и навозомъ, да множайшій плодъ принесетъ. Не будете побѣждены зломъ, но добромъ побѣждайте зло.

Окт. 29-го.

LVII письмо.

Ученику священно-иноку Сергіевской Пустыни, письменно обличавшему Архимандрита Игнатія въ измѣняемости его расположенія къ окружающимъ вообще и къ нему въ особенности.

+

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь.

Возложившись на помощь Божію и на силу Его, совершающуюся въ немощныхъ, я вознамѣрился на письменное твое изложеніе отвѣчать также письменно. И сіе болѣе для того, чтобъ умъ мой не развлекся при личной бесѣдѣ и не изнемогъ предъ шумомъ словъ, но сохранилъ бы въ тишинѣ, и уединеніи келлейномъ мирное устроеніе, при которомъ только усматривается Истина. Предъ лицемъ Ея стою, и освѣщаемый Ея свѣтомъ, смотрю на душу мою и сличаю съ тѣмъ, что вижу, обличеніе твое. Что-жъ вижу? Вижу на душѣ моей язвы, вижу многочисленныя ея болѣзни, вижу немощи, изъ которыхъ однѣ природныя, другія — слѣдствія язвъ и болѣзней, прошедшихъ и настоящихъ. Обращаюсь на протекшую жизнь мою: вижу—это цѣпь погрѣшностей, цѣпь паденій; на каждомъ почти шагу я былъ посмѣянъ и поруганъ діаволомъ по недостатку духовной мудрости, по избытку гордости, не склоняющейся вопросить совѣта у ближняго. Въ такомъ положеніи душа моя, когда путь жизни моей уже протянулся за преполовеніе дней моихъ. Между тѣмъ тѣло мое ослабѣло; его прободаютъ и разсѣкаютъ различные недуги. Они—вѣстники; возвѣщаютъ мнѣ приближеніе разлученія души съ тѣломъ. Скоро, скоро буду лежать на одрѣ, не для того, чтобъ дать преутружденному тѣлу временное отдохновеніе, но чтобъ сложить его съ себя въ гробовой ковчегъ, въ нѣдра земли, изъ неяже взятъ есмь, до будущаго общаго воскресенія. Помяни мя Господи во Царствіи Твоемъ: ибо душа моя въ язвахъ, а тѣло запечатлѣно грѣхомъ. По этому состоянію моему всего бъ приличнѣе для меня было оставить все, и внѣ всего придаться неутѣшному плачу; когда все утрачено, не утратить по крайней мѣрѣ раскаянія.

Но къ достиженію этого состоянія, которое признано для себя самымъ приличнымъ, не употребляю никакихъ средствъ кромѣ немощной моей молитвы, въ которой прошу, чтобъ

совершалась надо мною Воля Божія. — Это прошеніе воли Божіей внушается боязнію, чтобъ не попросить чего, превышающаго мои силы. Эта боязнь внушена самымъ опытомъ: ибо во всѣхъ опытахъ, коими испытывалась моя сила, обнаруживалась моя немощь; гдѣ бѣсы рисовали предъ умомъ моимъ картину блистательныхъ успѣховъ, тамъ, на самомъ дѣлѣ, оказывался ущербъ, тамъ возникало бѣдствіе, тамъ прикрывалась цвѣтами гибельная пропасть. Я познавалъ обманъ, по совершеніи обмана; познавалъ прелесть, будучи обольщенъ и поврежденъ ею. Теперь боюсь предпринять что-либо особенное самовольно, хотя бы и почиталъ это душеполезнымъ. Лучше, сказали Отцы, бороться съ каломъ, т.-е. съ блудомъ и чревообъяденіемъ, нежели съ самосмышленіемъ, высокомудріемъ, гордостію и презорствомъ. Ибо эти послѣднія страсти тонки, непримѣтно вкрадываются въ умъ, принимаютъ видъ здравыхъ и праведныхъ мыслей, и не иначе могутъ быть усмотрѣны, какъ при свѣтѣ благодати. Стою предъ Промысломъ Божіимъ умомъ моимъ, отложившимъ на эту минуту мудрованіе міра и правду его. Богъ сотворилъ меня безъ моего желанія и прошенія: ибо „ничто“ какъ могло желать, тѣмъ болѣе—просить чего-либо?— Падшаго меня и погибшаго Богъ искупилъ; цѣною искупленія былъ Онъ Самъ. Между тѣмъ, какъ Искупитель, облеченный въ смиреніе, не познается, несмотря на свою очевидность, умами плотскими, оставившими удивляться себѣ сродному духовному, и погнавшимися за чуждымъ себѣ тлѣніемъ,—мнѣ окаянному Онъ даровалъ познать себя. Когда смежались очи мои, бреніе, смѣшанное съ плюновеніемъ исходящимъ изъ устъ Его, исцѣляло ихъ. Крестъ Христовъ отвергаетъ очи ума; крестъ Христовъ сохраняетъ здравіе, исцѣляетъ болѣзни очей этихъ. Внѣ креста Христова нѣтъ правды Христовой. Міръ и правда его погибнутъ, яко отъ діавола суть. Стою предъ Господомъ моимъ и Промыслъ святый Его вижу, и долготерпѣнію Его увивляюсь, колико милостивъ Онъ къ тѣмъ погрѣшностямъ, въ которыя я впалъ отъ своеволія и самосмышленія. Душу мою въ руцѣ Божіи предаю; что Онъ мнѣ даруетъ, то пріемлю. Онъ вѣдаетъ мою силу, ибо Онъ же мнѣ далъ ее. Если даетъ мнѣ единъ талантъ сообразно силѣ моей, не ищу пяти, чтобъ не изнемогъ подъ тяжестію ихъ; чтобъ даръ, долженствующій служить къ

пользѣ, не послужилъ къ большему осужденію. Отъ грѣхопаденій моихъ бѣгу не въ затворъ, не въ пустыню, но въ самоукореніе, въ исповѣданіе грѣховъ моихъ, въ раскаяніе. Недоумѣніе мое, и разсужденіе мое, и волю мою повергаю въ пучину щедротъ и Промысла Божія.

Такое зрѣлище представляетъ мнѣ душа моя, когда при свѣтѣ Евангельскаго ученія, смотрю на нее умомъ моимъ. Теперь обращаюсь къ словамъ обличенія, находящимся въ письмѣ твоемъ. Самое естество дѣла показываетъ, что ты, смотря на наружность моего поведенія, усмотрѣлъ гораздо менѣе недостатковъ, нежели сколько ихъ находится по самой вещи. Сознаваясь въ большемъ долгѣ, я не могу не сознаваться въ меньшемъ, такъ, что я и тогда бы сознался, когда бы не хотѣлъ сознаться. Остается за симъ со слезами просить у тебя прощенія и святыхъ молитвъ о моемъ исправленіи. Если, по словамъ святаго Исаака, словооправданіе не принадлежитъ къ жительству христіанскому и нигдѣ въ ученіи Христовомъ не предписано, если Самъ Господь, предстоя властямъ земли и водворяя предъ лицемъ вселенныя правду Креста, не удостоилъ правду внѣшнюю никакого вниманія, ни единаго слова, какъ прахъ и тлѣніе, то кто смотрящій во глубину сердца своего, и видящій не ложно, осмѣлится противу стать обличающему? Таковый скажетъ замахнутому на него мечу: поражай, ибо не всуе ты поднятъ. Скажетъ бѣдствіямъ, нападите на меня и удручайте меня, ибо я того достоинъ. Скажетъ тѣлу изможденному болѣзнями и посылаемому во изгнаніе: иди, ибо ты согрѣшило. Скажетъ братіямъ своимъ: помолитесь о мнѣ скверномъ, Ангели Божіи. Припадетъ къ ногамъ прелюбодѣевъ и убійцъ и скажетъ имъ: помолитесь о мнѣ, ибо вы праведнѣе меня.— Вотъ каково мое состояніе, когда очи ума моего отверсты; когда-же они закроются, то состояніе мое дѣлается несравненно худшимъ: ибо язвы естественно остаются тѣ же; но къ болѣзнямъ сердца присовокупляется слѣпота ума. Отъ слѣпоты—нечувствіе, утрата любви къ ближнему, утрата умиленія и утѣшительнаго плача, присовокупленіе язвъ къ язвамъ и болѣзней къ болѣзнямъ. Словомъ сказать — вижу ли, или ослѣпляюсь—состояніе мое пребѣдственно, достойно слезъ и рыданія всѣхъ меня знающихъ и любящихъ. Та-

ковъ мой отвѣтъ всякому обличающему, и тебѣ. Когда же иначе отвѣчаю—погрѣшаю.

Этимъ долженъ бы я былъ довольствоваться, еслибъ говорилъ не съ своимъ духовнымъ сыномъ, который говоря мнѣ обличенія, приносимыя его сердцу, не выдаетъ ихъ за рѣшительную правду, но приноситъ ихъ мнѣ-же на судъ. Поэтому считаю себя обязаннымъ продолжить мою бесѣду, и не смотря на то, что я немощенъ, заимствуя Свѣтъ отъ истиннаго Свѣта—Слова Божія, удовлетворить по силамъ моимъ требованіямъ письма твоего, не столько обращая вниманія на наружность мыслей заключающихся въ этомъ письмѣ, сколько открывая при свѣтѣ Евангельскаго ученія тѣ тайныя сердечныя побужденія, коихъ мысли эти суть плодъ. По мнѣнію Отцовъ, тѣ люди, кои требуютъ отъ ближнихъ совершеннаго устраненія недостатковъ, имѣютъ объ этомъ предметѣ ложное понятіе. Это мнѣніе Отцовъ находимъ и у Апостоловъ: одинъ изъ нихъ (Іоаннъ Богословъ) говоритъ: *Аще речемъ яко грѣха не имамы, себе прельщаемъ, и истины нѣсть въ насъ* (I Іоан. 1, 8). Другой же (Ап. Павелъ): *Другъ друга тяготы носите и тако исполните законъ Христовъ* (Гал. 6, 2). Что же можетъ породить неношеніе немощей ближняго, это показано Писаніемъ надъ мужами самыми высокими въ добродѣтеляхъ. Кто святѣе Апостоловъ? Но мы читаемъ въ Дѣяніяхъ, что между апостолами Варнавою и Павломъ произошла распря, а за распрею—и разлученіе. Безъ всякаго сомнѣнія это обстоятельство сказано намъ Писаніемъ съ тою цѣлію, чтобъ мы, немощные, были осторожны, не увлекались мнимою ревностію, но носили тяготы другъ друга. *Тако исполните законъ Христовъ!* Понеси убо мои немощи; а я постараюсь понести твои, какъ доселѣ старался. Конечно ты не скажешь, что ты безъ немощей. Мои немощи тяжелы болѣе для тебя, нежели для меня; а твои ощутительны для меня, нежели для тебя. Еслибъ тяготы были безъ тягости, то ношеніе ихъ не имѣло бы никакой цѣны, не было бы причинъ заповѣдать оное. Но цѣна взаимнаго ношенія немощей столь велика, что Писаніе заключило въ немъ исполненіе закона Христова, Иже понесъ на Себѣ грѣхи всего міра.

Скажу нѣсколько словъ о непостоянствѣ. Непостоянство или перемѣняемость, по мнѣнію святыхъ Отцовъ, есть по-

стоянная и непремѣнная немощь человѣка, доколѣ онъ находится въ странѣ своего изгнанія, на земли. Непремѣняемость есть свойство будущаго возъустроенія. Измѣняемость не только свойственна намъ немощнымъ, но и величайшіе Святые признавали ее въ себѣ. Потерпи непостоянство во мнѣ, а я потерплю его въ тебѣ. Мое непостоянство ощутительно тебѣ, а твое—мнѣ. Понесемъ взаимныя немощи и познаемъ яко благо иго Христово: если жъ скинемъ иго Христово, то какому жъ игу подчинимся? Весьма прекрасно сказалъ святый Илія Екдикъ: *Домъ души—терпѣніе, живетъ бо въ немъ; а пища—смиреніе, питается бо тѣмъ.* Точно—помыслы смиренномудрія удерживаютъ душу въ терпѣніи. Если-же это такъ, то и слѣдующее по необходимости справедливо: ни что другое не выводитъ души изъ терпѣнія, какъ помыслы гордостные. Неоднократно говорилъ я тебѣ и многимъ другимъ, которымъ мнилось мнѣ сообщать душеполезныя познанія: когда сличаю мое устроеніе и поведеніе съ писаніями святыхъ Отцовъ; то нахожу, что мнѣ въ древнемъ монашествѣ надлежало бы имѣть мѣсто между новоначальными. А въ нынѣшнемъ монашествѣ, гдѣ знаніе святыхъ Отцовъ и образъ мыслей нѣсколько запечатлѣнный этимъ знаніемъ, такъ рѣдки, и тотъ, кто преподаетъ слушающимъ его ученіе Отцовъ, есть величайшая рѣдкость. Съ тѣмъ условіемъ настоятельствую надъ вами и имѣю васъ духовными чадами, чтобъ научать васъ образу мыслей Евангельскому, который и есть образъ мыслей святыхъ Отцовъ. Истинно, истинно говорю вамъ: нынѣ, когда дѣлъ уже вовсе нѣтъ, и духовное мудрованіе крайне рѣдко, нынѣ діаволъ столько ненавидитъ это мудрованіе, что хотѣлъ бы истребить его съ лица земли, дабы Евангеліе оставалось у насъ только для нашего осужденія, а не назиданія: ибо мы будемъ судимы по Евангелію, какъ предвозвѣстилъ намъ Господь Іисусъ Христосъ (Іоан. 12, 48). Діаволъ готовъ намъ придать въ десятеро здраваго смысла и умножить тысячекратно наши практическія свѣдѣнія, лишь бы украсть у насъ знаніе крестное, при коемъ можемъ стать одесную Бога. Приписывающій себѣ свѣдѣнія и здравый смыслъ, уподобляется діаволу, который хотѣлъ признать себя источникомъ свѣта. Онъ и есть источникъ мнимаго свѣта—плотскаго мудрованія, которое не покоряется разуму Божію, носитъ на себѣ

печать гордыни и заключаетъ въ себѣ условіе всѣхъ грѣхопаденій. *Видѣлъ-ли еси кого падша? увѣждь яко себѣ послѣдова*, говоритъ авва Дороѳей. Этотъ Святый говорилъ о себѣ, что онъ лучше желаетъ погрѣшить въ какомъ-либо наружномъ дѣлѣ, поступивъ по совѣту ближняго, чѣмъ дѣйствовать самочинно. И я, въ малыхъ своихъ опытахъ, при какой-либо неудачѣ, имѣю утѣшеніе, истекавшее изъ того, что дѣло сдѣлано или предпринято не самочинно.

Поэтому, хотя бы мнѣ по недостоинству моему и приличествовало внимать однимъ собственнымъ недостаткамъ, однако по обязанности настоятеля и духовнаго отца, я долженъ тебѣ сказать, что видится моимъ грѣшнымъ очамъ: тебѣ брань творить страсть гордостная. Признаніе въ себѣ практическихъ свѣдѣній и соображеній суть ея оправданія, коими она прикрывается. Охлажденіе ко мнѣ, къ окружающимъ меня, суть плоды ея: ибо за уничиженіемъ ближняго, слѣдуетъ изсякновеніе любви. А изсякновеніе любви есть признакъ принятія помысловъ бѣсовскихъ, такъ какъ и признакъ принятія сѣмянъ благодати есть умноженіе любви къ ближнему.

Страсть гордостная дѣйствуетъ иначе, нежели страсть блудная, или гнѣвная. Эти двѣ страсти дѣйствуютъ очевидно, и самыя оправданія ихъ и лукавство въ оправданіяхъ яснѣе. А гордость вкрадывается непримѣтно. Ее посѣваютъ тѣлесныя дарованія, богатство, душевныя природныя способности, пышность, а паче похвалы человѣческія. Хотя повидимому мы не принимаемъ похвалъ и не соглашаемся внутренне съ похваляющими, но тайная печать похвалъ остается на умѣ и сердцѣ, и когда случится уничиженіе, то оно бываетъ тягостно, и тѣмъ тягостнѣе, чѣмъ болѣе мы были напитаны похвалами. Этимъ самымъ доказывается существованіе печатей, и тайное вселеніе гордости. Увы намъ! Самыя благодатныя дарованія были поводомъ для людей къ гордости, и плодамъ ея—паденіямъ! Главные признаки гордости суть охлажденіе къ ближнимъ и оставленіе исповѣди. Поэтому, кто какими дверми вышелъ, тотъ ими и да входитъ, сказалъ святый Іоаннъ Лѣствичникъ. Положи себѣ за правило исповѣдывать помыслы твои, хотя дважды въ недѣлю, и какъ душа сообразуется тѣлу, то и поклоненіемъ тѣла изъяви смиреніе. Скажи и повторяй своему помыслу о братіяхъ: „Это

овцы Христовы, это Ангели Божіи",—и истребится презорство къ нимъ, еже есть гордыня. Тогда, уповаю на милость Божію, миръ и любовь внидутъ въ сердце твое и благодатнымъ дѣйствіемъ своимъ докажутъ тебѣ, что ты находишься въ искушеніи;—откроютъ очи твои и ты познаешь твое настоящее обольщеніе. Случай-же этотъ внидетъ въ сокровищницу твоихъ душевныхъ опытовъ, будетъ доставлять тебѣ предосторожность на будущее время, а братіи окормленіе. Ибо мужъ *не искушенъ не искусенъ, а бывъ искушенъ, можетъ и искушаемымъ помощи*, говоритъ Писаніе. Да сподобитъ тебя Господь послѣдовать и этому наставленію святаго Іоанна Лѣствичника (Степ. 4): „По входѣ въ поприще благочестія и повиновенія, не ктому отнюдь добраго нашего законоположника въ чесомъ истяжемъ; аще кая въ немъ яко въ человѣцѣ еще негли и мала согрѣшенія увидимъ. Аще ли же ни, то ничимже отъ повиновенія сего истязующія пользуемся. Отнюдь нужно есть хотящимъ къ настоятелемъ вѣру несомнѣнну выну содержавати, исправленія ихъ въ сердцѣ неизглаждаема и приснопомнима хранити, да егда бѣсове въ насъ невѣріе къ тѣмъ всѣваютъ, отъ помнимыхъ нами заградимъ уста. Поелику бо вѣра цвѣтетъ въ сердцѣ, потолику и тѣло спѣшитъ на службу. По внегда же о невѣріе предпнется, то палъ есть" т. е.: „по входѣ въ поприще благочестія и повиновенія мы уже не должны ни въ чемъ испытывать нашего благаго законоположника (наставника), хотя бы въ немъ, какъ человѣкѣ, и замѣтили малыя погрѣшности; иначе, т. е. истязывая, не получимъ отъ повиновенія никакой пользы. Желающимъ соблюсти несомнѣнную вѣру къ своимъ наставникамъ, необходимо хранить въ сердцѣ своемъ добрыя дѣла ихъ неизгладимыми и незабвенными, чтобъ воспоминаніемъ ихъ заградить уста бѣсамъ, когда сіи будутъ посѣвать въ насъ невѣріе.—Насколько вѣра цвѣтетъ въ сердцѣ, настолько тѣло преуспѣваетъ въ служеніе.—Кто преткнется о невѣріе, тотъ палъ".

И отъ окормленія ближнихъ прозябаетъ нерѣдко гордость, какъ отъ пшеничнаго зерна куколь. Поэтому святый Маркъ Подвижникъ сказалъ: „Егда человѣкъ человѣка воспользуетъ словесы, или дѣлы, Божію благодать да разумѣютъ оба". *Не себе проповѣдаемъ*, говоритъ святый Павелъ, *но Христа Іисуса Господа* (2 Кор. 4, 5). Кто будетъ воздѣлывать эти

чувства, въ томъ истребится пристрастіе къ людямъ, а воцарится о Христѣ любовь, во всѣхъ зрящая образъ Божій. Когда же восхитится умъ утѣшеніемъ любви этой, то видитъ человѣкъ себя какъ нѣкій сосудъ исполненный смрада и мерзости, и дивится какъ лучи Божественнаго ученія проходятъ сквозь его и исцѣляютъ души человѣческія.

Прилично мнѣ воспомянуть здѣсь слова святаго Іоанна Лѣствичника, повторенныя преподобнымъ Ниломъ Сорскимъ: нѣкоторые погрязли въ болото, другихъ предостерегали отъ подобнаго впаденія и за спасеніе ихъ Господь даровалъ и имъ спасеніе. Ибо послѣ тяжкихъ язвъ узналъ я, что признаки гордости суть уничиженіе или презрѣніе ближнихъ и нерадѣніе о исповѣди, а сама по себѣ гордость человѣку не примѣтна, будучи тончайшая страсть, обманувшая свѣтоноснаго Ангела и устроившая паденіе на небѣ. На сей держатся другія страсти, какъ зданія на основаніи, сокрытомъ подъ землею. Наконецъ завѣщаваю тебѣ сохранить письмо сіе въ неизвѣстности до кончины моей. А я и тебя и себя предаю милости и благодати Божіей, могущей, если мы сами не отвергнемъ, даровать намъ спасеніе, хотя мы его и вполнѣ недостойны. Аминь.

1842 года Ноября 25-го дня.
Сергіева Пустынь.

LVIII письмо [1]).

Объ искушеніяхъ.

Благословеніе и милость Божія надъ тобою! Многими скорбми и смертми подобаетъ намъ, по примѣру всѣхъ отъ вѣка святыхъ, наслѣдовать Царство Небесное!—Такъ говорится въ одной изъ молитвъ иноческаго постриженія. Не дивись ничему случившемуся. „Не искушеніе ли человѣку житіе его на землѣ?“ давно сказалъ праведный Іовъ. Блаженъ человѣкъ иже претерпитъ искушеніе, и, чрезъ искушенія и терпѣніе, внидетъ въ познаніе закона Божія, а чрезъ это познаніе—въ животъ вѣчный. Храни умъ твой въ тишинѣ и преданности волѣ Божіей, удерживай его отъ по-

[1]) Рядъ писемъ къ монахинѣ Досиѳеѣ.

рывовъ и дерзновенія. „Радуйтеся Господеви“, говоритъ пророкъ „съ трепетомъ“. Страхъ и благоговѣніе, изливающіеся отъ Престола Божія, да проліются въ твою душу, и да сохранятъ ее отъ козней вражескихъ. Миръ тебѣ отъ Бога и человѣковъ! а гдѣ рѣшительное примиреніе, тамъ полное прощеніе.

1848 г. Февр. 27.

LIX письмо.

Дѣйствіе духовное и дѣйствіе кровяное; различіе ихъ. Храненіе мира душевнаго. О явленіяхъ, и видѣніяхъ и ощущеніяхъ ложныхъ и истинныхъ и опасность ихъ для неопытныхъ.

Кто поставленъ въ страну духа, тотъ долженъ удвоить бдительность надъ собою, долженъ быть особенно осторожнымъ. Дверь въ ту страну—миръ Божій,—превосходяй всякъ умъ, потопляющій всѣ помышленія человѣка въ несказанной сладости своей. Этотъ миръ Христовъ уничтожаетъ всѣ смущенія и страхи, такъ сильно дѣйствующія на человѣка плотскаго: обновленный Духомъ начинаетъ чувствовать въ себѣ обновленіе живой вѣры. Богъ престаетъ быть для него мертвымъ, каковымъ Онъ представляется для умерщвленныхъ плотскимъ мудрованіемъ, считающихъ свою смерть—жизнію, а истинную и существенную жизнь—признающихъ какъ-бы не существующею. За дарованіемъ „мира“ слѣдуетъ, какъ видно изъ Евангелія, другое дарованіе: отверзается умъ ученика Христова для разумѣнія Писаній. Крестъ Христовъ дѣлается понятнымъ и удобоносимымъ, страданія начинаютъ источать изъ себя сладость. Но все совершающееся съ тобою, есть дѣйствіе только отчасти духовное, а не вполнѣ.—Возьми свои предосторожности.

Есть дѣйствіе отъ крови, кажущееся для неопытныхъ дѣйствіемъ благимъ, духовнымъ, а оно не благое, и не духовное,—оно изъ падшаго естества нашего, и познается потому, что порывисто, горячо, нарушаетъ миръ въ себѣ и ближнихъ. Дѣйствіе духовное рождается изъ мира и рождаетъ миръ. Разсмотри себя внимательно: дѣйствія въ тебѣ—еще смѣшанныя; дѣйствіе духовное смѣшано съ дѣйствіемъ кровянымъ. Ты ихъ не различила и не раздѣлила. Смотри за

твоими водами (сердечными чувствами), чтобъ онѣ текли тихо,—какъ сказалъ Пророкъ о водахъ Силоамскихъ: „воды Силоамли текущія тисѣ“. Всякое разгоряченное чувство—кровяное! Не сочти его усердіемъ, ревностію по благочестію, любовію къ Богу и ближнимъ. Нѣтъ—это движеніе души, произведенное въ ней нервами, кровію. А кровь приводится въ движеніе душевными страстями, которыя—орудія и цѣпи міродержца, его скипетръ,—держава. Храни себя въ глубокомъ мирѣ, и отвергай все, нарушающее миръ, какъ неправильное, хотя бы оно имѣло наружность правильную и праведную. Относительно ближнихъ руководствуйся слѣдующимъ наставленіемъ преподобнаго Исаака Сирскаго:—„Пусть лучше признаютъ тебя невѣжею, по причинѣ неспособности ума твоего къ прекословію, а не премудрымъ за безстыдство твое и дерзость. Обнищай для смиренія,—не будь богатъ для дерзости. Силою добродѣтелей твоихъ, а не словопреніемъ твоимъ, обличи противоучащихъ тебя. Кротостію и тихостію устъ твоихъ, заради уста и принудь умолкнуть безстыдство непокорныхъ. Обличи невоздержныхъ благородствомъ житія твоего, и разрѣшенныхъ чувствами—стыдливостію очей твоихъ“.—Учитъ Божественное Слово, учитъ и Божественное молчаніе.

Относительно гласовъ и явленій, нужна еще большая осторожность: здѣсь ближе и зловреднѣе прелесть бѣсовская. Многіе изъ святыхъ и искусныхъ Отцовъ, были обмануты бѣсами, хитро скрывающими и облачающими свою ложь и тьму, признаками истины и свѣта: тѣмъ удобнѣе могутъ быть обмануты юные и неопытные. Нужно долгимъ временемъ и опытомъ пріучить умъ и сердце къ отличенію добра отъ зла, подъ какою бы личиною не маскировалось зло. Поэтому святые Отцы заповѣдали, чтобъ новоначальные не ввѣрялись никакимъ гласамъ и явленіямъ,—но отвергали ихъ, и не принимали ихъ, предоставляя дѣло суду и волѣ Божіей, а для себя, признавая смиреніе болѣе нужнымъ всякаго гласа и явленія. Гласъ Христосъ—Евангеліе: будемъ вслушиваться въ него и ему повиноваться.

Истинныя духовныя видѣнія и ощущенія принадлежатъ тому вѣку, вполнѣ невещественны, не могутъ быть объяснены въ странѣ чувствъ, словомъ вещественнымъ: таковъ вѣрный призракъ истинно Духовнаго.—Гласъ Духа—неве-

щественъ; онъ вполнѣ явственъ и вполнѣ невещественъ: онъ—умственный гласъ. Также всѣ Духовныя ощущенія—невещественны, безвидны, не могутъ быть истолкованы, ясно переданы человѣческимъ вещественнымъ словомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, они ощутительны, сильны, одолѣваютъ всѣ другія ощущенія, содѣлываютъ ихъ бездѣйственными, какъ-бы не существующими. Для плотскаго человѣка Духовное дѣйствіе непостижимо, вовсе непонятно, а кто имѣетъ Духовное чувство, тому это чувство объясняетъ то, что необъяснимо словомъ вещественнымъ.

Нисшую степень видѣній составляютъ тѣ видѣнія, которыхъ зрителемъ дѣлается человѣкъ отъ неядѣнія, бдѣнія и другихъ изможденій плоти; до этихъ видѣній достигаютъ не только люди подвижнической жизни, но и многіе порочные, пришедшіе какимъ-нибудь образомъ въ изможденіе плоти. Тѣлесныя чувства ихъ достигаютъ какой-то особенной тонкости,—и они начинаютъ видѣть духовъ, слышать гласы, обонявать благоуханія и зловонія. Это состояніе опасно, и многіе пришедши въ него, впали въ прелесть.

Въ твоемъ состояніи признаю посѣщеніе милости Божіей: свидѣтель этой милости—миръ Божій, на тебя излившійся и открывшій тебѣ тайну Креста Христова. Но, въ то же самое время, надо признать, что въ этомъ состояніи было много кровяной примѣси. Сама это замѣтишь, если будешь храниться въ молчаніи и обуздывать каждое горячее, порывистое чувство,—вводить вмѣсто его чувство тихое и мирное. Мнѣ бы желалось, чтобъ ты вышла изъ этого состоянія: оно тебѣ не подъ силу. Хранись и хранись! Да даруетъ тебѣ милосердый Господь, перейти въ другое состояніе, менѣе опасное, болѣе духовное и болѣе полезное: это состояніе — сокрушеніе духа отъ зрѣнія паденія человѣческаго и Искупленія насъ Спасителемъ. Многіе святые Отцы, обиловавшіе смиренномудріемъ и духовнымъ разсужденіемъ; когда въ нихъ—нечаянно—какое особенное духовное дарованіе, молили Бога, чтобъ Онъ отнялъ отъ нихъ это дарованіе, бывшее имъ не подъ силу: „Если дѣла твои, сказалъ преподобный Исаакъ Сирскій, благоугодны Богу, и Онъ дастъ тебѣ дарованіе, то умоли Его, чтобъ далъ тебѣ разумъ, какъ тебѣ смириться, или чтобъ поставилъ стража при дарованіи, или чтобъ взялъ отъ тебя дарованіе, чтобъ оно

не было для тебя причиною погибели: потому что не всѣ могутъ безвредно обладать этимъ богатствомъ". При состояніи, въ которомъ измѣненными или утонченными тѣлесными чувствами подвижникъ слышитъ гласы, обоняетъ благоуханіе, видитъ явленія;—діаволъ очень легко можетъ подмѣнить Истину чѣмъ-либо своимъ, придавъ этому своему личину Истины,—и неисцѣльно повредить душу неопытнаго и юнаго подвижника. Гораздо возвышеннѣе и безопаснѣе, утонченными покаяніемъ и измѣненными Духомъ мыслію и сердечнымъ ощущеніемъ, зрѣть глубину паденія и высокое таинство Искупленія, погружаться при посредствѣ духовнаго, невещественнаго дѣйствія въ бездну смиренія, въ море благоговѣнія и удивленія Богу.

Опять привожу слова преподобнаго Исаака: „Ощутившій грѣхи свои, лучше воскрешающаго мертвыхъ молитвою своею и обитающаго вмѣстѣ со многими. Воздыхающій о душѣ своей лучше пользующаго весь міръ видѣніемъ своимъ. Сподобившійся увидѣть себя лучше сподобившагося увидѣть Ангеловъ: потому что у втораго отверзлись чувственныя очи, а у перваго—душевныя".

Давай тѣлу умѣренное количество пищи и сна, храни себя молчаніемъ, вниманіемъ себѣ, смиреніемъ. Изъ твоего настоящаго состоянія постарайся соблюсти дѣйствіе *„мира Христова"* и познаніе *Креста Христова*. А изъ состоянія утонченныхъ чувствъ тѣлесныхъ, какъ изъ состоянія очень опаснаго, превышающаго твои силы, да изведетъ тебя милосердый Господь.—Въ монастырской библіотекѣ вашей есть письменная книга преподобнаго Исаака Сирскаго. Прочитай въ ней 55-ое слово, къ преподобному Симеону Чудотворцу. Всего тутъ не поймешь; но и то, что поймешь принесетъ тебѣ значительную пользу. Христосъ съ тобою.

1818 г. Марта 15.

LX письмо.

Покаяніе.—Борьба съ грѣхомъ.—Отношеніе къ духовному наставнику

Всемогущее покаяніе—пристань Божественная, Божественная врачебница.—Всякое согрѣшеніе исправляется покаяніемъ, всякая язва, всякій недугъ исцѣляется покаяніемъ.

Объятія Отца Небеснаго отверсты для прибѣгающихъ въ эти объятія блудныхъ сыновъ. Христосъ, снисшедшій на землю для грѣшниковъ, а не для праведниковъ, доселѣ пребываетъ *невидимо, но вполнѣ существенно* между человѣками, совершая великія знаменія и исцѣленія, — будетъ по неложному обѣщанію Своему, пребывать между нами до скончанія вѣка. Доселѣ раздается Его голосъ, доселѣ слышатся Его дѣйствительныя слова, сказанныя нѣкогда—всѣми осужденной—грѣшницѣ, осудившей себя глубокимъ молчаніемъ: „*Азъ тебя не осуждаю: иди и отселѣ кътому не согрѣшай*“. Съ такимъ предостереженіемъ дается отпущеніе въ тяжкихъ согрѣшеніяхъ.

Кто можетъ быть судіею дѣйствій Божіихъ? — Довольно для ума человѣческаго, если онъ содѣлается зрителемъ дѣйствій Божіихъ, будетъ погружаться въ благоговѣйное созерцаніе дѣлъ Божіихъ, въ удивленіе имъ, въ славословіе ихъ. Одно изъ такихъ чудныхъ дѣйствій Божіихъ — Его призваніе къ иноческой жизни. Одни позваны къ этой жизни святой изъ предварявшей ее святой жизни среди міра,— другіе призваны къ ней съ распутія, съ халуги,—изъ мрака и пропасти беззаконій. Откуда бы кто ни былъ призванъ будь послушенъ Призывающему, иди на призывный голосъ! благословенъ всякій, грядый во имя Господне, призванный Господомъ!—И если ему на пути къ Господу надо сразиться съ возбраняющимъ блаженное шествіе, грѣхомъ,—да сразится мужественно, да станетъ *до крови*, да восхититъ побѣду, и да сопричислится къ Патріархамъ, Пророкамъ, Апостоламъ, Мученикамъ, Исповѣдникамъ и прочимъ Святымъ, которы многими скорбми и смертми наслѣдовали Небо. Кто нарушилъ вѣрность Богу впаденіемъ въ грѣхъ, возстанови эту вѣрность, докажи ее борьбою съ грѣхомъ, сверженіемъ съ себя чрезъ побѣду цѣпей, тѣхъ цѣпей, которыми оковываетъ грѣхъ своихъ плѣнниковъ, которыя удерживаютъ плѣнниковъ грѣха въ насильственной работѣ ему. Подвигъ тѣлесный слабъ противъ грѣха, подвигъ размышленія ничтоженъ: силенъ подвигъ вѣры! онъ наперсникъ побѣды! Когда ощутишь нашествіе силы грѣховной, не входи въ переговоры съ супостатами,— открывай немедленно на нихъ огонь, рази ихъ громами, попаляй молніей небесной. Этотъ огнь, эти громы, эта молнія—молитва. Бѣги въ келлію твою, падай

ницъ предъ иконами, проси помощи противъ грѣха, проси побѣды надъ нимъ. То и другое подастся тебѣ Свыше. Этотъ образъ борьбы со грѣхомъ, подала подвижникамъ Христовымъ, великая подвижница Марія Египетская. Прочитай житіе ея.

„Другъ друга тяготы носите, и такъ исполните законъ Христовъ", сказалъ Апостолъ. Предъ тѣми-же, которые позволили себѣ осуждать, Самъ Богочеловѣкъ показался несовершеннымъ! Святые Отцы заповѣдаютъ инокамъ помнить добродѣтели своихъ Настоятелей, часто размышлять о ихъ похвальныхъ поступкахъ, а на недостатки не обращать вниманія, какъ на сучцы, въ сравненіи съ которыми наши немощи—бревна. Истиннымъ покаяніемъ и истиннымъ смиреніемъ—они невидимы для людей — примири душу свою съ Богомъ и ближними.

LXI письмо.

Орудія спасенія.

Единъ Богъ—Вина бытія человѣковъ. Онъ Единъ—Вина, по погибели человѣковъ, пакибытія ихъ, т.-е., спасенія. Если Богъ, употребившій для твоей душевной пользы, какое-либо орудіе въ свое время,—въ другое время, отложилъ это орудіе къ сторонѣ: то ты этимъ не смущайся. Богъ спасаетъ ими же вѣсть судьбами, а не все однимъ и тѣмъ-же способомъ. Прилѣпляйся къ Богу вѣрою, прилѣпляйся къ Нему непрестаннымъ покаяніемъ: сердце сокрушенно и смиренно не уничижаетъ и не отвергаетъ Богъ,—уничижающій и отвергающій разумъ разумныхъ о себѣ, и премудрость премудрыхъ предъ собою и предъ Боговраждебнымъ міромъ. Будучи отдаленъ отъ тебя тѣломъ, я столько же близокъ къ тебѣ, какъ и прежде, моею любовію и желаніемъ тебѣ спасенія.—Молись о мнѣ. Благословеніе Божіе да почіетъ надъ тобою.

23 Дек. 1851 года.

LXII письмо.

Миръ Христовъ.—Тѣлесныя немощи.

Господь Іисусъ Христосъ, питающій святымъ миромъ Своимъ, исходящимъ отъ ученія Его, избранныхъ Своихъ, и

возносящій ихъ этимъ миромъ, превыше всѣхъ скорбей земнаго странствованія,—да даруетъ миръ святый Свой, миръ и просвѣщающій и укрѣпляющій, рабѣ Своей Д.—Сего желаю тебѣ!—И ты этого достигнешь скоро, если отдашь себя всецѣло въ волю Божію. Что же касается до тѣлесной пищи твоей, то не должно пещись о ней отъ всего сердца твоего: ибо такое попеченіе можетъ отвлечь отъ Бога. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, надо обратить на эту немощь должное вниманіе. Преподобный Кассіанъ Римлянинъ, въ словѣ „О разсужденіи“ говоритъ: „Крайности обою страну равно вредятъ: и избытокъ поста, и насыщеніе чрева, и безмѣріе бдѣнія и сытость сна, и прочая избыточествованія. Ибо увидѣхомъ нѣкихъ чревобѣсіемъ убо непобѣжденныхъ, безмѣрнымъ же постомъ низверженныхъ“ и проч. По такому разсужденію святыхъ Отцовъ, я совѣтую тебѣ позаботиться о нѣкоторомъ поправленіи твоего желудка, употребленіемъ ухи изъ ершей, парного молока и тому подобныхъ пособій, вмѣняя употребленіе ихъ въ лѣкарство, а не въ лакомство. „*Научихомся быти страстоубійцы, а не тѣлоубійцы*“, сказалъ Великій Пименъ нѣкоторому брату, который увидалъ, что этотъ Угодникъ Божій поливаетъ воду на свои ноги.—Благословеніе Божіе да почіетъ надъ тобою.

1852 г. Апр. 22 дня.

LXIII письмо.

Искушенія и смущеніе.

Просвѣщаемые Словомъ Божіимъ мы исповѣдуемъ, что временныя скорби суть великій даръ Божій, который дается избраннымъ рабамъ Божіимъ, предуготовленнымъ къ вѣчному блаженству, почему сами себя и возлюбленныхъ нашихъ о Господѣ, при случающихся скорбяхъ, привѣтствуемъ словами Апостола: „*Всяку радость имѣйте, братія моя, егда во искушенія впадаете различна*“. Преподобный Маркъ Подвижникъ совѣтуетъ, при случающихся скорбяхъ, искать не того, откуда и чрезъ кого пришла скорбь, но чтобъ перенести ее съ благодареніемъ. Святый Іоаннъ Лѣствичникъ сказалъ: *кто отвергся какого-либо запрещенія, правильно ли оно, или неправильно, тотъ отъ своего спасенія отвергся.* Также раз-

суждаютъ святые Отцы, что вѣрующій Божію управленію судьбами каждаго человѣка, приметъ всякое искушеніе какъ *свое:* ибо управленіе Божіе не можетъ быть ни ошибочнымъ, ни неправосуднымъ. Вникни хорошенько въ себя, и увидишь, что тебя смущаетъ? Смущаютъ тебя оправданія человѣческія, паче бѣсовскія, стремящіяся къ тому, чтобъ ты отреклась отъ креста. Скажи оправданію: *„Иди за мною, сатана, не мыслиши бо яже суть Божеская, но яже суть человѣческая"*. Иду за Христомъ на крестъ и клеветы, насмѣшки, словомъ, все непріятное и тяжкое, пріемлю какъ *свое*, какъ даръ Божій, посылаемый мнѣ Его милостію. Аминь.

8-е Марта 1853 года.

LIV письмо.

Скорби христіанъ;—въ послѣднее время: гладъ слышанія Слова Божія.

Въ мірѣ скорбни будете, предвозвѣстилъ Спаситель ученикамъ Своимъ; *но дерзайте яко Азъ побѣдихъ міръ*. И вотъ!— это предсказаніе Спасителя совершается надъ послѣдователями Его въ теченіи тысячи восьми сотъ пятидесяти двухъ съ половиной лѣтъ. Но скорби, постигавшія малое Христово стадо, на этомъ пространствѣ времени, очень различны. Сперва было явное гоненіе на христіанъ: всѣ 12 главныхъ Апостоловъ Христовыхъ, за исключеніемъ Іоанна Богослова, окончили земное странствованіе насильственною смертію. Впослѣдствіе времени, это явное гоненіе преобразилось въ болѣе тонкое, непримѣтное для каждаго, но вполнѣ ясное для умовъ очищенныхъ: начали требовать гонители отъ христіанъ, не отреченія отъ Христа, а принятія ереси, столько же душепагубной, какъ и отреченіе, т.-е. требовать не прямо нечестія, но злочестія.—Далѣе гоненіе сдѣлалось еще тоньше: оставлено на произволъ вѣрованіе во Христа, а отвергнуто жительство по заповѣдямъ Христовымъ:—принято жительство противоположное имъ, отчего вѣра никакъ не можетъ перейти изъ вводной въ дѣятельную, тѣмъ менѣе въ живую, т. е. духовную. *Вѣра безъ дѣлъ* вѣры, т.-е. безъ исполненія заповѣдей Христовыхъ, *мертва*. Самыя вводныя познанія ея остаются для человѣка крайне темными и сбивчивыми, какъ не объясненныя въ немъ и ему—дѣяніемъ, паче—Духомъ

Святымъ. Въ этомъ состояніи сбивчивости и темноты, мы видимъ въ настоящее время многихъ, считающихъ себя христіанами, и даже учителями Христовой Церкви,—изъ нихъ иной не вѣритъ чудесамъ Христовымъ, исчисленнымъ въ Евангеліи,—другой вѣритъ одной части ученія Христова, а другую отвергаетъ, иной не вѣритъ существованію демоновъ; опять иной думаетъ, не умѣя различить дѣлъ вѣры отъ дѣлъ естества, что всѣ спасутся за свои добрыя дѣла, и проч. и проч. По этой причинѣ весьма рѣдко можно слышать истинное Слово Божіе, изъ устъ человѣческихъ, хотя и часто можно слышать поддѣльное. Гладъ слышанія Слова Божія—вотъ бѣдствіе, несравненно тягчайшее бѣдствіе всѣхъ бѣдствій, которыя когда-либо были попущены на христіанъ. Но и это—попущеніе Божіе, которое должно переносить съ преданностію волѣ Божіей. *Гнѣвъ Божій понесу*, говоритъ Пророкъ. По тягости скорбей, попущенныхъ на настоящее поколѣніе, Господь съ особенною благостію прощаетъ согрѣшенія его. Благословеніе Божіе да почіетъ надъ тобою.

18 Іюля 1853 года.

LXV письмо.

Скорби.—Перемѣна монастыря.

Тебѣ извѣстно, что иноки послѣднихъ временъ должны спасаться скорбями, а потому не считай чуждыми твоему положенію и спасенію скорби, которыми ты окружена. Не совѣтую тебѣ искать перемѣны монастыря, доколѣ самъ Промыслъ Божій не укажетъ тебѣ на такую перемѣну, сдѣлавъ ее возможною и удобною. Напрасно думаешь, что я на тебя сержусь; отнюдь нѣтъ. Еслибъ я на тебя сердился, то не сталъ бы поддерживать тебя Словомъ Божіимъ. Претерпи тяготу времени, попущенную Промысломъ Божіимъ и не лишенную награды своей въ вѣчности. Теперь не время начинать что-либо.

30 Дек. 1853 г.

LXVI письмо.

Не должно засуживать себя.

Мы не должны засуждать себя за наше преткновенія: не потому, чтобъ какой бы то ни было грѣхъ былъ маловаженъ—

нѣтъ! всякій грѣхъ есть язва,—а потому, что мы искуплены необъятною цѣною—кровію Богочеловѣка. Засуждающій себя впадаетъ въ отчаяніе, а надѣющійся на Христа приноситъ покаяніе, и исцѣляетъ себя имъ. Покайся въ твоемъ поползновеніи, и приступи ко Христу, къ Его святымъ тайнамъ, яко кровоточивая.

3 Марта 1854 г.

LXVII письмо.

О послушаніи.—Подаянія новоначальныхъ.

Благословеніе Божіе да почіетъ надъ рабою Божіею Д.—Поздравляю тебя съ прибытіемъ въ тихое пристанище, въ которомъ да даруетъ тебѣ милосердый Господь пребывать съ твердостію духа и постоянствомъ, въ терпѣніи переносить невидимую брань со страстьми и похотьми, и научиться отъ Самого Господа побѣдѣ надъ грѣхомъ. Распнись на крестѣ послушанія, творя единственно повелѣваемое тебѣ, а отнюдь не увлекаясь твоими собственными ощущеніями и разсужденіемъ, хотя бы они, повидимому, и казались бы добрыми и хорошими. Начни же съ слѣдующаго: Просишь благословенія моего на участіе въ пожертвованіи на обновленіе церкви?—Не благословляю. Вотъ тебѣ отвѣтъ отъ святаго Отца: „Не даждь безъ отца твоего, иже по Бозѣ, милостыню отъ пѣнязей, яже принеслъ еси, и ни чрезъ ходатая отъ онаго пріяти нѣкая отъ тѣхъ да восхощеши: лучше бо тебѣ нищу и странну быти и нарицатися, нежели расточати пѣнязи, и даяти убогимъ новоначальну сущу“ (Доброт. ч. 1. Сим. Нов. Богословъ гл. 16).—Прочитай и 15-ю главу. Не думаю, что въ этомъ начинаніи дѣйствуетъ въ тебѣ доброе побужденіе. Нѣтъ! тутъ суетное и кичливое горяченіе крови, возбуждаемой тщеславіемъ и человѣкоугодіемъ. Аминь.

Радуюсь твоей радости, а радость должно умѣрять разсужденіемъ, что въ жизни земной все перемѣнчиво.

LXVIII письмо.

Объ исповѣданіи.

Господь не хотяй смерти грѣшника, но обращенія его посредствомъ покаянія, да приметъ тебя раскаивающуюся въ

поползновеніяхъ твоихъ. Если хочешь стяжать крѣпость въ невидимой брани, особливо противъ блуднаго духа, который, какъ и всѣ духи, ловитъ въ тайнѣ, исповѣдуй, не стыдясь, твои поползновенія старицѣ твоей—и исцѣлѣешь.—Мнѣніямъ своимъ не вѣрь: сказано о истинной любви, что она не мыслитъ зла.

Письмо LXIX.

Исповѣданіе и борьба съ грѣховными помыслами.

Грѣхъ человѣка уничтожается исповѣданіемъ грѣха, а самые корни грѣха истребляются борьбою съ грѣховными помыслами и повтореніемъ исповѣданія, когда помыслы начнутъ одолѣвать. Богъ да проститъ тебѣ прошедшее и да укрѣпитъ на будущее время. Твое искушеніе—ничего не значущее,—только оно было крѣпко отъ того, что ты его скрывала. Перескажи его съ раскаяніемъ матери А., и когда помыслы начнутъ дѣйствовать, то повторяй исповѣданіе съ раскаяніемъ. Великое счастіе, когда при этой борьбѣ есть человѣкъ, которому можно исповѣдаться. „Противьтесь діаволу, и бѣжитъ отъ васъ“, сказалъ св. Апостолъ Іаковъ,—противьтесь не соглашаясь со влагаемыми ими помышленіями, и исповѣдуйте ихъ. Всякое лицо, чье бы оно ни было, когда является воображенію, возбуждая нечистыя мысли и помышленія, есть лице діавольское, т. е., лице самого діавола, который во время грѣховнаго искушенія, предстоитъ душѣ и обманываетъ ее принятою личиною, способною возбудить страсть, по настроенію души. Сочетавающійся съ грѣховными помышленіями и мечтаніями, сочетавается съ самимъ сатаною и подчиняется ему въ сей вѣкъ и въ будущій: почему необходимо бороться съ помыслами. И самое побужденіе къ ревности, есть также діавольскій обманъ, потому что тотъ, кто научаетъ другихъ мертвости ко всѣмъ, а потому—и любовью во Христѣ ко всѣмъ равной, не предпочитаетъ одного другому, такъ какъ Христосъ, во всякомъ Своемъ образѣ, есть Единъ.—Господь да возвратитъ тебѣ миръ, чрезъ истинное твое покаяніе. Отпущается тебѣ грѣхъ твой впредь не согрѣшай.

Письмо LXX.

Исповѣданіе помысловъ.—Правило поклоновъ.

Увидѣвъ пользу исповѣданія своихъ грѣховныхъ помышленій, держись этого драгоцѣннаго жительства, и ежедневно исповѣдуй свои согрѣшенія предъ Старицею. Относительно правила: послѣ вечернихъ молитвъ, полагай 10 поклоновъ земныхъ съ молитвою Іисусовою, а потомъ твори 30 молитвъ Іисусовыхъ неспѣшно, со вниманіемъ, шопотомъ. Затѣмъ 5 поклоновъ земныхъ съ молитвою: Пресвятая Владичице моя Богородице спаси мя грѣшную. Потомъ по 3 покл. поясныхъ Ангелу хранителю и всѣмъ Святымъ. Миръ тебѣ!

Письмо LXXI.

Исповѣдь предъ старцемъ—залогъ спасенія

Какъ зрѣніе своихъ согрѣшеній, такъ и сердечное исповѣданіе ихъ, есть особенный даръ Божій, и испрашивается усердною молитвою. Умоляй милосердаго Господа, чтобъ даровалъ тебѣ этотъ даръ—залогъ спасенія, и сама понуждайся къ откровенности: ибо врагъ рода человѣческаго ненавидитъ этого пути и всячески старается воспрепятствовать рабу Божію, желающему стяжать милость Божію частымъ исповѣданіемъ своихъ грѣховъ. А для тебя этотъ путь необходимъ. Волю свою добровольно отсѣкай предъ Старицей. Милосердый Господь да поможетъ тебѣ во всемъ. Аминь.

Богъ да благословитъ тебѣ пріобщиться Св. Таинъ. Облегченіе, чувствуемое тобою послѣ исповѣданія твоихъ поползновеній, свидѣтельствуетъ, что твое спасеніе заключается въ этомъ дѣланіи. Принуждайся со всевозможнымъ усиліемъ исповѣдываться предъ Старицей: это поможетъ тебѣ вскорѣ. Оттого, что ты пожила долго въ другихъ монастыряхъ безъ этого дѣланія, тебѣ трудно приняться за него. Но преодолѣй себя!

Письмо LXXII.

Путь твой—все открывать о себѣ Старицѣ. На сновидѣнія же твои, на разныя скорби и искушенія, не обращай

вниманія, какъ бы онѣ случались съ другими, а не съ тобою; твое дѣло—только о немъ сказать Старицѣ. Такое дѣланіе начнетъ умерщвлять въ тебѣ мало-по-малу страсти. Такъ жительствовалъ Досиѳей, ученикъ аввы Дороѳея. Побѣждай ложный срамъ на земли, и не постыдишься на небеси.

Письмо LXXIII.

Зависть.—Невмѣняемость.—Смиреніе—въ откровеніи помысловъ.

Какимъ бы оправданіемъ или личиною не прикрывалась борющая тебя ревность, ты не принимай ее. Не думай, что сравненіе себя съ Исавомъ, а ближняго съ Іаковомъ, родилось въ тебѣ отъ смиренномудрія. Нѣтъ! этимъ смиренословіемъ прикрылась зависть, чтобъ удобнѣе низложить тебя. Сохраняй невмѣняемость [1]), т.-е. ни съ кѣмъ не сравнивай себя, а смиренія ищи единственно въ откровеніи твоихъ помысловъ Старицѣ, и въ отсѣченіи твоей воли передъ нею, Богъ да поможетъ тебѣ воспріять истинное иноческое дѣланіе.

Письмо LXXIV.

Объ откровеніи помысловъ.

Нисколько не смущайся дѣйствующими въ тебѣ бранями, сопряженными съ тягостію, омраченіемъ и унынiемъ. Такимъ бранямъ обыкновенно подвергаются всѣ перешедшіе, отъ долговременной самочинной жизни, къ послушанію. Понуждай себя къ простотѣ и отковенности предъ старицею; отъ всѣхъ же другихъ вполнѣ скрывай свои брани, потому что такою преступною откровенностію повредишь себѣ и другимъ, которымъ отнюдь не полезно слышать о твоихъ браняхъ. Понуждай себя и паки понуждай; за твое постоянное понужденіе къ сокровенности, Господь дастъ тебѣ въ свое время силу открываться съ легостію. А твое спасеніе единственно отъ твоей откровенности предъ Старицею. Безъ этого дѣла-

[1]) „Невмѣняемость“—выражаетъ: не ставить, не вмѣнять себѣ ничего въ достоинство, въ добродѣтель, въ заслугу, въ подвигъ,—не приписывать *себѣ* ничего хорошаго.

нія тебѣ не достигнуть ничего духовнаго и благодатнаго, а пребудешь *плоть* и *кровь*. Если будешь открываться, то достигнешь чистоты, которую осѣняетъ благодать Божія. Не принимай никакого вражескаго осужденія, или смышленія, или подозрѣнія на твою Старицу. Не ищи ея любви, но ищи своего спасенія. Мужайся. Благословеніе Божіе да будетъ надъ тобою, и благодать Божія да осѣнитъ тебя.

P.S. При рѣшительномъ откровеніи согрѣшеній дѣлами, словами и помышленіями, можно въ одинъ годъ преуспѣть болѣе, нежели при посредствѣ другихъ подвиговъ, самыхъ многотрудныхъ втеченіи десяти лѣтъ. Оттого врагъ и боретъ такъ сильно противъ этого спасительнаго дѣланія.

Письмо LXXV.

Самоволіе и соблазнъ на старца—погибельны.

Теперь ты можешь сказать съ пророкомъ Давидомъ: „Господь, наказуя наказа мя, смерти-же не предаде мя“. Многими скорбьми и смертьми подобаетъ намъ наслѣдовать Царствіе Небесное, да умертвится нашъ ветхій человѣкъ со страстми и похотми его, и да содѣлается сердце способно къ пріятію Божественной благодати. Какъ видно изъ житія святыхъ Отцовъ, подобныхъ твоему искушенію подвергаются тѣ иноки, которые слабо противустоятъ брани самоволія и самосмышленія, не исповѣдуя своихъ помышленій старцу, и ввѣряясь бѣсу, показывающему ему въ старцѣ такіе недостатки, коихъ въ немъ вовсе нѣтъ. Узнавъ причину попущеннаго тебѣ искушенія, направь всевозможное усиліе къ устраненію этой причины, и воспріими благое иго Христова смиренія, которое является въ послушаніи и откровеніи своихъ помышленій.

Письмо LXXVI.

О правилѣ для больного.

Милость и судъ воспою Господеви. Милость за помилованіе, судъ за то, что, наказуя наказа мя Господь, смерти же

не предаде мя.—Благодари Господа и держи себя спокойнѣе. Господь да проститъ тебѣ прошедшее и укрѣпитъ на будущее. Правило съ поклонами даютъ здоровымъ, а не больнымъ. Впрочемъ, если хочешь, клади утромъ, среди дня и вечеромъ по 12-ти поклоновъ поясныхъ съ молитвою: Боже очисти мя грѣшную. Потомъ твори 50-тъ этихъ молитвъ каждый разъ, послѣ поклоновъ. Изъ больницы не выходи преждевременно.

Письмо LXXVII.

О борьбѣ со страстями и съ бѣсами.

Сказалъ святый Іоаннъ Лѣствичникъ въ 4-й степени: „Бѣсъ старается иногда осквернить послушниковъ тѣлесными скверънами, и содѣлываетъ ихъ жестокосердыми, подъучая ихъ быть—сверхъ обыкновенія—тревожными, иногда же содѣлываетъ какими-то сухими и безплодными, лѣнивыми къ молитвѣ, сонливыми и помраченными, чтобъ ихъ отторгнуть отъ повиновенія, какъ не получившихъ никакой пользы отъ этого подвига, но и ощутившихъ душевный ущербъ. Онъ не попущаетъ имъ уразумѣть, что смотрительное (бывающее по промыслу Божію) отъятіе мнимыхъ въ насъ благъ, весьма часто бываетъ причиною глубочайшаго смиренномудрія“.

Что бываетъ съ монахами послушниками, то бываетъ и вообще съ монахами, живущими ради Бога. Врагъ ратуетъ противъ нихъ различными бранями, чтобъ привести въ безнадежіе и отторгнуть отъ монашеской жизни, или ввергнуть въ нерадѣніе. Въ особенности тяжка, наводимая имъ блудная брань и преткновенія, близкія къ паденіямъ, какъ ихъ называетъ преподобный Исаакъ Сирскій. Но вѣрный рабъ и воинъ Христовъ, на этой-то брани, и доказываетъ свою вѣрность Христу и вѣру въ Него: онъ пребываетъ твердымъ, хотя бы понесъ безчисленыя брани. Такъ поступай и ты. Говори врагу: „Я отдалась Богу и рѣшаюсь великодушно перенести всѣ мои паденія, сколько бы ихъ ни было, и какъ бы долго они не продолжались“.

Богъ да проститъ тебѣ прошедшее и да укрѣпитъ на будущее.

Письмо LXXVIII.

О подвигѣ превышающемъ силы.

Будь мирна; подвига какъ тѣлеснаго, такъ и умственнаго превышающаго силы твои, отрицаися. Господь любитъ смиреніе, а безумной ревности къ сверхсильнымъ подвигамъ, какимъ бы то ни было, не пріемлетъ: потому что въ стремленіи къ сверхсильному подвигу—гордость и самомнѣніе. Подвигъ сверхъ силы, по ученію святыхъ Отцовъ, очень вреденъ и приноситъ или смущеніе, или самомнѣніе, или то и другое поперемѣнно, что и служитъ доказательствомъ, что въ сверхсильномъ подвигѣ нѣтъ истины, но онъ есть ложное состояніе души.

Письменные опыты ваши очень хороши, но и этимъ трудомъ надо заниматься съ умѣренностію. Тебѣ не должно утомлять ни души, ни тѣла.

Письмо LXXIX.

Подозрѣнія, самосмышленія, ревность—внушаются врагомъ.

Желаю чтобъ милость Божія покрыла тебя отъ всѣхъ искушеній, наносимыхъ врагомъ спасенія нашего, и собственными нашими страстями. Яко яда смертнаго хранись отъ ревности, отъ подозрѣній на старицу и сестру. Искушеніе тебя постигшее, должно показать тебѣ со всею ясностію, какъ бѣдственно ввѣряться наносимымъ отъ врага самосмышленіямъ и подозрѣніямъ, которыхъ неправильность и злое происхожденіе познаются по производимому ими смущенію.

Письмо LXXX.

О терпѣніи нашедшей скорби.

Очень сожалѣю о постигшей тебя скорби! Тебѣ извѣстно, что скорбь надо потерпѣть, въ надеждѣ на милосердіе Божіе и на помощь Божію. Возлагая все упованіе свое на Го-

спода Бога, подвижникъ Христовъ долженъ и самъ стараться о уничтоженіи причинъ скорби, если это зависитъ отъ него. Такое стараніе прилично и тебѣ. Искренне желаю тебѣ терпѣнія и преуспѣянія духовнаго. Если бы обстоятельства устроились такъ, чтобъ мнѣ не пришлось видѣть тебя во время сей земной жизни [1]), то память о тебѣ останется неизглажденною въ душѣ моей, и я усердно желаю помогать тебѣ моимъ убогимъ совѣтомъ о Господѣ, когда такой совѣтъ мой понадобится.

Милосердый Господь да проститъ тебѣ всѣ согрѣшенія твои, и да укрѣпитъ тебя противъ искушенія твоего.

13-е Октября 1857 г.

Письмо LXXXI.

О постѣ—по вопросу крайне-болящей инокини.

Милосердый Господь учредилъ, при посредствѣ Святыхъ Своихъ Апостоловъ и Святыхъ Отцовъ, Святителей и Учителей Церковныхъ, различные душеспасительные подвиги, а между ними и постъ святый, коимъ связывается и обуздывается плоть наша. По отношенію всѣхъ этихъ подвиговъ должно помнить, что они для человѣка, а не человѣкъ для нихъ, какъ и Господь сказалъ: *суббота бысть человѣка ради, а не человѣкъ ради субботы.* Сіе должно разумѣть и о постѣ. Почему, находясь въ крайней немощи и неимѣя нужды удручать тѣло, а напротивъ, имѣя нужду укрѣплять оное, нисколько не усумнитесь употреблять уху изъ рыбы во время нынѣшней святой четыредесятницы: ибо уха изъ рыбы менѣе дастъ крѣпости Вашему слабому тѣлу, нежели сколько другому сильному хлѣбъ и вода. Серцевѣдецъ Господь, видящій немощь Вашу, не исключитъ Васъ изъ числа постящихся. Такъ поступали многіе великіе угодники Божіи и между прочими святый Епифаній Кипрскій. Св. Исаакъ Сирскій въ 10-мъ словѣ говоритъ: „Да не смятеши и отсѣчеши

---

[1]) 27 Октября Архимандритъ Игнатій, въ томъ же 1857-мъ году хиротонисанъ во Епископа Кавказскаго и Черноморскаго, куда немедленно и отправился и, дѣйствительно, никогда болѣе не свидѣлся съ этою ученицею своею.

житіе твое, еже подобно есть веризѣ духовной и за вожделѣніе прилога мала труда да не останешися и престанеши отъ всего теченія твоего. Яждь умѣренно, да не всегда яси. И да простреши ноги твоея выше силы, да не отнюдь праздень будеши". Этотъ премудрый совѣтъ великаго Наставника монашествующихъ вполнѣ можетъ быть приложенъ къ Вамъ; потому что воздержаніемъ, несоотвѣтствующимъ силамъ Вашимъ, вы можете привести себя окончательно въ слабость, лишитесь церковной службы и обществу Вашему, которому теперь приносите нѣкоторую услугу, будете служить обремененіемъ.

Просящій Вашихъ святыхъ молитвъ и любви о Господѣ— недостойный Архимандритъ Игнатій.

1846 года. Март. 2-го д.

Письмо LXXXII.

Къ той-же. Совѣтъ заниматься молитвою Іисусовою.

Препровождаю Вамъ краткую статью о молитвѣ Іисусовой. По болѣзненности Вашей Вамъ должно подвизаться лежа, или сидя на спокойномъ стулѣ. Молитву произносите *не спѣшно, со вниманіемъ, заключая умъ въ слова молитвы, имѣя глаза на устахъ, или закрывая ихъ.* Полезно Вамъ почитывать краткія статьи о молитвѣ, имѣющіяся у С. Г. [1]). Онѣ Вамъ будутъ способствовать при этомъ дѣланіи, которое сначала кажется сухимъ, но въ послѣдствіи оказывается самымъ плодоноснымъ. Богъ, далій молитву молящемуся, да даруетъ даръ ея Вамъ, дабы отселѣ могли Вы частою молитвою встать на страшный судъ Христовъ и испросить себѣ заблаговременно помилованіе.

1846. Апр. 23.

Письмо LXXXIII.

Къ той-же. Въ утѣшеніе и укрѣпленіе болящей.

Несмотря на то, что Вы больны, Вы потрудились написать цѣлое письмо къ грѣшнику. Вы это сдѣлали, движимые лю-

---

[1]) 1-й Т. Аск. Опыты стр. 47-я и 2-го Т. стр. 167-я.

бовію христіанскою. Богъ утѣшаетъ меня дружбою матушки Игуменіи и Вашею: ибо дружба рабовъ Божіихъ есть истинное утѣшеніе для души, странствующей въ этомъ кратковременномъ и суетномъ мірѣ, враждебномъ Богу.—Да даруются Вамъ силы свыше, отъ Отца Небеснаго, наказующаго всѣхъ, Имъ любимыхъ, и біющаго всѣхъ, Имъ пріемлемыхъ. Я часто о Васъ вспоминаю; извѣщаетъ меня о Васъ мое сердце. Вспоминаю Васъ,—и желаю, чтобы вы благополучно, о Господѣ, преплывали житейское море. Сколько въ этомъ морѣ подводныхъ камней! Какими вѣтрами различными, дѣйствующими по различнымъ направленіямъ, оно обуревается! И на немъ еще, кромѣ опасностей ему природныхъ, на немъ еще привитаютъ разбойники! Эти разбойники невидимы для тѣлесныхъ очей, а навѣтуютъ они и тѣло и душу; и тѣло и душу стараются увлечь въ бездну грѣха и потопить въ ней на вѣки! Увы, бѣдная душа человѣческая! Какъ совершишь ты путь по морю житейскому? Какъ спасешся отъ волнъ, отъ вѣтровъ, отъ подводныхъ камней, отъ разбойниковъ, отъ плѣна, отъ смерти?—Не иначе, какъ Христомъ. Онъ сотворитъ силу, Онъ вознесетъ мя, Онъ крѣпость моя и пѣніе мое и будетъ мнѣ во спасеніе. Миръ вамъ!

Письмо LXXXIV.

При вновь вышедшей книгѣ: „Житіе и Писанія Молдавскаго Старца Паисія Величковскаго“.

Позволяю себѣ послать къ вамъ вновь вышедшую книгу: „Житіе и Писанія Молдавскаго Старца Паисія Величковскаго“, того благочестиваго и духовно-просвѣщеннаго мужа, которому чада православной Церкви обязаны за переводъ съ греческаго на славянскій языкъ Добротолюбія, Исаака Сирскаго и другихъ Отцовъ. Въ вновь вышедшей книжкѣ, которую я давно знаю въ рукописяхъ, съ особенною ясностію, изложено ученіе, весьма приличествующее нашему времени ученіе о Іисусовой молитвѣ, о которой нынѣ по большей части имѣютъ самое темное, сбивчивое понятіе.

„Иные“, считающіе себя за одаренныхъ духовнымъ разсужденіемъ и почитаемые многими за таковыхъ, „боятся“ этой молитвы, какъ какой заразы, приводя въ причину „прелесть“—

будто-бы непремѣнную спутницу упражненія Іисусовою молитвою,—сами удаляются отъ нея и другихъ учатъ удаляться. Изобрѣтатель таковаго ученія, по мнѣнію моему,—діаволъ, которому ненавистно Имя Господа Іисуса Христа, какъ сокрушающее всю его силу: онъ трепещетъ этого всесильнаго Имени, и потому оклеветалъ Его предъ многими христіанами, чтобъ они отвергли оружіе пламенное, страшное для ихъ врага,—спасительное для нихъ самихъ.

Другіе, занимаясь Іисусовой молитвой, хотятъ немедленно ощутить ея духовное дѣйствіе, хотятъ наслаждаться ею, не понявъ, что наслажденію, которое подаетъ одинъ Богъ, должно предшествовать истинное покаяніе. Надо поплакать долго и горько прежде, нежели явится въ душѣ духовное дѣйствіе, которое—благодать, которое,—повторяю, подаетъ единъ Богъ въ извѣстное Ему время. Надо прежде доказать вѣрность свою Богу постоянствомъ и терпѣніемъ въ молитвенномъ подвигѣ, усмотрѣніемъ и отсѣченіемъ всѣхъ страстей въ самыхъ мелочныхъ дѣйствіяхъ и отрасляхъ ихъ.

Представляемая мною „книга“, показываетъ непрелестный образъ упражненія Іисусовою молитвою, состоящій въ тихомъ произношеніи ея устами, или и умомъ, непремѣнно при „вниманіи“ и съ чувствомъ „покаянія“.—Діаволъ не терпитъ вони покаянія: отъ той души, которая издаетъ изъ себя эту воню, онъ бѣжитъ прочь съ прелестями своими. Проходимая такимъ образомъ Іисусова молитва—превосходное оружіе противу всѣхъ страстей, превосходное занятіе для ума во время рукодѣлія, путешествія и въ другихъ случаяхъ, когда нельзя заняться чтеніемъ и псалмопѣніемъ. Таковое упражненіе молитвою Іисусовою приличествуетъ всѣмъ вообще христіанамъ, какъ жительствующимъ въ монастыряхъ, такъ и жительствующимъ посреди міра.

Стремленіе же къ открытію „сердечнаго духовнаго дѣйствія“ приличествуетъ наиболѣе, почти единственно инокамъ,—и то познавшимъ подробно бореніе со страстями, при удобствахъ, доставляемыхъ мѣстомъ и прочими обстоятельствами.—Еслиже „кто бы то ни былъ“, движимый, по выраженію святаго Іоанна Лѣствичника, гордостнымъ усердіемъ, ищетъ получить преждевременно сладость духовную или сердечное молитвенное дѣйствіе, или какое другое духовное дарованіе, приличествующее естеству обновленному: тотъ неминуемо

впадетъ въ прелесть, какимъ бы образомъ молитвы онъ ни занимался, псалмопѣніемъ-ли или Іисусовою молитвою. Это привелось видѣть и на опытѣ. Упоминаемый въ житіи Пахомія Великаго прельщенный старецъ, стоя по дѣйствію прелести на раскаленныхъ угляхъ босыми ногами, произносилъ молитву Господню: „Отче нашъ“. Причина прелести — не молитвословіе, не псалмы, не каноны и акаѳисты, не молитва Іисусова,—нѣтъ! Сохрани Боже всякаго отъ таковаго Богохульства! Гордость и ложь — вотъ причины прелести!—Гордость и ложь, которыхъ виновникъ—діаволъ. А онъ, чтобъ свалить съ себя вину, дерзостно и Богохульно оклевѣталъ Іисусову молитву,—самъ же всталъ въ сторонѣ, какъ ни въ чемъ не повинный. Нынѣ многіе хлопочутъ, остерегаются и другихъ остерегаютъ отъ молитвы Іисусовой, утверждая, что должно отъ нея удаляться, какъ отъ причиняющей прелесть: а о діаволѣ, настоящемъ виновникѣ прелести, ни слова,— совсѣмъ забыли. Ахъ! какая явная хитрость діавола! какъ онъ прячется искусно.

Очень огорчаетъ меня, что нынѣ такъ утерянъ людьми истинный духовный разумъ, а разныя ложныя, вполнѣ ложныя мысли, получили такую силу!

Книга Паисія имѣетъ значительные недостатки въ литературномъ отношеніи. Что до того? Часто смиренные пустынники, выходя изъ пустынь своихъ, лишь прикрытые рубищемъ, словомъ скуднымъ и нескладнымъ возвѣщали христіанскому міру святую и спасительную Истину; напротивъ того сколько видимъ книгъ, убранныхъ звучными словами, блестящими мыслями, въ стройномъ систематическомъ порядкѣ,— а онѣ заключаютъ въ себѣ ядъ, убивающій души!

Письмо LXXXVI.

Къ нѣкоторому Настоятелю о молитвѣ Іисусовой.

Старецъ Паисій не раскаявался, какъ разглашали нѣкоторые, не вполнѣ понявшіе его слова и не имѣвшіе опредѣлительнаго понятія о умной молитвѣ, въ напечатаніи книги „Добротолюбія“, переведенной имъ съ греческаго на славянскій языкъ. Онъ, проникая духъ времени, предвидѣлъ вредъ многихъ легкомысленныхъ и самочинныхъ, имѣющихъ

повредиться употребленіемъ великаго блага умной молитвы во зло. Движимый духовною любовію и состраданіемъ къ человѣчеству, столько поврежденному грѣхопаденіемъ, что самыя средства къ своему спасенію, оно обращаетъ въ средства къ большему осужденію, къ умноженію бѣдствій, нанесенныхъ грѣхопаденіемъ,—Паисій огорчался и болѣзновалъ, подражая этимъ многомилостивѣйшему Господу Іисусу, Который проливалъ Свои всесвятѣйшія слезы о Іерусалимѣ, отвергшемъ Его, а потому не только отвергшемъ спасеніе, Имъ принесенное, но и навлекшемъ на себя и на чадъ своихъ лютѣйшія казни.—Такова была мысль Паисія! Такова была печаль его при напечатаніи Добротолюбія, о переводѣ и напечатаніи котораго онъ положилъ столько трудовъ! Эта мысль и эти чувствованія изображены имъ въ письмѣ его къ Ѳеодосію, Архимандриту Софроніевой Пустыни.

Не одно Добротолюбіе употреблено во зло! Употреблены во зло Писанія святаго Апостола Павла, какъ засвидѣтельствовалъ самъ верховный Петръ. Употреблено еретичествующими во зло все Священное Писаніе. Самое Божественное Евангеліе употребили и доселѣ употребляютъ во зло, для погибели своей, многіе милліоны протестантовъ, толкуя его неправильно и неблагочестно, по поводу будто бы его, удаляясь отъ единенія со вселенскою Церковію, составляя отдѣльное душепагубное еретическое сонмище, которое они дерзаютъ называть Церковію Евангельскою. Апостолъ Павелъ свидѣтельствуетъ, что они—Апостолы—Христово благоуханіе Богови въ спасаемыхъ и погибающихъ: овѣмъ убо воня смертная въ смерть: овѣмъ же воня животная въ животъ. Даже о Господѣ Іисусѣ Христѣ сказалъ Святый Богопріимецъ Симеонъ: „Се лежитъ Сей на паденіе и на востаніе многихъ во Ісраили, и въ знаменіе прерѣкаемо“.—Святый Исаакъ Сирскій въ 54-мъ словѣ говоритъ: „Слово крестное погибающимъ юродство есть. Что изъ сего слѣдуетъ?—Поелику оное слово крестное казалось юродствомъ тѣмъ, которые не ощущали силы сего слова; то долженствовало-ли Павлу умолкнуть и престать отъ проповѣди? Но и до сего дня крестъ служитъ поводомъ къ претыканію и соблазну Іудеямъ и Еллинамъ.—Итакъ должно-ли умолчать, чтобъ сіи не соблазнялись?—Павелъ не только не умолчалъ, но такъ взывалъ: Мнѣ да не будетъ хвалитися,

токмо о Крестѣ Господа нашего Іисуса Христа. Повѣдано здѣсь святымъ Апостоломъ хваленіе о Крестѣ не съ тѣмъ, чтобъ соблазнить другихъ, но чтобъ возвѣстить о великой силѣ Креста".

Божественное добро не должно быть отвергаемо, если нѣкоторые или и многіе, употребили его во зло. Это надо отнести и ко Іисусовой молитвѣ. Самъ Іисусъ былъ камнемъ преткновенія для многихъ: проповѣдь о Немъ была камнемъ преткновенія: Крестъ Его былъ камнемъ преткновенія; какъ же Святѣйшему Имени Его не участвовать въ тѣхъ же обстоятельствахъ? Изъ того, что могу я заключать по двадцатилѣтнимъ наблюденіямъ современнаго монашества Православной Отечественной Церкви находясь это время самъ въ нѣдрѣ его, даю слѣдующій отзывъ: Если находятся еще въ наши времена, времена нищеты, глада и мрака въ духовномъ отношеніи, иноки, имѣющіе отчасти истинное духовное разсужденіе; то это тѣ весьма не многіе, которые будучи просвѣщены умною Іисусовою молитвою, познали подробно свои страсти, дѣйствія лукавыхъ духовъ и наконецъ дѣйствіе Духа Божія, начинающагося съ изліянія въ душу священнаго мира о Христѣ. Кто же при свѣтѣ умной молитвы не узрѣлъ страстей своихъ, не позналъ дѣйствія лукавыхъ духовъ и не вкусилъ что такое миръ Христовъ, соединяющій во едино умъ, душу и тѣло; тотъ не имѣетъ и понятія о духовномъ разсужденіи, хотя и мнитъ имѣть его обольщаемый тщеславіемъ. Таковое мнѣніе свойственно всѣмъ, проходящимъ, такъ называемый Св. Симеономъ Новымъ Богословомъ, вторый образъ вниманія и молитвы. При благонравіи можно имѣть разсужденіе, или разумъ и естественный, и дѣятельный, и образованный науками и чтеніемъ, какъ весьма основательно разсуждаетъ о семъ Преподобный Григорій Синайскій: но это еще—не разсужденіе духовное! Отъ таковаго разума отстоитъ духовное разсужденіе, какъ небо отъ земли, и превосходнѣе его, какъ свѣтъ солнца превосходнѣе тусклаго свѣта ночныхъ свѣтилъ небесныхъ.

Письмо LXXXVI.

Къ нѣкоторому Настоятелю о любви къ братіи, о умной молитвѣ и о покаяніи.

Что скажу на письмо ваше?—Увы! Нетлѣнной и блажен-

ной святости не вижу въ себѣ и слѣда! Не отъ дѣйствія благодатнаго смиренія, но самымъ опытомъ, самыми грѣхопаденіями моими убѣждаюсь, что я грѣшенъ. Желалъ бы непрестанно зрѣть грѣхи мои и плакать о нихъ; но окрадываютъ и омрачаютъ меня забвеніе, разсѣянность, нерадѣніе мои!—Вы изволите писать, что въ письмахъ моихъ къ вамъ я не рѣшался ни на какое слово, назидательное для васъ собственно. Какъ могъ я рѣшаться на него, имѣя тяжкое бревно во окѣ души моей, заграждающее отъ меня зрѣніе грѣховъ моихъ и преграждающее токъ слезамъ моимъ? Говорю только вопрошающимъ, и то, когда увѣренъ, что вопрошаютъ искренно, по требованію души, а не мимоходомъ, или по любопытству. И нынѣ, получивъ письмо ваше, я умилился окаяннымъ сердцемъ моимъ и беру перо для отвѣта вамъ, единственно съ тою надеждою, что милосердый Господь, видя истинную нужду души вашей и вѣру вашу, даруетъ слово полезное, а мнѣ проститъ мое дерзновеніе по тѣснотѣ нынѣшняго времени, въ которое весьма оскудѣло истинное духовное знаніе. Поелику же пишу къ рабу Божію и ради Бога, то оставляю всѣ соображенія міра, чтобъ увлекшись какимъ-нибудь побужденіемъ человѣческимъ, не содѣлаться мнѣ предателемъ души вашей, прибѣгшей ко мнѣ за совѣтомъ о Господѣ и имѣющей обвинить меня предъ Господомъ на Страшномъ Судѣ Его, если я въ этомъ суетномъ вѣкѣ поврежу совѣтъ мой лицемѣрствомъ, лестію и человѣкоугодіемъ.

Вѣрую по преданію Церкви и съ Церковію, что всякій православно вѣрующій во Христа и исполняющій заповѣди Его, а нарушеніе заповѣдей, очищающій покаяніемъ,—спасется. Такъ сказалъ Самъ Господь юношѣ, вопросившему Господа, какъ ему спастись. Но есть еще и другая цѣль христіанина, для которой въ особенности назначаются иноки, цѣль достигаемая и не достигаемая: христіанское совершенство.—Путь къ этому совершенству есть очищеніе себя заповѣдями Новаго Завѣта, Евангеліемъ, руководствуясь которымъ сынъ ветхаго Адама можетъ усыновиться Новому Адаму. „Всякъ имѣяй сію надежду“—говоритъ св. Іоаннъ Богословъ—„очищаетъ себя, якоже Онъ чистъ есть“.—Но Новая заповѣдь „широка есть зѣло!“

Говоритъ новая заповѣдь: „Кто хочетъ пріобрѣсти душу

„свою, да погубитъ ю“. Что значитъ погубленіе души?— Отверженіе дѣйствій по собственнымъ чувствамъ и понужденіе себя къ дѣйствію по заповѣдямъ Евангельскимъ. Евангеліе дѣйствующему такимъ образомъ сообщаетъ свой разумъ и свои ощущенія, принадлежащія къ естеству новаго человѣка, обновленнаго по подобію Создателя и Искупителя нашего. Въ этомъ состоитъ принужденіе и насилованіе себя, предписываемое Евангеліемъ. Это значитъ совѣтъ, такъ часто повторяемый Святыми Отцами: „Даждь кровь и пріими Духъ“. Отсѣки отъ себя свойства падшаго естества, и привѣй къ себѣ свойства естества обновленнаго Христомъ.

Не только „плоть“, но и „кровь“ Царствія Божія не наслѣдятъ. Но какъ „Царствіе Божіе внутрь насъ есть“, то должно изъ этого заключать, что доколѣ возбуждаются и сопровождаются въ насъ сердечныя ощущенія движеніями крови, дотолѣ мы чужды духовнаго дѣйствія, истекающаго отъ Бога. При духовномъ, Божественномъ дѣйствіи кровь умолкаетъ и бываетъ „тишина велія“. Тотъ святый миръ, который не въ нашемъ падшемъ естествѣ, но дарованъ и даруется Господомъ, миръ, превышій всякаго ума, нисходитъ въ душу. Онъ изливаетъ священное спокойствіе въ умъ, сердце и тѣло раба Христова, соединяетъ сіи три во едино и представляетъ ихъ Христу, погруженныхъ въ бездну смиренія, приведенныхъ въ состояніе о Христѣ. Это состояніе принадлежитъ естеству обновленному.

Приглашаемый вами преподать вамъ совѣтъ душеполезный, совѣтъ о Господѣ, отвлекаю вниманіе отъ смердящихъ язвъ души моей, и, обращаясь къ вамъ, говорю вамъ ради Бога съ сердечнымъ плачемъ слѣдующее:

У васъ пылаетъ естественный огнь и кровь ваша жива. По этой причинѣ нѣтъ мѣста въ сердцѣ вашемъ для того Божественнаго огня, который ввергнуть въ насъ пришелъ Господь и которымъ потушается огнь естественный. „Глаголяй обоя имѣти“,—говоритъ св. Іоаннъ Лѣствичникъ,— „прельсти себѣ“. Въ васъ—движенія, именно зависящія отъ крови; онѣ препятствуютъ явленію движеній духовныхъ, держатъ душу вашу въ темнотѣ и какомъ-то нерѣшенномъ состояніи, вами ощущаемомъ, но не понимаемомъ. Не понимаемомъ: потому что таковыя движенія могутъ сообщать

только мнѣніе знанія, а не самое знаніе, ясное, точное, какъ истинное. Отъ того-то совѣсть ваша, когда вы разсматриваете себя и вникаете въ себя, отвѣчаетъ вамъ невнятнымъ, страшнымъ голосомъ самомнѣнія. Вы нуждаетесь въ утѣшеніи: да утѣшитъ васъ—Истина!

Въ двухъ отношеніяхъ разсмотримъ предметъ, о которомъ теперь бесѣдуемъ: въ любви къ ближнему и въ дѣйствіи умной молитвы.

Вы живы для человѣковъ, вы любите ихъ огнемъ естественнымъ.—Отъ того и человѣки для васъ живы, а Христосъ—мертвъ. (Не смутитесь словами моими: выше я отличилъ спасеніе отъ совершенства, оставивъ говорить о первомъ, какъ по милости Божіей для васъ вѣрномъ, говорю о пути ко второму, о очищеніи). Во 2-й части Добротолюбія, въ книгѣ иноковъ Каллиста и Игнатія, въ главѣ 37-й приводятся слѣдующія слова Великаго Варсонофія: „Еже не вмѣнитися въ человѣцѣхъ, сотворитъ тя вселитися во градѣ, а еже умрети отъ всякаго человѣка, сотворитъ тя наслѣдовати градъ и сокровища“. Не убойтеся этой смерти: отъ нее рождается новая жизнь. Когда оживете новою жизнію: то увидите, что жизнь, умерщвленія которой требуетъ отъ насъ Богъ,—есть смерть. Это та смерть, которою умеръ Адамъ немедленно по вкушеніи отъ запрещеннаго древа, оживъ въ смѣшанныя познанія и ощущенія добра и зла. Скажите Богу о всѣхъ родственникахъ вашихъ живыхъ и почившихъ, скажите о братіяхъ обители вашей, о всѣхъ любимыхъ вами: „Господи! Это все Твое, а я кто?“ Точно, все это—Божіе; Божіе не будемъ похищать себѣ. И мнимо-любимымъ нами вѣрнѣе быть Божіими, нежели нашими. Не правда ли? Если правда, то примемъ правду во спасеніе. Умремъ для естественной любви къ ближнему, и оживемъ новою любовію къ нему, любовію въ Богѣ. Тогда умремъ естественною, смѣшенною любовію къ ближнему, когда „не смѣнимъ себя, по совѣту Великаго Варсонофія, въ человѣцѣхъ“, когда оплюемъ себя, какъ нѣкую мерзость. Послужимъ ближнему въ служеніи нашемъ, не какъ отцы чадамъ, но какъ рабы Господамъ, какъ непотребные слуги Святымъ Ангеламъ. Этого и Павелъ хотѣлъ: и онъ такъ мыслилъ! „Не себе проповѣдуемъ, говорилъ онъ Коринѳянамъ, но Христа Іисуса Господа, себе же самѣхъ рабовъ

вамъ „Іисуса Господа ради“. Божіе отдадимъ Богу. Не будемъ мнѣніемъ присвоивать себѣ Божіе: отъ нашего мнѣнія Божіе не сдѣлается нашимъ, а только мы будемъ обманываться пустымъ, достойнымъ смѣха и вмѣстѣ плача самообольщеніемъ. Когда же смиримся, то Богъ Свое можетъ намъ дать: тогда оно точно сдѣлается нашимъ по благодати. Такимъ образомъ Святые, содѣлавшись сосудами Святаго Духа, содѣлались и отцами въ Духѣ, имѣли чадъ въ Духѣ. Заповѣдь Христова: Не нарицайте себѣ отца на земли, ни учителя на земли, оставалась не нарушимою. Когда Ананія и Сапфифа солгали предъ Апостоломъ Петромъ; то пали мертвыми; а Апостолъ объяснилъ ихъ вину, что они солгали Богу, хотя предъ собою видѣли не Бога, а только человѣка—Апостола. Но этотъ человѣкъ былъ сосудъ Святаго Духа; сдѣланное по отношенію къ нему, отнеслось къ Богу. Многіе изъ Святыхъ называли чадами тѣхъ, которымъ они сообщали жизнь Духа. И то было истинно; потому что словамъ сопутствовало самое дѣло. Но мы, не имѣющіе въ себѣ явнаго обитанія Духа, можемъ-ли сами присвоивать себѣ то, что даетъ только Богъ. Не страшное-ли это святотатство! Не самообольщеніе-ли это, достойное, по производимому имъ ложному состоянію, горькаго плача?—Тѣ изъ Святыхъ Отцовъ, въ которыхъ обиліе благодати не преливалось такъ, какъ въ Апостолахъ и другихъ величайшихъ Угодникахъ Божіихъ, не дерзали называть себя учителями и отцами. Изъ нихъ преподобный Нилъ Сорскій въ предисловіи къ своему Скитскому Уставу говоритъ: „Не называю васъ учениками моими: одинъ у насъ Учитель Христосъ“ и проч. И это по завѣщанію Апостола, который говоритъ: „Аще кто глаголетъ, яко словеса Божія, аще кто служитъ яко отъ крѣпости, юже подаетъ Богъ, да о всемъ славится Богъ Іисусомъ Христомъ“. Повсюду умерщвленное „*я*“!—Повсюду Христосъ живый и Подающій жизнь. Смиреніе убиваетъ естественную любовь. А если она умираетъ отъ смиренія, то жизнь ее составляется гордостію. Принадлежа къ свойствамъ ветхаго Адама, она требуетъ умерщвленія и возсозданія Духомъ. Въ ней живетъ идолъ „я“, поставленный на престолѣ татебно вкравшагося самомнѣнія и завѣшивающійся завѣсою будто-бы добродѣтели.

Апостолъ Павелъ не любилъ этой любви въ ученикахъ

своихъ къ себѣ; за нее называлъ онъ ихъ плотскими. Вооружаясь противъ нее, онъ писалъ противъ себя, желалъ во мнѣніи учениковъ низложить, уронить, уничтожить себя. „Еда Павелъ распятся за васъ, говорилъ онъ имъ? Кто убо есть Павелъ? „Азъ насадихъ, Аполлосъ напои, Богъ же возрасти. Тѣмъ-же не насаждаяй есть что, ни напаяяй, но возращаяй Богъ". Видите-ли какъ ревностно ищетъ великій Апостолъ, чтобъ вѣрующіе во Христа были мертвы для человѣковъ! Оживленіе для человѣковъ есть умерщвленіе по отношенію ко Христу, а слѣдовательно и ко всему Божественному и Духовному: потому что Христосъ есть Единый ходатай между Богомъ и человѣками.

Возревновали нѣкогда ученики Іоанна Предтечи, узнавъ, что всѣ идутъ во слѣдъ Іисуса,—и отвѣчалъ имъ великій Предтеча: „Имѣяй невѣсту женихъ есть, а другъ жениховъ стоя и послушая его, радостію радуется за гласъ жениховъ: сія убо радость моя исполнися. Оному подобаетъ расти, мнѣ же малитися".—Великія слова! Святыя слова! Точно,—тогда исполняютъ обязанность свою Наставники, когда они ищутъ, чтобъ въ душахъ приводимыхъ ими ко Христу, возвеличивался и возсталъ одинъ Христосъ. Они желаютъ умалиться во мнѣніи своихъ водимыхъ, лишь бы возвеличился для нихъ Христосъ, тогда эти Наставники ощущаютъ полноту радости, какъ достигшіе конца своихъ желаній. Напротивъ того тѣ, которые приводятъ ввѣренныя ихъ руководству души къ себѣ, а не ко Христу, скажу безошибочно, прелюбодѣйствуютъ.

Теперь—съ Божіею помощію нѣсколько словъ о молитвѣ! При упражненіи ею равнымъ могутъ быть дѣйствія прямо зависящія отъ крови, а неопытный дѣлатель можетъ принять ихъ за благодатныя, какъ сказано въ 4-й части Добротолюбія, въ статьѣ Святѣйшаго Каллиста Патріарха Константинопольскаго подъ заглавіемъ: „Образъ вниманія молитвы". Можно найти въ дѣйствіяхъ, происходящихъ отъ крови, нѣкоторую сладость и возмнить, что это молитвенное услажденіе. Таковая мысль—заблужденная; это—самообольщеніе, именуемое Отцами—„мнѣніемъ". О „мнѣніи" говоритъ св. Іоаннъ Карпафійскій въ концѣ 49-й главы, что оно есть упитательство души (упоеніе души довольной собою, своими мнимо сладостными состояніями) и дменіе „суетное

ума", происходящее отъ таковаго довольства или упитательства. Въ этомъ состояніи самообольщенія, называемаго „мнѣніемъ", находились тѣ, къ которымъ писалъ святый Апостолъ Павелъ: „Се сыти есте, се обогатистеся, се насладистеся". Еслибъ они точно обогатились, къ чему-бъ—обличеніе? Если же Апостолъ ихъ обличаетъ, то значитъ, что они имѣли только мнѣніе богатства. „Мнѣніе не попускаетъ быть мнимому", говоритъ святый Симеонъ Новый Богословъ. Итакъ можетъ быть мнѣніе молитвы, препятствующее познать и вкусить истинное молитвенное дѣйствіе. О таковыхъ самомнительныхъ сказала Пресвятая Владычица наша, Богородица, Приснодѣва Марія: „алчущія исполни благъ, богатящіяся же отпусти тщи" [1]). „Суть богатяще себе", говоритъ Писаніе,—„ничего же имуще: и суть смиряющеся во мнозе богатствѣ" [2]).—Какъ можно богатиться скуднымъ?—Явно—мнѣніемъ. Но участь ихъ достойна сожалѣнія: въ то время какъ алчущіе исполняются благъ, они отходятъ съ пустыми руками. А въ будущемъ вѣкѣ и „еже мнится имѣти взято будетъ отъ него" (мнителя). Богатство мнимое можетъ-ли быть существеннымъ? При обличеніи, отверженіи на судѣ Божіемъ самаго мнѣнія, съ чѣмъ останутся имѣвшіе лишь одно мнѣніе?—Съ пустыми руками.—

Что сказать объ ощущаемыхъ воли дѣйствіяхъ при молитвѣ?—Онѣ рѣшительно кровяныя; нельзя вамъ не признать, что дѣйствуетъ и мнѣніе. Совѣсть ваша, подозрѣвающая справедливость и правильность этихъ дѣйствій, сомнѣвающаяся въ нихъ, уже можетъ служить достаточнымъ обличеніемъ. Вдобавокъ вы темны: Божественное дѣйствіе просвѣтило бы и удовлетворило васъ, удовлетворило бы не ощущеніемъ сладости, а познаніемъ Истины, отъ чего является въ совѣсти чудное спокойствіе, извѣщеніе. Дѣйствуетъ теплота по наружности вашего тѣла; но вамъ совершенно неизвѣстно (это можетъ быть постигнуто только опытомъ), какимъ образомъ душа движется въ соединеніе съ умомъ; влечетъ за собою тѣло; какимъ образомъ въ хладѣ тонкомъ и мирѣ глубокомъ человѣкъ, соединенный самъ съ собою, превышій всякой борьбы, чуждый всякаго грѣха, одѣянный въ покая-

---

[1]) Лук. 1, 53.
[2]) Притч. 13, 7.

ніе, предстоитъ передъ лицемъ Господа чистою молитвою, объемлющею все его существо—и самое его бреніе. Тогда умолкаетъ кровь, бѣжитъ прочь мнимая сладость, человѣкъ зритъ, что онъ существо падшее, наставляется покаянію, которое должно объять его, содѣлать для него возможнымъ очищеніе, чрезъ очищеніе—соединеніе съ Богомъ. Покаяніе должно быть душею молитвы, безъ него она мертва, смердитъ вонею мнѣнія гордостнаго и обольстительнаго! Покаяніе—единственная дверь, посредствомъ которой можно о Господѣ обрѣсти пажить спасительную. Вознерадѣвшій о покаяніи чуждъ всякаго блага.

У васъ кровь жива, а душа мертва. Для оживленія души нуженъ Духъ. Съ живою душею сотворенъ былъ Адамъ, т. е. душѣ его соприсутствовалъ Духъ Божій и приводилъ ее въ движеніе; почему движеніе это было движеніемъ духовнымъ, въ Богѣ. При согрѣшеніи Адама отступилъ отъ него Духъ Божій; душа Адамова тутъ-же умерла, а ожили плоть и кровь. Посредствомъ ихъ діаволъ началъ дѣйствовать на душу, содержать ее въ омраченіи, смерти, плѣненіи. Отъ того-то нужно умерщвленіе не только плоти, но и крови; если же не умертвится кровь, то не смотря на молчаніе плотскихъ страстей, діаволу довольно посредствомъ крови держать душу въ плѣнѣ дѣйствіемъ душевныхъ страстей. Если душа не предочистится и не умилостивитъ Бога покаяніемъ; то никакимъ образомъ невозможно ей ощутить дѣйствія духовнаго. Если-же не оживетъ такимъ образомъ (движеніе есть вѣрный знакъ жизни); то никакъ не возможетъ познать и узрѣть душевныхъ страстей. А не узрѣвъ узъ своихъ, возможетъ-ли освободиться отъ нихъ? Находясь въ этихъ узахъ, она находится въ области діавола, который держитъ ее въ своемъ омраченіи и мертвости.

Какое движеніе души?—вы спросите.—На умъ плотской и на сердце плотское не взыде, отвѣчаю, чтобъ душа могла быть способна къ такому движенію, чтобъ существовало такое движеніе души. Спросите у покаянія: пусть оно доставитъ вамъ опытное знаніе этого блаженнаго движенія. Иначе нельзя узнать его какъ опытомъ; слова слабы, чтобъ изобразить его: оно ни принадлежитъ къ тлѣнному міру. Вѣруйте, съ простотою вдайтесь въ покаяніе,—и „Божіе само по себѣ придетъ“ къ вамъ, какъ говоритъ св. Исаакъ Сирскій. Богъ вѣренъ: толкующимъ отверзаетъ, плачущихъ

утѣшаетъ, нищимъ духомъ даруетъ Царство Небесное. Не думайте о покаяніи легко: это душа всѣхъ подвиговъ, это общее дѣланіе, которое должно одушевлять всѣ прочія дѣланія. Одни, пребывавшіе въ истинномъ покаяніи, достигли истиннаго преуспѣянія. Оно есть то существенное дѣланіе, которое предуготовляетъ насъ къ явленію въ насъ Царства Небеснаго. Самъ, Самъ Спаситель возвѣстилъ это! „Покайтеся, сказалъ Онъ, приближибося Царствіе Небесное“. Милосердый Господь уготовалъ намъ дивное, небесное, вѣчное Царство, указалъ дверь, которою мы можемъ войти въ спасительную нажить Духа и Истины, дверь покаянія. Если пренебрежемъ покаяніемъ,—безъ всякаго сомнѣнія, останемся внѣ. Добрыя дѣла естественныя, по чувствамъ, никакъ не могутъ замѣнить собою покаянія. Св. Симеонъ Новый Богословъ, исчисляя благодѣянія, полученныя имъ отъ его Наставника, Симеона Благоговѣйнаго, говоритъ: „онъ преподалъ мнѣ покаяніе!“ И какъ не считать благодѣяніемъ указаніе средства, которымъ, однимъ только, пріобрѣтаются вѣчныя, неизреченныя сокровища. Въ покаяніи—вся тайна спасенія. Какъ это просто, какъ ясно!—Но мы какъ поступаемъ?—Оставляемъ, указанное намъ Богомъ спасительное покаяніе и стремимся къ упражненію въ мнимыхъ добродѣтеляхъ, потому-что онѣ пріятны для нашихъ чувствъ, потомъ мало-по-малу, непримѣтнымъ образомъ, заражаемся мнѣніемъ и, какъ благодать не спѣшитъ осѣнить, увѣнчать насъ, то мы сами сочиняемъ въ себѣ сладостныя ощущенія, сами себя награждаемъ и утѣшаемся сами собою!

Не смѣшно-ли это? Не глупо-ли это? Не гордо-ли и дерзостно? Перестанемъ шутить съ Богомъ (простите выраженіе неприличное, которое я не остановился употребить потому, что имъ въ точности изображается наше поведеніе!), будемъ жительствовать предъ Нимъ въ постоянномъ покаяніи. Время приблизилось, страшный судъ для насъ готовится, на немъ будемъ мы судимы не по мнѣніямъ нашимъ, которыми мы себя льстили, но по Истинѣ. Предупредимъ страшное бѣдствіе покаяніемъ, отвратимъ вѣчный плачъ — плачемъ временнымъ. Опомнимся грѣшные! Пробилъ уже единонадесятый часъ и поприще дѣланія скоро, скоро окончится. Но еще есть время осудить себя, чтобъ не быть осужденнымъ Богомъ. Доселѣ мы себя оправдывали.

Прекрасный слогъ вашихъ писемъ всегда напоминаетъ мнѣ письма Великаго Варсонофія. Ваши выраженія живы, пламенны, сильны. Такова внѣшняя сторона; но если судить въ духовномъ отношеніи, то должно сказать другое. Письма Великаго Варсонофія оживлены Духомъ; въ нихъ—человѣческое мертво, живъ одинъ Духъ Святый. Ваши письма оживлены кровію и огнемъ естественнымъ; въ нихъ вы живы, живы человѣки—Бога нѣтъ!

Вы изволили писать: „братской, дружеской, трепетной заботы о нуждающемся въ помощи, я не находилъ“ (т. е. вы въ моихъ письмахъ) и проч. — Вотъ прямое изображеніе кровянаго дѣйствія въ васъ съ оживленіемъ человѣка! Отъ чего упоминаемый вами трепетъ въ письмахъ, какъ не отъ приведенной въ особое движеніе крови?

Еще изволите писать: „Не пріятно-ли было вамъ видѣть свое доброе чадо о Дусѣ Святѣ, нашего брата“ и проч.— Вотъ оживленіе человѣка съ мнѣніемъ прелестнымъ и напыщеннымъ.

Эти статьи привелъ я вамъ, какъ образчики; но и все цѣлое оквашено однимъ и тѣмъ-же квасомъ, квасомъ ветхости Адамовой. Поймите, что въ насъ человѣкахъ падшихъ, дѣйствуетъ смѣшанное познаніе и ощущеніе добра и зла, пріобрѣтенное грѣхопаденіемъ Адама. Христосъ уничтожаетъ это смѣшеніе Евангеліемъ, замѣняя сложныя познанія и ощущенія простыми. Но какъ падшимъ и погибшимъ не свойственно наслажденіе, даже естественное, по причинѣ поврежденія естества (возбраняется употребленіе и прекраснаго напитка, въ который опущено хотя немного яду!); то дано намъ Спасителемъ въ общее и непрестанное дѣланіе—драгоцѣнное покаяніе. Въ него вложено милосердымъ Господомъ кроткое и смиренное утѣшеніе, состоящее въ облегченіи совѣсти, въ явленіи надежды спасенія, что называется Святыми Отцами—„извѣщеніемъ“. Какое приличное наслажденіе для грѣшниковъ! Какъ милосердіе Господне велико и премудро!

Для того, кто съ вѣрностію и постоянствомъ пребываетъ на пути покаянія, неизреченно благій Господь умножаетъ утѣшеніе, умножая умиленіе и ощущеніе ничтожности человѣческой. Избранныхъ же Своихъ и вѣрнѣйшихъ рабовъ запечатлѣваетъ отселѣ Духомъ Святымъ и вводитъ по вре-

менамъ во вкушеніе будущаго вѣка. Они точно по временамъ дѣлаются причастниками несказаннаго духовнаго утѣшенія. Кто-жъ самъ сочиняетъ себѣ наслажденіе; тотъ—въ явномъ бѣсовскомъ обольщеніи!

Думаю, что я окончилъ возложенное вами на меня послушаніе. Сдѣлайте и для меня нѣчто. Умолите Господа, чтобъ Онъ простилъ меня, дерзнувшаго въ этомъ письмѣ на обличеніе тайныхъ недостатковъ ближняго, объ очищеніи отъ коихъ молится Св. Давидъ, называя ихъ впрочемъ грѣхомъ великимъ, какъ рѣшительно прекращающимъ духовное преуспѣяніе. „Отъ тайныхъ моихъ очисти мя, говоритъ онъ, и отъ чуждихъ пощади раба Твоего: тогда непороченъ буду и очищуся отъ грѣха велика“. Мои грѣхи, не только тайные, но явные! Мои грѣхопаденія совершаются на самомъ дѣлѣ, запечатлѣваются нечувствіемъ! Слѣдовало бы мнѣ молчать: молчаніе свойственно преступнику, не имѣющему никакого оправданія и приговоренному къ казни. Единственно по скудости нашихъ временъ, я рѣшился написать къ вамъ, видя точную нужду вашу и понимая, что по искренности вашего нрава вы способны къ преуспѣянію.

Письмо LXXXVII.

Къ брату, занимающемуся умною молитвою.

Сердце мое говоритъ больше, нежели сколько можетъ выразить слово. И странно! едва сердце мое захочетъ начать бесѣду съ тобою, какъ впадаетъ въ него ощущеніе молитвы, уноситъ меня въ тотъ мракъ, который служитъ закровомъ Богу, свѣтомъ для разумныхъ Его тварей. Несись туда и ты! Хорошо—забыть человѣка въ Богѣ: потому что помнитъ его Богъ. Хорошо—быть мертвымъ для человѣка въ Богѣ: это—истинная жизнь, жизнь—Духомъ. Духъ и мертвитъ и живитъ. Разумѣвающій да разумѣетъ, а отъ недостойнаго да скроется слово духовное въ неприступномъ для плотскаго ума свѣтѣ своемъ.—

Отсюда, изъ мрака или съ неба—назови, какъ хочешь—смотрю на тебя. Утѣшаюсь тѣмъ, что ты захотѣлъ принести сосудъ свой въ служеніе Богу,—не на другое служеніе, временное, пустое, тлѣнное. — Благословляю за это Бога, славословлю Его!

Взгляни: человѣкъ, отовсюду ограниченный человѣкъ, сколько придумалъ, сдѣлалъ вещей для удовлетворенія многоразличнымъ нуждамъ и прихотямъ своимъ!—Несравненно удивительнѣе Премудрость Всепремудраго и Всемогущаго Бога въ уготованныхъ Ею безчисленныхъ, разнообразныхъ сосудахъ разумныхъ. Каждый сосудъ—съ отдѣльною, ему собственно принадлежащею способностію! всякій сосудъ—вмѣстилище какого нибудь особеннаго духовнаго дарованія. Иной способенъ къ служеніямъ, совершаемымъ тѣломъ; иной—къ дѣламъ милосердія; иной—къ молитвѣ и безмолвію; иной—съ способностію созидать души словомъ Истины и Духа,—другой со способностію управлять людьми, устроивать ихъ; иной—съ способностію доставлять обществу человѣковъ нужное для временнаго ихъ существованія — пищу, одежду, домы и тому подобное. Твой сосудъ—для таинствъ Духа. Духъ Божій—Святъ,—почиваетъ только въ чистыхъ, святыхъ. Вычистись Истиною,—не человѣческою, глупою, истиною, — Истиною Божественною, сошедшею къ человѣкамъ съ неба, хранимою для человѣковъ во святомъ Евангеліи. Она говоритъ: „*Научитесь отъ Мене яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ и обрящете покой душамъ вашимъ*“ Матѳ. Этотъ покой—мѣсто Духа Святаго: „*въ мирѣ*, говоритъ Писаніе, *мѣсто Его*“ (Псал.).

Свойство Божественной Истины—очищать, освобождать. Сказалъ Господь: „*Аще вы пребудете въ словеси Моемъ, воистину ученицы Мои будете*“. „*И уразумѣете Истину и Истина свободитъ вы*“ (Іоан. 8, 31. 32). Онъ молился Отцу о ученикахъ Своихъ: „*Святи ихъ*“ (т. е. запечатлѣй Духомъ Святымъ) *во Истину Твою: Слово Твое Истина есть* (Іоан. 17, 17). А ученикамъ Своимъ сказалъ: *Уже вы чисти есте за слово, еже глаголахъ вамъ* (15, 3). Посему, желающій уразумѣть Истину,—быть очищеннымъ, освобожденнымъ Ею, долженъ изучать разумомъ и дѣяніемъ Евангельскія заповѣди, хотя бы это и было сопряжено съ насиліемъ сердца, стяжавшаго грѣхопаденіемъ Богопротивныя наклонности и влеченія. Въ заповѣдяхъ—Истина; въ заповѣдяхъ—смиреніе; въ заповѣдяхъ—любовь; въ заповѣдяхъ—Духъ Святый. Все это засвидѣтельствовано Писаніемъ. *Вся заповѣди Твоя Истина*, воспѣвалъ Боговдохновенный Давидъ; *Имѣя заповѣди Моя*, сказалъ Господь, *и соблюдаяй ихъ, той есть любяй Мя* (Іоан.

14, 21). *Будите въ любви Моей. Аще заповѣди Моя соблюдете пребудите въ любви Моей* (15, 10. 11). *Глаголы яже Азъ глаголахъ Духъ суть и Животъ суть* (Іоан. 6, 63). Къ тому, кто исправленъ, предочищенъ Истиною, приходитъ Духъ Святый, какъ *Духъ Истины*, неожиданно, непостижимо проникаетъ въ умъ, душу и тѣло, обновляетъ, возрождаетъ человѣка въ жизнь духовную. Привлекохъ Духъ, яко заповѣди Твоя желахъ (Псал. 118, 131). Евангельскія заповѣди да будутъ предметомъ твоего ученія, размышленія, дѣятельности всей жизни. *Иже будетъ во Мнѣ и Азъ въ немъ*, чрезъ соблюденіе Евангельскихъ заповѣдей, сказалъ Господь, *той сотворитъ плодъ многъ*. Напротивъ того: *безъ Мене не можете творити ничесоже*, то есть никакой духовной добродѣтели. Добродѣтели же свойственныя всему падшему человѣческому естеству,—какъ бы ничто, не имѣютъ никакой цѣны предъ Богомъ, подлежатъ огню геенскому. *Аще кто во Мнѣ не пребудетъ* соблюденіемъ Евангельскихъ заповѣдей, *извержется вонъ, яко розга, и изсыхнетъ, и собираютъ ю, и во огнь вергаютъ, и сгараетъ* (Іоан. 15), несмотря ни на какія добродѣтели естества падшаго.

Въ молитвахъ твоихъ погружайся весь въ покаяніе. Есть состояніе обновленное,—это знаешь; а находишься въ состояніи ветхости! и потому пребывай въ непрестанномъ сѣтованіи, въ печали спасительной. Отвергнись себя! *Не имѣй душу свою честну себѣ* (Дѣян.) по примѣру святаго Апостола. Оцѣнивай себя только осужденіемъ себя. Будь безкорыстенъ предъ Богомъ. Никакъ не позволь себѣ ожиданія благодати: это—состояніе и ученіе находящихся въ самообольщеніи, отпавшихъ отъ Истины. Стремись узрѣть грѣхъ твой и возрыдать о немъ: это твое дѣло. А Богъ сдѣлаетъ Свое дѣло, потому что Онъ вѣренъ, далъ обѣтованіе и исполнитъ его. Благодать—Его! Дать ее—Его дѣло. Не сочти свои ризы чистыми, достойными духовнаго брачнаго чертога, сколько бъ ты ихъ не обмывалъ: судія твой—Богъ.

Мнѣ понравилось служеніе твое родителю твоему. Пусть причиною этого служенія будетъ не союзъ крови, а заповѣдь Великаго Бога, сказавшаго: Чти отца твоего и матерь твою и благо ти будетъ. Повсюду замѣни плоть и кровь Христомъ. Онъ отдѣлитъ тебя отъ земли и вознесетъ къ Себѣ на небо.

Выписываю для тебя нѣкоторыя изреченія Святыхъ Отцевъ:

„Братъ вопросилъ великаго Сисоя: Какъ мнѣ спастись, какъ угодить Богу?—И отвѣчалъ ему Старецъ: Если хочешь угодить Богу,—отступи отъ міра, отступи отъ земли, оставь тварь, приди ко Творцу, совокупись съ Богомъ посредствомъ молитвы и плача, и найдешь покой въ этомъ и будущемъвѣкѣ.“

„Сказалъ великій Варсонофій: Если оставишь попеченіе о всякой вещи, то это приблизитъ тебя ко граду. Если не будешь вмѣнять себя въ человѣкахъ,—это вселитъ тебя во градъ. А если умрешь отъ всякаго человѣка,—этимъ наслѣдуешь градъ и его сокровища“.

„Братъ спросилъ авву Пимена: что мнѣ дѣлать со страстями смущающими меня?—Старецъ отвѣчалъ: будемъ плакать предъ благостію Божіею, доколѣ Богъ не сотворитъ съ нами Своей милости“.

„Другой братъ спросилъ того же великаго Пимена: Что мнѣ дѣлать съ грѣхами?—Старецъ отвѣчалъ: хотящій очиститься отъ содѣланныхъ имъ грѣховъ, плачемъ очищается отъ нихъ и хотящій сохраниться отъ впаденія въ новые грѣхи, плачемъ сохраняется отъ нихъ. Это путь покаянія, преданный намъ Писаніемъ и Отцами, которые говорили: плачьте, потому что другаго пути кромѣ плача, нѣтъ“.

„Великій Пименъ говаривалъ: Начало золъ—разсѣянность“.

„Онъ-же говаривалъ: Если человѣкъ во всякомъ обстоятельствѣ будетъ обвинять себя самого, то вездѣ устоитъ.“

„Еще онъ говорилъ: Если будешь молчаливъ, то найдешь покои вездѣ, гдѣ бы ты ни жилъ“.

„Написалъ святый Іоаннъ Лѣствичникъ: Исходящій тѣломъ, но неисходящій словомъ—кротокъ, весь—домъ любви“.

„Онъ же написалъ: Затворяй дверь келліи для тѣла, дверь языка для разговора, и внутреннюю дверь для духовъ лукавыхъ“.

Слѣдующую заимствую изъ 41-го слова св. Исаака Сирскаго, сокращая: „Болѣе всего возлюби молчаніе, потому что оно приблизитъ тебя къ плоду. Слова недостаточны, чтобъ повѣдать о немъ. Сперва понудимъ себя молчать; тогда отъ молчанія родится въ насъ нѣчто, которое будетъ наставлять насъ молчанію. Да дастъ тебѣ Богъ ощутить нѣчто рождаемое отъ молчанія. Если начнешь жить этимъ жительствомъ,—не знаю сколько свѣту возсіяетъ тебѣ отсюду. Не подумай,

что повѣдуемое молчаніе дивнаго Арсенія было слѣдствіемъ его свойства естественнаго. Нѣтъ! онъ сперва понуждалъ себя къ молчанію. При этомъ жительствѣ рождается въ насъ множество слезъ и видѣніе чудное. Великъ человѣкъ, имѣющій въ душѣ обычай молчанія. Молчаніе вспомоществуетъ безмолвію. Намъ, живущимъ между многими, невозможно избѣжать встрѣчъ съ людьми; даже равно-Ангельный Арсеній, возлюбившій болѣе всѣхъ безмолвіе, не возмогъ устранить отъ себя встрѣчи. Невозможно не встрѣчаться съ сожительствующими намъ Отцами и братіями—и нечаянно, и ходя въ Церковь, и при другихъ случаяхъ. Видя это, достоблаженный мужъ пріучилъ себя, наставляемый благодатію, ко всегдашнему молчанію".

Въ 20-мъ словѣ св. Исаакъ научаетъ инока говорить, обращаясь къ душѣ своей, такъ: „Въ безуміи прожилъ ты жизнь твою, срамнѣйшій человѣкъ, достойный всякаго наказанія. По крайней мѣрѣ сохранись въ этотъ день, оставшійся отъ дней твоихъ, истраченныхъ во тще, скудныхъ дѣлами благими, богатыхъ дѣлами злыми. Изшелъ ты изъ міра таинственно, вмѣнился мертвымъ ради Христа; не оживай снова для міра и для всего того, что принадлежитъ міру,—и предваритъ тебя покой, ты будешь живъ о Христѣ. Готовься и пріуготовься ко всякому поношенію, ко всякой досадѣ, поруганію и укоризнѣ отъ всѣхъ. Прими все это съ радостію, какъ точно достойный того. Претерпи съ благодареніемъ Богу всякую болѣзнь, скорбь и бѣду отъ бѣсовъ, которыхъ волю ты совершалъ. Претерпи всякую нужду и горести естественныя! Претерпи съ упованіемъ на Бога лишеніе тѣлесныхъ потребностей, долженствующихъ чрезъ краткое время превратиться въ гной. Подклони выю всему этому въ надеждѣ на Бога, не ожидая ни отъ кого другаго избавленія, или утѣшенія, но возверзи на Господа попеченіе твое и во всѣхъ искушеніяхъ осуди себя самого, какъ причину ихъ. Не соблазнись ни чѣмъ, не укори никого изъ оскорбляющихъ тебя: потому что ты вкусилъ отъ запрещеннаго древа и стяжалъ различныя страсти. Съ радостію прими эти горькія врачества: пусть онѣ потрясутъ тебя немного—и ты впослѣдствіи усладишься. Увы тебѣ! увы твоему смрадному тщеславію! Душу твою, исполненную всякихъ грѣховъ, ты оставилъ безъ вниманія, какъ-бы не под-

лежащую никакому осужденію, а занимался осужденіемъ другихъ, осуждая ихъ и словами и помышленіями"...

„Θеофилъ, Патріархъ Александрійскій, посѣтивъ безмолвниковъ горы Нитрійской, спросилъ ихъ авву, великаго угодника Божія: Что нашелъ ты на пути иноческой жизни особенно важное? Духоносный Старецъ отвѣчалъ: то, чтобъ во всемъ обвинять себя и непрестанно укорять себя".

„Преподобный Пименъ Великій называлъ самоукореніе тою сваею (бревномъ, вбиваемымъ въ землю), къ которой привязываютъ ладію душевную во время бури".

Вотъ образцы и свидѣтельства подвиговъ, тебѣ свойственныхъ, могущихъ принести душѣ твоей обильную пользу, доставить тебѣ прочное духовное воспитаніе. Не подумай, что для наученія безмолвію необходимъ затворъ, или глубокая пустыня. Нѣтъ! Гораздо лучше научиться ему между людьми при посредствѣ душевнаго подвига. Самыя паденія, невидимыя ближними, видимыя и вѣдомыя Богу и совѣсти, паденія ума и сердца, послужатъ къ пользѣ, содѣлывая тебя искуснымъ въ борьбѣ со грѣхомъ, открывая тебѣ всю немощь человѣка. Подвижникъ, воспитанный между людьми силою невидимаго внутренняго подвига, бываетъ проченъ, богатъ знаніемъ и опытностію духовною, исполненъ смиренномудрія, для ближняго—пристанище, сокровище. Онъ подобенъ древу, выросшему на открытомъ холмѣ, подвергавшемуся вѣтрамъ порывистымъ и всѣмъ другимъ непогодамъ; такія древа глубоко пускаютъ въ землю корни, бываютъ особенно сочны, полны жизни и силы. Напротивъ того питомецъ затвора и уединенной пустыни, подобенъ цвѣтку и древу, воспитанному и возлелѣянному въ оранжереѣ. Ему свойственна пагубная изнѣженность: при малѣйшемъ ненастьѣ онъ уже страдаетъ; ненастье—немного посильнѣе: онъ умираетъ. Совершенное уединеніе, по правиламъ духовнаго закона, дозволяется только тѣмъ, на подвигъ которыхъ, какъ выражается св. Іоаннъ Лѣствичникъ, низошла благодатная роса Святаго Духа. Для такихъ точно — полезно, нужно строгое уединеніе, чтобъ при помощи его свободно предаться ученіе и водительству Духа, о чемъ говорить—нынѣ не время.

Мы еще не довольно знакомы... Говорю такъ, чтобъ не сказать: ты еще мало знаешь меня. Поэтому нужно намъ

условиться. Если я и недостоинъ называться человѣкомъ, имѣя въ себѣ много скотскаго и бѣсовскаго; то ты, по любви твоей ко мнѣ, припиши мнѣ достоинство человѣка, или, по крайней мѣрѣ, достоинство разумной твари, хотя и запечатлѣнной горестнымъ грѣхопаденіемъ. Сынъ Божій называетъ Себя въ Евангеліи Сыномъ человѣческимъ. Богъ, явившись между человѣками, не принялъ на Себя никакого выдуманнаго падшими человѣками титула,—именуетъ Себя наименованіемъ, даннымъ намъ Богомъ, Который предъ нашимъ сотвореніемъ совѣщался Самъ въ Себѣ таинственно: „*Сотворимъ человѣка*“. Сынъ человѣческій!.. Какъ мнѣ нравится это наименованіе! Какое прекрасное наименованіе! Смиренное и возвышенное наименованіе! Какъ наставительно и утѣшительно звучитъ оно въ ушахъ моихъ!.. Люди не захотѣли этого наименованія, имъ понадобилось: Высокопреподобіе, Высокоблагородіе... Какая безсмыслица! И поведеніе ихъ, подобно именамъ, сдѣлалось безсмыслицей, карикатурой уродливой, въ которой гордое—въ соединеніи съ глупымъ. На конвертѣ, позволяю, пиши какую хочешь безсмыслицу; но въ письмѣ будь, какъ человѣкъ съ человѣкомъ, какъ сердце съ сердцемъ, предъ очами Всесвятаго Бога. Пусть сердце твое бесѣдуетъ со мною просто, искренно; каждое слово твое пусть будетъ для истины. А Богъ!—Будетъ, какъ и есть свидѣтелемъ бесѣдъ нашихъ, которыхъ причина и цѣль—Онъ, и наше въ Немъ спасеніе.

Назначеніе этого письма—удовлетворить не общей,—частной нуждѣ, твоей нуждѣ; оно написано подъ вліяніемъ твоего душевнаго состоянія. Это не универсальное лѣкарство,—частное, твое! Ты читай это письмо и перечитывай, переноси слова его съ бумаги въ сердце; ты пей изъ этой чаши здравіе душевное; а другимъ она можетъ принести только недугъ, послужить поводомъ къ пустымъ сужденіямъ, пересудамъ, къ зависти, къ составленію ложныхъ догадокъ и мнѣній. Скрой отъ всѣхъ письмо, строки, букву; пусть способные читать сердцемъ и умомъ прочитаютъ его въ твоемъ поведеніи и прославятъ Бога, хотящаго, чтобъ всѣ человѣки спаслись, пришли въ познаніе Истины.

Письмо LXXXVIII

къ брату, занимающемуся умною молитвою.

Первое письмо твое отъ 7-го сентября я получилъ. Уже много было написано въ отвѣтъ на него въ письмѣ моемъ отъ 5-го. И потому я положилъ себѣ: дождаться отвѣта, и тогда на два твои письма отвѣчать вмѣстѣ—что Богъ вложитъ въ мое недостойное сердце, у котораго въ распоряженіи едва пишущая отъ слабости рука.—Я постоянно боленъ и хилъ, въ особенности по зимамъ; нынѣ же вдобавокъ принимаю лѣкарство, которое врачуетъ боли, но ослабляетъ силы.—Думалъ я написать нѣкоторыя подробности о духовномъ дѣланіи, тебѣ идущемъ. Останавливаюсь исполнить это до другого времени; спѣшу, получа второе твое письмо, способствовать сколько нибудь, съ Божіею помощію, къ возстановленію въ тебѣ нарушеннаго спокойствія душевнаго. И ты просишь меня поспѣшить отвѣтомъ.

„Иди скоро“, сказалъ Господь Моисею, внимавшему Его таинственнымъ ученіямъ въ уединеніи, на вершинѣ горы Синайской, въ уединеніи мрака, произведеннаго низшедшими на гору небесными облаками: „сниди отсюду: беззаконноваша бо людіе твои, ихже извелъ еси изъ земли Египетскія: преступиша съ пути скоро, егоже заповѣдалъ еси имъ: сотвориша себѣ тельца и поклонишася ему, и пожроша ему“ (Исх. 32, 7. 8). Знай, что человѣкъ, когда находится внѣ состоянія мира, находится въ состояніи неправильномъ по отношенію къ закону Христову, въ состояніи самообольщенія и заблужденія, въ кумирослуженіи.

Смотрю на кипящія въ тебѣ волны—и нѣтъ отъ нихъ никакой печали въ моемъ сердцѣ; онѣ не устрашаютъ моего сердца, не приводятъ его въ сомнѣніе. Мое сердце спокойно;—мало того: оно ощущаетъ утѣшеніе духовное. Отъ чего бы это было?—Мое сердце—чувствительно по природѣ; оно не можетъ быть холоднымъ и равнодушнымъ. Скажу тебѣ отъ чего: въ немъ дѣйствуетъ съ убѣдительностію извѣщеніе, что къ тебѣ—милость Божія. Вышло такое опредѣленіе о тебѣ отъ горняго Престола Царя Царей. Неустрашись бурь, не ослабѣй отъ нихъ: онѣ—признакъ добрый. Тебя скоро осѣнитъ помощь Божія; на вѣсы твоего сердца

положится тяжеловѣсное духовное сокровище, отъ чего противуположная чаша, чаша земныхъ скорбей и утѣшеній сдѣлается безъ вѣсу. Повѣрь моему сердцу!.. Не знаю, стоитъ-ли оно довѣрія, но увѣряетъ такъ сильно, что я, оставя всякое соображеніе и умствованіе, пишу—что внушаетъ мнѣ, велитъ писать сердце. Вижу пристань духовную, приготовленную тебѣ Всеблагимъ Богомъ, тебя ожидающую. Но Онъ, Многомилостивый и Всепремудрый, попускаетъ тебѣ сперва потрудиться въ волнахъ, чтобъ ты утомился, умучился въ борьбѣ съ ними,—далъ цѣну пристани. Человѣкъ не даетъ должной цѣны тому, что достается ему цѣною слишкомъ дешевою. Не была-ли пристань—рай?—И этой пристани человѣкъ не далъ цѣны, былъ недоволенъ ею,—захотѣлъ большаго, несбыточнаго!..

Получивъ твое письмо, я прочиталъ его; спустя нѣсколько часовъ прочиталъ еще разъ, и, когда сердце мое отдѣлило шумъ словъ и выраженій отъ голоса души, взялъ перо, обмакиваю его, больше, кажется, въ сердце, чѣмъ въ чернила,—отвѣчаю тебѣ. Прости мою нескромность, которую позволяю себѣ для твоего ободренія: меня объемлетъ невыразимое духовное, просвѣтительное утѣшеніе, поглощающее въ сладости своей мой умъ, содѣлывающее вдохновеннымъ мое сердце. Изъ среды этого утѣшенія пишу къ тебѣ!.. „И нынѣ, Израилю, послушай оправданій и судовъ, елика азъ учу васъ днесь дѣлати, да поживете и умножитеся, и вшедше, наслѣдите землю, юже Господь Богъ отецъ вашихъ дастъ вамъ въ наслѣдіе“, говорилъ Израилю его Законодатель—Боговидецъ (Второзак. 4, 1).

Пишетъ къ тебѣ искушенный волнами многими, бурями многими, многими пропастями и подводными камнями,—хотя и доселѣ неискусѣный,—искушаемый скорбями многими съ того самаго времени, какъ только себя помнитъ. Много я страдалъ!—страдалъ наиболѣе изъ-за своей пламенной крови,—изъ-за своей пламенной любви къ ближнему, любви, соединенной, казалось мнѣ, съ чистымъ, полнымъ самоотверженіемъ,—изъ за расположенія къ справедливости, чести,—изъ-за своего плотскаго разума. И теперь долженъ смотрѣть и смотрѣть за своею кровію; безъ этого она какъ разъ похититъ у моего сердца святый миръ, отниметъ меня изъ водительства Святаго Духа, предастъ водительству сатаны.

Знай: Богъ управляетъ міромъ; у Него нѣтъ неправды. Но правда Его отличается отъ правды человѣческой. Богъ отвергъ правду человѣческую, и она—грѣхъ, беззаконіе, паденіе. Богъ установилъ Свою всесвятую правду, правду Креста,—Ею отверзаетъ намъ небо. Ему благоугодно, чтобъ мы входили въ Царство Небесное многими скорбями. Образъ исполненія этой Правды Богъ подалъ Собою: Онъ, вочеловѣчившись единою изъ покланяемыхъ Ѵпостасей Своихъ, подчинилъ Себя всѣмъ разнороднымъ уничиженіямъ и оскорбленіямъ. Святѣйшее Лице Его подверглось заушеніямъ и заплеваніямъ; Не отвратилъ Онъ отъ нихъ лица Своего. Онъ вмѣнился съ беззаконными; въ числѣ ихъ, вмѣстѣ съ ними осужденъ на поносную, торговую казнь, преданъ ей;—какими-же людьми?—гнуснѣйшими злодѣями и лицемѣрами.—Всѣ мы безотвѣтны предъ этою всевысшею Правдою;—или должны ей послѣдовать, или къ намъ отнесутся слова: „Иже не пріиметъ креста своего и въ слѣдъ Мене грядетъ,—нѣсть Мене достоинъ“... „Иже нѣсть со Мною, на Мя есть“ (Матѳ. 10, 38; 12, 30).

Противъ правды Христовой, которая—Его Крестъ, вооружается правда испорченнаго естества нашего. Бунтуютъ противъ Креста плоть и кровь наши. Крестъ призываетъ плоть къ распятію, требуетъ пролитія крови; а имъ надо сохраниться, усилиться, властвовать, наслаждаться. Путь къ кресту—весь изъ бѣдъ, поношеній, лишеній; онѣ не хотятъ идти по этому пути; онѣ—горды, онѣ хотятъ процвѣтать величаться. Понимаешь-ли что плоть и кровь—горды?—Всмотрись на украшенную плоть, на обильную кровь,—какъ онѣ напыщенны и надменны!—Не безъ причины заповѣданы намъ нищета и постъ!

Не устрашись словъ моихъ: онѣ по наружности, съ перваго взгляду,—страшны, жестоки. Исполнишь спасительный совѣтъ мой—и обрѣтешь миръ, исцѣленіе сердцу твоему. Твое расположеніе къ N. болѣзненное. Воню твоего сердца обонялъ я, бывши у васъ въ обители:—потомъ при полученіи перваго письма твоего; во второмъ же письмѣ душа твоя сама сознаетъ его: болѣзнуетъ, мучится, мечется, стонетъ. Писалъ я тебѣ, свидѣтельствуясь дѣланіемъ и ученіемъ Святыхъ Отцевъ, что желающій перейти изъ плотскаго состоянія въ духовное, долженъ умереть для всѣхъ

человѣковъ.—Какая смерть безъ болѣзней!—При свиданіи я тебѣ сказалъ: „ты долженъ быть одинъ“. Сердце твое, умъ, сознали справедливость произнесеннаго; но услышала кровь твоя приговоръ смертный на нее—и ужаснулась. Я понималъ это;—не остановился, не останавливаюсь сказать истину, необходимую для твоего спасенія и преуспѣянія. Услышь, услышь голосъ грѣшника, слово грѣшника, голосъ и слово, избранные Богомъ въ орудіе твоего оживленія въ Духѣ,—и, хотя бъ то было съ пролитіемъ кроваваго пота, исполни ихъ. Мечемъ и лукомъ твоимъ отними у Аммореевъ землю, отдай ее Сыну возлюбленному Отца, таинственному Іосифу,—Христу. Такъ сдѣлалъ прообразовательно святый Патріархъ Іаковъ (Быт. 48, 22). Землею—называю твое сердце;—Аммореями—кровь, плоть, злыхъ духовъ, завладѣвшихъ этою землею. У нихъ надо отнять ее душевнымъ подвигомъ, т. е. дѣланіемъ умнымъ и сердечнымъ.

Какъ и чѣмъ исцѣлить твое болѣзненное расположеніе?

Ты вѣришь Спасителю?—Ты вѣришь словамъ Его?—Онъ сказалъ: „Вамъ и власи главніи вси изочтени суть“ (Матѳ. 10, 30); такъ бдителенъ, заботливъ до мелочной подробности, Промыслъ о насъ всеблагаго Бога нашего! Богъ, столько о насъ заботящійся, имѣющій на счету всѣ волосы наши,—смотритъ: первомученика Стефана побиваютъ камнями,—и не препятствуетъ убійству.—Зритъ: Апостолы умираютъ ежедневно, страдаютъ непрестанно, оканчиваютъ земное теченіе свое насильственною смертію.—Взираетъ: и тысячи, и тысячи тысячъ мучениковъ претерпѣваютъ отсѣченіе, строганіе, ломаніе членовъ, продолжительное заключеніе въ смрадныхъ и душныхъ темницахъ, убійственныя работы въ рудокопняхъ, сожиганіе на кострахъ, замерзаніе въ озерѣ, потопленіе въ водахъ.—Онъ смотритъ: иноки совершаютъ невидимое мученичество въ борьбѣ съ плотію и кровію, съ духами нечистыми, съ людьми любителями міра, съ безчисленными лишеніями тѣлесными и душевными. На все это Онъ, человѣколюбецъ и всемогущій, взираетъ. Отъ всѣхъ скорбей Онъ могъ бы избавить избранныхъ Своихъ, но не дѣлаетъ этого;—возвѣщаетъ рабамъ Своимъ: „Въ терпѣніи вашемъ стяжите души ваши“ (Лук. 21, 19)... „Претерпѣвый до конца, той спасется“ (Матѳ. 24, 13). „Кто-жъ поколеблется, о томъ неблаговолитъ душа Моя“ (Евр. 10, 38).

Просили сыны Зеведеевы у Господа престоловъ славы;—Господь даровалъ имъ „чашу Свою“. Чаша Христова—даръ Христовъ, подаемый Имъ любимымъ Его, избраннымъ Его. Чаша Христова—условіе, залогъ вѣчнаго блаженства. Чаша Христова—страданія. Посему познается, говоритъ Св. Исаакъ Сирскій: „особенный Промыслъ Божій надъ человѣкомъ, когда этому человѣку пошлются непрестанныя скорби“. Въ заключеніе употреблю слова Св. Апостола Петра: „Тѣмже и страждущіи по волѣ Божіей, яко вѣрну Зиждителю, да предадятъ души своя во благотвореніи“ (1 Петр. 4, 19).

Основываясь на вышесказанномъ, утверждаю: N. подъ особеннымъ Промысломъ Божіимъ; все совершающееся надъ нимъ—предъ взорами Бога, по попущенію Бога, его Создателя, Искупителя и Владыки... Неужели ты еще не увидѣлъ Бога въ промыслѣ Его и управленіи Его?.. Благоговѣйно отступи ничтожная пылинка!.. останови руку, дерзостно простирающуюся съ рукою Божіею къ образамъ правленія судьбами человѣка!—Остановись!.. вытрезви твой умъ, упоенный порывами, волненіемъ крови: больное твое сердце представило тебѣ Бога, покинувшимъ бразды, Ему Единому принадлежащія,—забывшимъ свое святѣйшее обѣщаніе...

Приступи же къ врачеванію прокаженной и разслабленной, бѣснующейся души твоей. Опираясь на вѣру, на живую вѣру, ежедневно вставай—сперва по нѣскольку разъ въ день, раза по три и четыре—въ теченіи краткой минуты на колѣни, говори Господу: „Господи! N, котораго я думалъ такъ любить, думалъ такъ уважать,—называлъ, обманываясь моимъ,—Твой, Твое созданіе, Твоя собственность. Онъ Твой—всеблагаго Творца и Владыки своего! Ты всеблагъ: хочешь устроить для него все благое. Ты всесиленъ: все можешь для него устроить что ни восхощешь. Ты всепремудръ: путей Твоихъ духовныхъ, судебъ Твоихъ, изслѣдовать, постичь человѣку невозможно... А я—кто?—Пылинка, горсть земли, сегодня существующая, завтра изчезающая. Какую могу принести ему пользу?—Могу лишь болѣе повредить ему и себѣ моими порывами, которые кровь, которые грѣхъ. Предаю его въ Твою волю и власть! Онъ уже есть, всегда былъ въ Твоей полной волѣ и власти; но этого доселѣ не видѣлъ слѣпотствующій умъ мой. Возвращаю Тебѣ Твое достояніе, которое безумно похищалъ я у Тебя обольщавшимъ меня

мнѣніемъ моимъ и мечтаніемъ. Исцѣли мое сердце, которое думало любить, но которое только больно: потому что любить внѣ Твоихъ святыхъ заповѣдей, съ нарушеніемъ святаго мира, съ нарушеніемъ любви къ Тебѣ и ближнимъ".—И враговъ намъ повелѣно любить; и нарушеніе любви къ нимъ есть нарушеніе заповѣди, нарушеніе любви къ ближнему. Вставъ съ колѣнъ, повторяй нѣсколько разъ неспѣшно: „Господи! предаю его, себя, всѣхъ святой волѣ Твоей; буди во всемъ воля Твоя! За все—слава Тебѣ!" Когда ты съ людьми, и увидишь, что приближается къ душѣ невидимое искушеніе; то повторяй мыслію вышесказанныя слова. Когда видишь неустройство міра и вашего маленькаго міра—монастыря, повторяй слова: „Господи! Ты, Всесильный, все это видишь; да будетъ воля Твоя; да совершаются недомыслимыя судьбы Твои. А я—кто, пылинка,—чтобъ мнѣ вмѣшиваться въ Твое непостижимое управленіе!"

Сынъ Божій сказалъ о Себѣ: „Сынъ человѣческій предается въ руцѣ человѣковъ" (Матѳ. 26, 46). Если Онъ, всесвятый, предается въ эти руки,—что страннаго, когда грѣшникъ предается въ руки подобныхъ ему грѣшниковъ. Научимся говорить подобно распятому близъ Христа грѣшнику: „Пріемлю достойное по дѣломъ моимъ; помяни мя, Господи, во Царствіи Твоемъ".

И N. долженъ также поступать относительно тебя,—предавать тебя Богу, Его волѣ, Его Промыслу. Для духовнаго руководства, онъ слабъ,—влечется твоею немощію. А въ немощи твоей большая сила крови, краснорѣчивой крови, возстающей противъ духовнаго закона:—кто не ощутилъ въ себѣ явнаго духовнаго дѣйствія, дарующаго свободу, независимость, тому не выстоять противъ напора твоей крови. „Ты долженъ быть одинъ". Изъ тебя сказалъ я это;—сказалъ и повторяю. Тѣ, которымъ будешь повѣрять твои брани, повредятся—и, можетъ быть, неисцѣльно. Мой жребій былъ—постоянное одиночестно;—былъ и есть. Что дѣлать?—Претерпимъ тягость уединенія. Увидѣвъ его, увидѣвъ сиротство наше на землѣ,—Духъ Святый, въ свое, извѣстное Ему время, придетъ къ намъ. Тогда будешь не одинъ и порадуешься тому, что былъ одинъ. Умертвите взаимное пристрастіе истиннымъ смиреніемъ, которое предложено въ вышенаписанныхъ молитвахъ Боговидѣнія. Не должно васъ

безвременно, по влеченію нѣжнаго чувства, т. е. глупой крови, учащать другъ къ другу. Не будь нѣженъ! Не позволяй себѣ разнѣживаться! Будь истинный мужъ! Въ противномъ случаѣ, чтобъ не постыдили насъ жены, не причислили насъ къ женамъ по причинѣ нашей слабости! Такъ нѣкоторая преподобная инокиня сказала нерадивымъ, некрѣпкимъ инокамъ: „вы—жены!“ Имѣю основаніе искать отъ тебя этого. Дай!—потому что можешь дать.

Когда придутъ тебѣ помыслы ревности и нѣжности къ N., а ему къ тебѣ, говорите сами себѣ: „Господи, онъ Твой! а я что?“—Когда-же усилится брань,—къ себѣ въ келлію и на колѣни!.. Подвизаясь такъ вы ощутите по милости Божіей исцѣленіе отъ пристрастія другъ ко другу, которымъ сердца Ваши лишены свободы; она въ плѣну и отъ того въ мукѣ. Время ваше и здоровье теряются въ пустыхъ смущеніяхъ и безплодныхъ мученіяхъ. Когда Богъ даруетъ вамъ исцѣленіе отъ пристрастія и вы ощутите свободу и легкость; тогда познаете, что настоящее ваше состояніе было „искушеніе“, было состояніе ложное, а не духовное,—и потому грѣховное, Богопротивное. Малости, незамѣтныя въ мірской жизни, въ монастырской дѣлаются уже не малостями, но весьма важными недостатками, могущими нанести неисцѣльный вредъ,—не только остановить, прекратить всякое духовное преуспѣяніе, сдѣлать жительство въ монастырѣ вполнѣ безплоднымъ. Въ особенности это относится къ монашествующимъ, которымъ на нивѣ Христовой досталась въ удѣлъ для воздѣланія—умная молитва и прочіе сопряженные съ нею подвиги внутренніе.

Краткія слова вышенаписанныхъ молитвъ и смиренномудрія,—но которыми должно вращать чаще предъ лицемъ души, чтобъ не успѣли насѣсть на него разныя насѣкомыя и изъязвить его,—принадлежатъ къ числу сильныхъ и дѣйствительныхъ орудій душевнаго невидимаго подвига. Употребленіе этихъ и подобныхъ орудій называется дѣланіемъ, которымъ зиждутся стѣны Іерусалима душевнаго,—разсыпаются стѣны градовъ иноплеменниковъ, построенные ими въ сердцѣ нашемъ. „Ты долженъ быть одинъ!“... „Умри для человѣковъ“... Да падутъ подъ остріемъ меча Левитовъ, вѣрныхъ Богу, ихъ родныя братья и сосѣды, поклонники кумира. Помыслами и чувствованіями, служителями Бога, да истре-

бятся изъ души помыслы и чувствованія, служители грѣха. Родители ихъ одни и тѣ же: умъ и сердце; потому они—братья. Они—ближніе и сосѣды: потому что имѣютъ видъ близкій къ добру и очень къ нимъ привязано сердце. Когда, по повелѣнію Моисея, сыны Левія препоясали каждый мечъ свой по бедрѣ и прошли по всему стану Израильскому отъ вратъ до вратъ, убивая каждый ближняго своего и сосѣда своего; то сказалъ имъ Моисей: „Наполните руки ваши днесь Господу, кійждо въ сынѣ своемъ и въ братѣ своемъ, да дастся на васъ благословеніе“ (Исх. 32, 29). И ты поступи такъ,—да дастся на тебя благословеніе. Если жъ не умрешь для людей, если будешь дозволять сердцу своему увлекаться, плѣняться пустыми привязанностями,—всю жизнь твою будешь пресмыкаться по землѣ, не сподобишься ничего духовнаго: кости твои падутъ внѣ земли обѣтованной.

Не устрашись ни подвига, ни сраженія, ни исполиновъ! Не пощади, какъ истинный Израильтянинъ, какъ истинный Левитъ, ни братьевъ, ни сыновъ, ни дщерей, ни сосѣдей и ближнихъ! Не тронься сожалѣніемъ къ крови, убивающей вѣчною смертію снисходительныхъ къ ней!—За мечъ, Леонидъ, за мечъ!—На бой, на бой отчаянный! На бой упорный, постоянный, доколѣ не увѣнчаетъ его рѣшительная побѣда! „Лучше смерть въ подвигѣ“, сказалъ св. Исаакъ: „нежели жизнь въ паденіи“.—И что за жизнь—жизнь въ грѣхѣ? Не стоитъ она названія—жизни; назвало ее Писаніе смертію; она—начатокъ смерти вѣчной, можетъ быть и смертію вѣчною, если не умертвится жизнію о Христѣ.—Сколько дряхлыхъ старцевъ, нѣжныхъ дѣвъ, слабыхъ дѣтей остались побѣдителями?—Неужели ты позволишь двоедушію поколебать себя, выпустишь изъ рукъ побѣду и вѣнецъ вѣчнаго торжества за цѣну мгновеннаго, мучительнаго колебанія, которое обольстительно, насмѣшливо, ругательно силится представиться намъ наслажденіемъ, добродѣтелію. Не убойся твердынь грѣховнаго града: съ постоянствомъ „укрѣпи брань твою на градъ“ говоритъ Писаніе: „и раскопай и“ (2 Царст. 11, 22)... Да увижу на тебѣ вѣнецъ побѣды, вѣнецъ Духа, вѣнчающій сперва главу твою, а потомъ и сердце! Да истекутъ изъ нихъ источники воды живой! Изъ этихъ источниковъ да пьешь во первыхъ самъ до сытости и пресыщенія; да пьютъ отъ нихъ, и насытятся, и возвеселятся, и восхва-

лять Господа всѣ, которыхъ привлечетъ къ тебѣ жажда Слова Божія. Любовь духовная ближнихъ да вознаградитъ тебя сторицею за умерщвленіе кровяной любви. До обновленія же—будь одинъ; до него соединеніе особенною любовію съ кѣмъ нибудь—говорю въ духовномъ отношеніи—„блудъ“. Послѣ обновленія является истинная любовь къ ближнимъ, святая, духовная; она вся въ Богѣ; она—видѣніе духовное. Стоитъ пролить кровь, когда за нее дается безмѣрное сокровище—Духъ. По принятіи Духа, человѣкъ увидитъ ясно,—кровь—Богопротивная, смрадная мерзость. И потому говоритъ Писаніе: „Проклятъ возбраняяй мечу своему отъ крове“.—Умри, умри!—и погребись... чтобъ наслѣдовать святое воскресеніе души Духомъ Божіимъ.

Какъ ты не долженъ сообщать другимъ своихъ браней и искушеній душевныхъ; такъ не долженъ выслушивать брани и искушенія другихъ. Частная тому причина: твоя сильная, горячая кровь. Ты передаешь сильно и воспринимаешь сильно. Отъ того твоими возмущеніями очень потрясаешь другихъ и самъ очень потрясаешься отъ сообщаемыхъ другими скорбей ихъ.—Вторая причина заключается въ общемъ правилѣ для всѣхъ подвижниковъ: брани душевной невозможно обнять и объяснить естественнымъ разумомъ: потому-что все естество наше—въ паденіи. Для этого нуженъ разумъ духовный, т.-е. явившійся въ человѣкѣ отъ дѣйствія Духа. И потому только духовный способенъ выслушать брань ближняго и преподать ему спасительный совѣтъ; а держимый во мракѣ страстей еще не способенъ къ этому. Умолкни, умолкни! Сперва надо умолчать, по совѣту святаго Псалмопѣвца, о самыхъ благахъ;—тогда уже должно не возбранять устамъ своимъ, когда въ поученіи ума, т.-е. въ непрестанно рождающихся въ умѣ мысляхъ, возгорится огнь Божественный.

Пишешь: „Бросить N.—это бросить въ лицѣ его Самого Христа, обнаженнаго, изъязвленнаго, привязаннаго къ столбу темничному? Не броситъ ли и Онъ меня тогда?“ и проч.—Видишь, какъ краснорѣчива кровь твоя! Кто не увлечется ею! Ты, какъ Цицеронъ, можешь выпросить милость у Цесаря самому ненавистному для него Аппію Милону,—какъ Демосѳенъ можешь поднять всю Грецію на Филиппа!.. Пощади немощныхъ! Не устремляй на нихъ твоего слова силь-

наго!.. Пощади и немощнаго, такъ живо чувствующаго и выражающаго страданія другихъ, — живѣе, нежели они сами!—Въ твои прекрасныя выраженія облеклись,—такъ называемыя монашествующими Святыми Отцами — „оправданія“. Оправданіе—личина добродѣтели, которою Ловитель душъ нашихъ прикрываетъ разставляемыя имъ сѣти для ума и сердца нашего. О избавленіи отъ оправданій мы молимся съ колѣнопреклоненіемъ: „Не уклони сердце мое въ словеса лукавствія непщевати вины о грѣсѣхъ“. Говорилъ св. Пименъ Великій о естественной, падшей волѣ нашей и о оправданіяхъ: „Своя воля человѣческая есть стѣна мѣдная между имъ и Богомъ, камень противуударяющій. Если человѣкъ оставитъ свою волю, то и онъ скажетъ: о Бозѣ моемъ прейду стѣну, Богъ мой, непороченъ путь Его. Если же къ волѣ присоединится оправданіе, то погибаетъ человѣкъ“. Твоя „своя воля“: наклонность сердца къ N.; оправданія помогаютъ твоему пристрастію;—мыслишь, говоришь, повидимому Божественно, а мучишься ужасно,—можешь, если не примешь мѣръ, очень повредиться, повредиться неисцѣльно. За простоту и искренность твоего сердца Богъ посылаетъ тебѣ руку помощи!.. Понимаешь ли что сердце у тебя самое простое? Ничего въ немъ нѣтъ сложнаго. Не годишься для міра: тамъ нужны хитрые. Ты можешь быть хитрымъ и скрытнымъ только тогда, когда молчишь. Пріучись къ молчанію: оно необходимо тебѣ и для духовнаго подвига и для отстраненія наружныхъ, безплодныхъ скорбей. Твое сердце для Бога! Твое сердце для Духа Святаго: Онъ любитъ почивать въ сердцахъ простыхъ и незлобивыхъ. Ты и незлобивъ;—только тебя сбиваетъ кровь твоя. Уйми ее смиреніемъ и молчаніемъ. Смотри чаще на Христа: „Се Отрокъ Мой“, свидѣтельствуетъ о Немъ Отецъ: „Его-же изволихъ, Возлюбленный Мой, Нань же благоволи душа Моя: положу Духъ Мой на Немъ и судъ языкомъ возвѣститъ: не преречетъ, ни возопіетъ, ниже услышитъ кто на распутіяхъ гласа Его. Трости сокрушенны не преломитъ, и лена внемшася не угаситъ: дондеже изведетъ въ побѣду судъ. И на имя Его языцы уповати имутъ“ (Матѳ. 12, 18—21).

Съ помыслами никогда не должно разсуждать. Можетъ врагъ представитъ много логическаго, неопровержимаго, склонить нашъ умъ къ принятію лукавыхъ, убійственныхъ

помысловъ, замаскированныхъ личиною добродѣтели и благочестія. Пробнымъ камнемъ помысловъ для тебя да будетъ твое сердце. Какъ бы ни благовиденъ былъ помыслъ, но если отнимаетъ „миръ“ у сердца, тонко приводитъ къ нарушенію „любви съ ближними“,—онъ вражескій. Не спорь съ нимъ, не разсуждай;—а то уловитъ и заставитъ вкусить отъ запрещеннаго древа;—вооружайся скорѣе противъ него, гони его прочь отъ себя оружіями духовными: „Славословіемъ Бога“,—„Благодареніемъ Бога“,—„Преданіемъ себя Его волѣ“,—„укорененіемъ и осужденіемъ себя“, — „молитвою“. Превосходное оружіе при сильной брани: прійти въ свою келлію, повергнуться на минуту предъ Богомъ съ прошеніемъ Его помощи и преданіемъ себя Его волѣ. При сильной брани это повторяется нѣсколько разъ въ день—и очень помогаетъ.

Наблюдалъ ли ты за умомъ твоимъ? Изучалъ ли—какое его свойство?—У тебя умъ не аналитическій, который все разбираетъ по частямъ, анатомируетъ, и, послѣ этой работы, выводитъ свое заключеніе. Большая часть умовъ человѣческихъ имѣютъ свойства анализа, и по этому свойству способны хитрить, ловко устроивать дѣла свои, строить козни. Твой умъ безъ работы видитъ, обнимаетъ предметы. Этотъ умъ—для духовнаго видѣнія.—Вотъ еще что замѣть въ немъ: онъ съ свободою, наслажденіемъ можетъ пасть въ прахъ предъ величіемъ Божества; но чтобъ смириться предъ ближнимъ ему нуженъ трудъ надъ собою. Почему?—Потому что онъ по естеству своему имѣетъ презрѣніе ко всему подлому, пошлому, мелочному,—неспособенъ къ изгибамъ и изворотамъ. Видя эти недостатки въ ближнемъ, онъ презираетъ ближняго вмѣстѣ съ его недостатками. Умъ твой, наставленный Евангеліемъ, тогда смирится предъ каждымъ ближнимъ, когда увидитъ въ каждомъ ближнемъ Христа. Всѣ, крестившіеся во Христа, облечены во Христа. Чѣмъ бы и какъ бы они не оскверняли себя, риза Христова, до суда Христова,—на нихъ. Необходимо признать себя хуже всѣхъ человѣковъ: этого требуетъ святое смиреніе. Апостолъ не просто сказалъ, что онъ—первый изъ грѣшниковъ;—былъ убѣжденъ въ этомъ. И намъ надо убѣдить себя: здѣсь предлежитъ работа и трудъ. Богъ да даруетъ и мнѣ и тебѣ совершить его.—По причинѣ ума твоего, по причинѣ его от-

дѣльнаго устройства отъ большей части другихъ умовъ, тебѣ придется понести, и вѣроятно несешь уже, нѣкоторыя скорби. Рѣдкій поймет умъ твой. Видя его смѣтливость и бойкость, кто поймет, кто повѣритъ, что онъ простъ! Большая часть будутъ признавать тебя хитрымъ, съ замыслами, подозрѣвать тебя, придумывать на тебя и за тебя. Это неизбѣжно: аналитическіе умы не могутъ предположить даже существованіе ума безъ анализа, смотрящаго просто и ясно. Видя силу ума, они приписываютъ ее высшей степени анализа,—признаютъ глубокую, утонченную, обдуманную хитрость въ томъ, кто никогда не думаетъ,—глядитъ съ проницательною простотою на все, подлежащее взорамъ человѣческимъ.... Извини ближнихъ. Мы всѣ немощны. Исполненіе закона Христова и состоитъ въ томъ, чтобъ носить великодушно, любовно и смиренно тяготы другъ друга.

Доволенъ я, что ты мало читалъ книгъ религіозныхъ: лучше—скрижали неписанныя, нежели исписанныя безтолково. Неужели мнѣ придется писать на твоихъ?—Если такъ,—пусть будутъ начертаны на нихъ не мертвыя слова человѣческія, но живыя—Духа. Видя твою довѣренность ко мнѣ, присвоиваю себѣ право присылать тебѣ, по возможности моей, книги Святыхъ Отцевъ, какія сочту для тебя полезными. Это „мое“, „свое“ даю тебѣ: таково было мое поведеніе; я напитывалъ себя и доселѣ напитываю исключительно чтеніемъ Св. Отцевъ Восточной Церкви, тщательно хранясь, по ихъ же святому совѣту, отъ книгъ, содержащихъ въ себѣ лжеученіе, которое содержатъ въ себѣ всѣ книги, написанныя внѣ спасительнаго лона единой истинной Церкви. Прими „мое“, когда Богъ возвѣстилъ тебѣ желать его. Не читай никакихъ инославныхъ сочинителей: у нихъ Духъ Святый замѣненъ кровію необузданною, пламенною; они могутъ завлечь въ пропасть—и завлекаютъ туда многихъ. Духа Святаго нѣтъ у нихъ; у нихъ свой духъ,—мрачный, льстивый духъ ереси темной и гордой. Упоминаемое тобою „дѣйствіе“, произведенное въ тебѣ чтеніемъ описанія—какое впечатлѣніе имѣли на Іоанна Богослова и Мvроносицъ отдаленные звуки молотовъ, ударявшихъ въ гвозди при распятіи Спасителя, было „кровяное“. Пойми: потрясены были нервы. Таковыя дѣйствія отвергаются въ духовномъ подвигѣ, называются „прелестными“, т. е. происходящими отъ самооболь-

щенія и приводящими къ нему:—потому что онѣ не отъ благодати Божіей, а собственное состояніе человѣческое, свойственное естеству нашему падшему, до котораго дойдено напряженіемъ воображенія, и чувствительности. Неопытные въ духовной жизни приписываютъ такія состоянія свои дѣйствію благодати; отъ сего является мнѣніе о себѣ; усвоившееся мнѣніе есть самообольщеніе или прелесть. По этому должно держать себя въ состояніи ровности, тишины, спокойствія, нищеты духа, удаляясь тщательно отъ всѣхъ состояній, производимыхъ разгоряченіемъ крови и нервъ.—Не ударяй себя ни въ грудь, ни въ голову, для исторженія слезъ: такія слезы—отъ потрясенія нервовъ, кровяныя, не просвѣщающія ума, не смягчающія сердца. Ожидай съ покорностію слезы отъ Бога. Какой-то святый, невидимый перстъ, — какой-то тончайшій помыслъ смиренія, коснется сердца—и придетъ слеза тихая, слеза чистая, измѣнитъ душу, не измѣнитъ лица; отъ нея не покраснѣютъ глаза,—кроткое спокойствіе проліется въ выраженіе лица, содѣлаетъ его Ангело-подобнымъ.

Когда я дочиталъ въ твоемъ письмѣ до слѣдующаго: „ни малѣйшаго луча благодати или признака добра не нахожу въ томъ, о комъ такъ громко и много говорили люди... И ваше незлобивое сердце повѣрило молвѣ и вѣрно осудило въ неправдѣ мою раздражительность“...—я отъ души разсмѣялся... Мнѣ нуженъ письменный твой отвѣтъ, чтобъ мнѣ оправдаться предъ самимъ собою. Я не довѣряю никому такъ мало, какъ самому себѣ; не страшусь никого болѣе, какъ самаго себя. Кто я, чтобъ вести къ Богу душу человѣческую, созданную по образу и подобію Его? Моя душа заблудилась въ пустынѣ, увязла въ тимѣніи. На заботы объ ней нужно мнѣ употребить краткое время моего земнаго странствованія. Таковъ я предъ моими очами, ...Христосъ съ тобою.

12 Окт. 1847 г.

Письмо LXXXIX

къ брату занимающемуся умною молитвою.

Какъ ты думаешь?—въ чемъ недостатокъ, на который могъ бы я особенно пожаловаться при неисходномъ изъ келліи

уединеніи моемъ?—На недостатокъ времени. Болѣзненность и леченіе пожираютъ у меня все время. Лежу, лежу, лежу въ бездѣйствіи, въ онѣмѣніи: сильное лѣкарство вытягиваетъ изъ жилъ и костей застарѣвшую простуду, какъ цирульникъ выдавливаетъ кровь изъ припущенной пьявицы. Если Богъ дастъ, поокрѣпну,—придутъ занятія, которыя теперь терпѣливо ждутъ меня,—начнутъ отнимать время. Если возвращусь въ Петербургъ и Сергіеву Пустынь,—тамъ обрушатся на меня братія, друзья, знакомые, любопытные, дѣла монастыря и монастырей,—похитятъ все время. Подумалъ я: теперь, въ свободныя минуты мало по малу составлю для Леонида обѣщанное ему мною описаніе и объясненіе нѣкоторыхъ иноческихъ дѣланій,—вмѣстѣ дамъ отвѣты на нѣкоторыя статьи его писемъ.

Мы не сходимся съ тобою въ понятіяхъ при нѣкоторыхъ употребляемыхъ нами выраженіяхъ; подъ однимъ и тѣмъ-же словомъ ты разумѣешь одно,—я другое. Напримѣръ подъ словомъ: „духовный, духовность“, ты разумѣешь то, что всѣ нынѣ приняли разумѣть,—такимъ разумѣніемъ удаляешься отъ смысла, соединеннаго съ этимъ словомъ въ Священномъ Писаніи и Писаніяхъ Святыхъ Отцевъ. Нынѣ книга—лишь о религіозномъ предметѣ, уже носитъ имя „духовной“. Нынѣ—кто въ рясѣ, тотъ—неоспоримо „духовный“;—кто ведетъ себя воздержно и благоговѣйно, тотъ „духовный“ въ высшей степени! Не такъ научаетъ насъ Св. Писаніе, не такъ научаютъ насъ Святые Отцы. Они говорятъ, что человѣкъ можетъ быть въ трехъ состояніяхъ: въ естественномъ, нижеестественномъ или чрезъестественнымъ и вышеестественномъ. Эти состоянія иначе называются: душевное, плотское, духовное. Еще иначе: пристрастное, страстное, безстрастное. Нижеестественный, плотской, страстный есть служащій вполнѣ временному міру, хотябы онъ и не предавался грубымъ порокамъ. Естественный, душевный, пристрастный есть живущій для вѣчности, упражняющійся въ добродѣтеляхъ, борющійся со страстями, но еще не получившій свободы, невидящій ясно ни себя, ни ближнихъ, а только гадательствующій какъ слѣпецъ, ощупью. Вышеестественный, духовный, безстрастный есть тотъ, кого осѣнилъ и обновилъ Духъ Святый, кто будучи исполненъ Имъ, дѣйствуетъ, говоритъ подъ вліяніемъ Его, возносится превыше страстей, превыше естества своего.

Такіе,—точно: свѣтъ міру и соль земли,—видятъ себя, видятъ и ближнихъ; а ихъ увидѣть можетъ только подобный имъ духовный. „Духовный вся востязуетъ, самъ же ни отъ единаго востязуется“ (1 Кор. 2, 15), говоритъ Писаніе. Такіе встрѣчаются нынѣ крайне рѣдко. Въ жизни моей я имѣлъ счастіе встрѣтить одного,—и до нынѣ странствующаго на земли,—старца, лѣтъ около 70, изъ крестьянъ, малограмотнаго: онъ жилъ во многихъ мѣстахъ Россіи, въ Аѳонской горѣ,—говорилъ мнѣ, что и онъ встрѣтилъ только одного. Держись, какъ въ этомъ случаѣ, такъ и въ другихъ терминологіи Св. Отцевъ, которая будетъ соотвѣтствовать твоей жизни практической, которая часто несогласна съ терминологіею новѣйшихъ теоретиковъ. Прости, что назову теоретиковъ—мертвыми! Пусть эти мертвые возятся съ своими мертвецами, т. е. съ тѣми, которые хотятъ слышать Слово Божіе съ цѣлію насладиться краснорѣчіемъ, кровяными порывами, игрою ума, но не съ тѣмъ чтобы „творить Слово“.—Послѣднимъ нужно сказать: „съ какою пріятностію мы слушали,—провели время“, а первымъ нужно, чтобъ объ нихъ сказалъ міръ: „ахъ! какъ они умно, прекрасно говорятъ“. Не прельстись ни умомъ естественнымъ, ни краснорѣчіемъ! Это все—прахъ! Этому краснорѣчію и этому уму сказано: „земля еси!“ Впрочемъ я понимаю, что ты вкусивши жизни не можешь удовлетвориться мертвымъ! Прекрасно сказалъ Св. Симеонъ Новый Богословъ: „Притворяющихся добродѣтельными и кожею овчею, по наружности являющихъ одно, другое же сущихъ по внутреннему человѣку, всякія исполненныхъ неправды, полныхъ зависти и рвенія и сластей злосмрадія, весьма многіе яко безстрастныхъ и Святыхъ чтутъ, имѣя неочищенное душевное око, ниже могуще познати ихъ отъ плодовъ ихъ; во благоговѣніи же и добродѣтели и простотѣ сердца пребывающихъ и святыхъ сущихъ вопстинну, яко прочихъ отъ человѣкъ пренебрегаютъ, и, презирающе ихъ, претекаютъ, и за ничтоже вмѣняютъ.—Глаголиваго и тщеславнаго, учительнымъ паче и духовнымъ таковые быти вмѣняютъ. Духомъ Святымъ вѣщающаго, высокомудренніи и гордостію недугующіе діаволею, яко высокомудра и горда отвращаются, отъ словесъ его ужасающеся, паче нежели умиляющеся. Отъ чрева же и ученій тонтословствующаго, и противу спасенія своего лгущаго, вельми похваляютъ и пріі-

емлютъ". [1]) Равнымъ образомъ только тѣ книги въ точномъ смыслѣ могутъ быть названы „духовными", которыя написаны подъ вліяніемъ Святаго Духа. Не увлекайся общимъ потокомъ, но слѣдуй по узкой стезѣ вслѣдъ за Святыми Отцами. Ты полюбилъ мое: сообщаю тебѣ, какъ я старался вести себя.

Написалъ ты мнѣ въ письмѣ твоемъ: „Бѣгай людей и спасешься!" „былъ вѣщій гласъ къ Арсенію.—Какъ-же любящему безмолвіе сносить тѣсноту общежитія наравнѣ съ новоначальными и еще мятущимися охотно?"—Когда Святый Арсеній былъ въ столицѣ, при Дворѣ Царскомъ, и молился Богу, при повстрѣчавшемся ему искушеніи, не зная, что дѣлать, то былъ ему гласъ: „бѣгай человѣкъ, и спасешься!"—И тебѣ былъ этотъ гласъ, раздавался онъ въ душѣ твоей, когда ты жилъ среди многокозненнаго міра; ты послушался его, удалившись въ уединенную обитель. Ты сдѣлалъ это съ простотою сердца, искренностію, простотою намѣренія, съ малымъ предъуготовительнымъ знаніемъ монашеской жизни. Тебя повстрѣчали неожиданныя скорби и недоумѣнія! Что до того?—Богъ любитъ тебя, хочетъ даровать тебѣ милость Свою, упремудритъ тебя,—такъ говорилъ святый инокъ—старецъ, святому иноку—юношѣ, жаловавшемуся на скорби.—Богъ послалъ скорби; Онъ пошлетъ и утѣшеніе. Когда Святый Арсеній былъ уже въ монастырѣ,—опять молился Богу: „Господи! научи меня, какъ мнѣ спастись!" Ему данъ былъ отвѣтъ уже полнѣе: „Арсеній, бѣгай людей, молчи, безмолвствуй: это корни безгрѣшія".—И ты уже въ обители услышалъ: „пріучись къ молчанію", которое очень много способствуетъ безмолвію. Уже въ обители ты услышалъ: „умри для людей"—тоже, что и „бѣгай людей". Ты услышалъ: „научись безмолвію между людьми, при посредствѣ душевнаго подвига", Арсеній Великій, говаривалъ въ наставленіе братіи изъ своихъ опытовъ: „подвизайся, сколько у тебя силъ, чтобъ внутреннимъ твоимъ дѣланіемъ, которое ради Бога, было побѣждено все внѣшнее".—Макарій Великій, основатель и главный наставникъ знаменитаго подвижничествомъ Скита Египетскаго, въ которомъ жилъ и Арсеній Великій, говаривалъ обыкновенно братіи, по окончаніи Божественной

---

[1]) 1-я часть Добротолюбія, гл. 70, 71 и 72.

литургіи: „бѣгите братія“. Однажды старцы возразили ему: „куда намъ бѣжать далѣе этой уединеннѣйшей пустыни?“ Великій угодникъ Божій показалъ имъ перстомъ на уста и повторилъ: „бѣгите братія!“

Умоляю тебя: дай цѣну, дай должный вѣсъ дѣланію Святыхъ Отцевъ, которому они научились изъ Божественныхъ откровеній; дай цѣну дѣланію, которое содѣлаетъ для тебя удобнымъ спасеніе и преуспѣяніе;—дай, хотя ты, цѣну дѣланію,—говорю съ плачемъ и слезами,—дѣланію, которое нынѣ отвергнуто монахами, попрано ими, погребено въ глубокое забвеніе, въ неизвѣстность, замѣнено,—не знаю чѣмъ—какими-то играніями. „*По Христѣ убо молимъ, яко Богу молящу нами, молимъ по Христѣ!*“ (2 Кор. 5, 2)—говорилъ Апостолъ. Увы! Ищу въ себѣ самоотверженія и не обрѣтаю его! Ищу человѣка, который бы рѣшился отвергнуться волей своихъ и, обнаженный всякой воли, всецѣло захотѣлъ послѣдовать Христу, исполнять Его волю,—и не встрѣчаю такого человѣка! Тоскуютъ мои взоры между многолюдствомъ какъ-бы въ безлюдной пустынѣ,—не находятъ зрѣлища, на которомъ бы остановились съ утѣшеніемъ!... Всѣ мы возлюбили свои пустыя и глупыя пожеланія, возлюбили тлѣнное, временное, плоть и кровь, въ нихъ живущую—смерть вѣчную!... Пусть узкій—путь самоотверженія; тѣсно на пути широкомъ своеугодія!—Тѣснимся, торопимся, толкаемъ другъ друга въ преисполненную уже, въ пресыщенную уже пропасть ада!—Есть и нынѣ подвижники,—нѣтъ на нихъ вѣнцовъ побѣдныхъ, вѣнцовъ Христовыхъ. Вѣнецъ Христовъ—Духъ Святый. Духомъ Святымъ вѣнчаетъ Христосъ Своихъ воиновъ побѣдителей. Нынѣ не нисходитъ Духъ: потому что подвижники подвизаются незаконно. „*Аще и подвизается кто*“, сказалъ Апостолъ: „*не вѣнчается, аще не законно подвизатися будетъ*“. „*Никтоже бо воинъ бывая*“—возвѣщаетъ онъ: „*обязуется куплями житейскими да воеводѣ угоденъ будетъ*“ (2 Тимоѳ. 2). Все, что препятствуетъ самоотверженію и вводитъ въ сердце молву,—купля житейская. Гнѣвно взираетъ на нее Богъ,—отвращается отъ воина, обязавшагося куплею житейскою! Потому Святый Апостолъ убѣждаетъ ученика своего къ истинному духовному подвигу: „Ты убо злопостражди яко добръ воинъ Іисусъ Христовъ“.—Говоритъ Преподобный Исаакъ Сирскій о подвижникахъ, не заботящихся объ иско-

реченіи душевныхъ страстей: „Они ничего не пожнутъ. Какъ сѣющіи въ терніи не могутъ ожидать никакого плода, такъ и тѣ, которые потребляютъ себя злопомнѣніемъ и привязанностями; они ничего не возмогутъ совершить—лишь тщетно стонутъ на ложахъ своихъ отъ бдѣнія и прочихъ утѣсненій. И свидѣтельствуетъ о нихъ Писаніе: „*Мене день отъ дне ищутъ, и разумѣти пути Моя желаютъ, яко людіе правду сотворшіи, и суда Бога Своего не оставльшіи; просятъ нынѣ у Мене суда праведна, и приближитися ко Господу желаютъ, глаголюще: что яко постихомся, и не увидѣлъ еси? Смирихомъ души наша и не увидѣлъ еси? Во дни пощеній вашихъ обрѣтаете воли ваша*“, (Исаіи 58), т. е. исполняете мысли ваши, приносите ихъ какъ всесожженія, идоламъ; вы признали какъ бы богами лютыя помышленія ваши, вы приносите имъ въ жертву самовластіе ваше, честнѣйшее всѣхъ жертвъ, которое слѣдовало бы вамъ освятить Мнѣ благодѣланіемъ и чистою совѣстію“ (Исаакъ Сирскій сл. 58).—Говоритъ Святый Симеонъ: „Если кто преложитъ любовь къ Жениху Христу на любовь къ чему нибудь другому, тайно или явно, и сердце его удержано будетъ этою любовію; тотъ дѣлается ненавистнымъ, мерзостнымъ Жениху, недостойнымъ соединенія съ Нимъ. Онъ сказалъ: Азъ любящихъ Мя люблю“. Добротолюб. ч. 1-я, гл. 81.

Послушай, какъ древніе иноки глубоко уважали дѣланія святыя, какую давали имъ безцѣнную цѣну! Мы, омраченные, неспособны даже понять этого: потомучто не жили существенною, внимательною жизнію;—жили какъ-то легко вѣтрено, какъ бы шутя, какъ-бы вѣря и не вѣря вѣчности, двоякому воздаянію въ ней. „Нѣкогда Великій угодникъ Божій старецъ Даніилъ пошелъ съ ученикомъ своимъ изъ Скита въ обитель горней Ѳиваиды, гдѣ жилъ Авва Аполлосъ. Отцы, услышавъ о пришествіи его, вышли навстрѣчу ему за семь поприщъ отъ обители. Ихъ было болѣе пяти тысячъ мужей, въ числѣ которыхъ пятьсотъ знаменоносныхъ. Представилось чудное зрѣлище! Они всѣ лежали ницъ на пескѣ, ожидая принять Старца, какъ бы Ангелы ожидали принять Христа. Одни изъ нихъ постилали ему подъ ноги свои одежды, другіе—клобуки свои, и источники слезъ лились изъ очей ихъ. Пришелъ Отецъ Аполлосъ и, подходя къ Старцу, седьмь кратъ падалъ ницъ предъ нимъ, покла-

няясь ему. Потомъ они привѣтствовали другъ друга съ любовію. Братія начали умолять Старца, чтобъ сподобилъ ихъ услышать изъ устъ его слово спасенія. Старецъ не скоро начиналъ говорить съ кѣмъ бы то ни было. Они сѣли на пескѣ внѣ монастыря. Церковь не могла вмѣщать ихъ всѣхъ. Отецъ Даніилъ велѣлъ написать ученику своему слѣдующее: „если желаете спастись,—держите нестяжаніе и молчаніе: потомучто въ этихъ двухъ дѣланіяхъ—все монашеское жительство“.—Написалъ ученикъ сказанное ему старцемъ и отдалъ одному изъ братіи, который прочиталъ это братіямъ Египтянамъ. Всѣ пришли въ умиленіе и начали плакать (Патерикъ Скитскій).

Какова была жизнь Старца, что онъ возмогъ всю жизнь монашескую сократить въ два слова!—двумя словами положить рѣшительныя границы для ума и сердца, опредѣлилъ дѣланіе спасенія!—Какова была жизнь братій, какъ души ихъ были богаты опытами вниманія себѣ, разсматриванія себя, что поняли всю глубину слова старцева и отвѣчали ему общимъ рыданіемъ! Нестяжаніе,—то же, что и умерщвленіе ко всему,—содержать въ свободѣ сердце отъ всего земнаго; а молчаніе, обратившееся въ навыкъ, даетъ ему всю свободу непрестанно глядѣть въ сердце. Вотъ живый образъ истиннаго безмолвника, истиннаго инока, мертвеца для міра, таинственнаго священника и архіерея, приносящаго Богу непрестанную жертву глубокихъ, святыхъ помышленій и чувствованій, и жертву превысшаго ихъ сердечнаго и умнаго молчанія,—этого таинственнаго, священнаго мрака, за которымъ непосредственно—Богъ.

Послушай, что Господь сказалъ. Дай цѣну и вѣсъ словамъ Господа!... все для насъ безъ цѣны и безъ вѣсу!... Съ цѣною и вѣсомъ только одни наши пожеланія!... „*Подобно есть Царствіе небесное сокровищу сокровенну на селѣ, еже обрѣтъ человѣкъ скры: и отъ радости его идетъ, и вся елика имать, продаетъ и купуетъ село то*“. (Матѳ. 13, 44).—Что за сокровище? — Духъ Святый, вводящій въ душу Отца и Сына.—Какое село, на которомъ скрыто это сокровище?—Покаяніе.—Какъ это село обрѣтается? Живою вѣрою. — Что значитъ радость?—Разженная ревность къ дѣлу Божію, раждающаяся отъ живой вѣры.—Что знаменуетъ: „скры“.—Молчаніе и безмолвіе.—Что значитъ: „вся елика имать про-

даетъ и купуетъ село?“—Нестяжаніе. Все, все надо продать, всякое пристрастіе, всякую сердечную наклонность, чтобъ купить покаяніе. Иначе оно не продается. Если удержана бездѣлица сердцемъ,—не можетъ сердце наслѣдовать покаянія: эта бездѣлица развлекаетъ его. Скрыться надо молчаніемъ, скрыться не только отъ людей,—если можно, и отъ себя. Кто же это исполнитъ, того—село покаянія; кто пріобрѣлъ это село—того сокровище—Всесвятая Троица. О! когда бы Она призрѣла на насъ бѣдствующихъ въ волнахъ невидимаго моря, даровала бы намъ, мнѣ и тебѣ, самоотверженіемъ наслѣдовать страну покаянія, содѣлалась бы нашимъ сокровищемъ, богатствомъ неизмѣримымъ и неисчислимымъ.

Позволь мнѣ сдѣлать тебѣ предложеніе: согласись, чтобъ за молчаніе, когда будешь мало-по-малу вводить себя въ навыкновеніе молчанія, тебя сочли немного страннымъ, сказали бы о твоей странности и то и другое. Согласись на это съ великодушіемъ: оно не будетъ противно волѣ Божіей и уединитъ болѣе твое сердце. „*Аще кто мнится мудръ быти въ вѣцѣ семъ*“, заповѣдалъ Богъ Своимъ Апостоламъ „*буй да бываетъ яко да премудръ будетъ*“—(1 Кор. 7, 18).

Пишешь: „дома у меня нѣтъ уединенія, въ храмѣ оно часто нарушается... соединенію мыслей мѣшаетъ безпокойный помыслъ: за мною подглядываютъ“. Въ евангеліи сказано: „*назираху да обрящутъ рѣчь нань*“ (Лук. 6, 7). За кѣмъ „*назираху*“? За Господомъ. Позволь, чтобъ и за тобою назирали, примирись съ этимъ. Не отказывайся отъ чаши Христовой, какъ въ этомъ случаѣ, такъ и во всѣхъ. Скажи себѣ: „съ Христомъ такъ поступали, отъ чего же со мною не поступить такъ“? Земная жизнь наша коротка—точно обманъ: ея скорби, по самой—вещи, ничего не значатъ;—имѣютъ столько значенія, сколько имъ даемъ его. Смиреніе принесетъ въ твое сердце миръ, молитву, безмолвіе.—Когда ты дома—думай, что ты съ Ангелами; принося услугу, обращаясь съ ними, говори мысленно: „Ангелы Божіи! примите служеніе отъ грѣшника“. Сидишь—ли за трапезой, за чаемъ, за рукодѣліемъ, говори себѣ: „Сподобляюсь быть съ Ангелами Божіими“. Любовь къ ближнему въ Богѣ приноситъ сердцу утѣшеніе отъ Бога, а это утѣшеніе уединяетъ человѣка въ самомъ себѣ. Онъ любитъ ближняго и вмѣстѣ мертвъ для

него; сердце его погружается въ безмолвіе, которое—начало любви Божіей.

Пишешь: „Не освобождаясь отъ тревожныхъ ощущеній сердца, и волненій ума и принуждая себя къ мысленному занятію, я только чувствую сильную головную боль и нервное разстройство".—Повторяю тебѣ, что всѣ внѣшнія волненія и тревоги должны быть побѣждены внутреннимъ дѣланіемъ. Надо, чтобы съ сердца началось обновленіе; сердце—корень. „*Аще корень святъ, то и вѣтви*" (Матѳ. 23, 26). Этотъ образъ подвига установленъ Самимъ Спасителемъ. „*Очисти прежде внутреннее стклянницы и блюда*", сказалъ Онъ: „*да будетъ и внѣшнее ихъ чисто*" (Матѳ. 23, 26). Придетъ тревога,—отвергни мысли, приносящія ее, уйми волненіе крови, принимая за вѣрное, что всякая мысль, приносящая тревогу,—Богопротивная, и опять продолжай молитвенное занятіе. Во всѣхъ подвигахъ, въ особенности же въ молитвѣ, требуется постоянство и терпѣніе. Нетерпѣливость сбиваетъ нѣжный цвѣтъ ея, какъ иней и вѣтры сбиваютъ цвѣтъ плодовитыхъ деревьевъ. „Въ молитвахъ терпите", (Колос. 4, 2), сказалъ Апостолъ: это отличительное свойство упражненія молитвою. Сначала,—вводя умъ въ молитву, пріучая къ ней, не держи его долго въ ней, чтобъ онъ не утомился излишне, но зато почаще вводи его въ молитвенное занятіе. Ахъ! требуетъ понужденія это занятіе! Не любитъ преступникъ—умъ нашъ—темницы молитвенной; ему нужна безумная свобода; съ насиліемъ надо влечь его въ темницу, въ узы; безъ того не укротится, не возвратится къ здравому смыслу бѣснующійся. Въ свое время, когда онъ укротится, сдѣлается тихъ, какъ Ангелъ,—выдетъ ему навстрѣчу сердце со всѣми душевными силами, какъ съ чадами, со всѣми тѣлесными способностями, какъ съ рабами,—и бываетъ миръ дому тому, святый миръ отъ пресвятаго Господа, праздникъ велій обновленія и воскресенія.—Головная боль—обыкновенный первоначальный спутникъ глубокаго вниманія слову Божію и молитвѣ. „*Живо слово Божіе*", говоритъ Апостолъ: „*и дѣйственно и острѣйше паче всякаго меча обоюду остра и проходящее даже до раздѣленія души же и духа, членовъ и мозговъ и судительно помышленіемъ и мыслемъ сердечнымъ*". (Евр. 4, 18). Не только у тебя она болитъ, нетолько болѣла у меня; болѣла она у Святыхъ Отцевъ,—и они это помѣстили въ своихъ Пи-

саніяхъ. Говоритъ Преподобный Григорій Синайскій: „И рамены боля и главою многажды болѣзнуя, терпи та притруднѣ и рачительнѣ, взыскуя въ сердцѣ Господа". Бываетъ по временамъ отъ упражненія въ молитвѣ разслабленіе всего тѣла, потъ, жаръ; все это у начинающихъ;—у преуспѣвшихъ, молитва укрѣпляетъ, питаетъ душу и тѣло. Но потъ бываетъ и у нихъ. Впрочемъ тебѣ преподанъ самый легчайшій способъ вниманія и молитвеннаго подвига, чуждый всякаго труднаго механическаго тѣлеснаго упражненія, для котораго необходима крѣпость здоровья. На мелочи, на всѣ ощущенія въ тѣлѣ, обращай какъ можно меньше вниманія, наблюдай, чтобъ умъ твой пребывалъ въ покаяніи и удалялся отъ развлеченія. Надѣюсь, что головныя боли твои не будутъ долго продолжаться. И у меня продолжались не долго. Послѣ того, когда онѣ прошли, молитвенное занятіе сдѣлалось какъ бы болѣе свойственнымъ уму и болѣе легкимъ для него. Ты не требуй отъ ума твоего, при молитвѣ, превышающаго силы его, напримѣръ, нерушимой полной неразсѣянности. Показывай мысленно немощь и ветхость твою Богу, говори: „Господи! Ты видишь всю ветхость мою!"—и, терпя, терпи великодушно немощь ума твоего. Не напрасно и не безъ цѣли сказано: *„Терпя, потерпѣхъ Господа,— и внятъ ми, и услыша молитву мою: и возведе мя отъ рова страстей, и отъ бренія тины, и постави на камени нозѣ мои, и исправи стопы моя. И вложи во уста моя пѣснь нову"* (Псал. 39, 1—4).

Во второмъ письмѣ пишешь: *Изми мя, Господи, отъ человѣка лукава, отъ мужа неправедна избави мя, иже помыслиша неправду въ сердцы, весь день ополчаху брани. Изостриша языкъ свой яко зміинъ, ядъ аспидовъ подъ устнами ихъ. Сохрани мя, Господи, изъ руки грѣшничи, отъ человѣкъ неправедныхъ изми мя, иже помыслиша запяти стопы моя".*—Какъ ты думаешь, кто человѣкъ лукавый, мужъ неправедный, грѣшникъ, весь день ополчающій брани, съ ядомъ аспида подъ устами?— Это діаволъ.—Когда Святый Давидъ проклинаетъ враговъ, или правильнѣе, устами его Духъ Святый, то въ этихъ случаяхъ надо всегда разумѣть духовъ нечистыхъ, враговъ рода человѣческаго, отнявшихъ у насъ рай, хотящихъ отнять дарованное намъ Богомъ искупленіе и спасеніе. Въ Писаніи діаволъ иногда называется человѣкомъ. Такъ Спа-

ситель назвалъ посѣявшаго плевелы между пшеницею *„врагомъ-человѣкомъ“*. Книга Псалтырь—возвышеннѣйшая духовная книга. Въ ней глубоко и подробно описанъ внутренній подвигъ воина Христова. Часто употреблены прообразовательныя тѣни и иносказанія, дающія книгѣ таинственность и темноту—(не безъ причины на ней завѣса!). Не надо принимать ее буквально: буквальное разумѣніе Писанія убиваетъ душу. Необходимо разумѣніе духовное: оно оживотворяетъ, поставляетъ на стези правыя, святыя. Духъ Божій, заповѣдуя устами Давида совершенную ненависть къ невидимымъ врагамъ душевнымъ, научающій насъ прибѣгать молитвою къ Богу о сокрушеніи и истребленіи ихъ,—въ то же время требуетъ отъ насъ любви ко врагамъ нашимъ—человѣкамъ, требуетъ прощенія нанесенныхъ намъ обидъ отъ нашихъ ближнихъ, требуетъ этого съ заклинаніемъ: *„Господи Боже мой“*, молится Псалмопѣвецъ: *„аще сотворихъ сіе, аще есть неправда въ руку мою, аще воздахъ воздающимъ ми зла: да отпаду убо отъ враговъ моихъ тощь, да пожренетъ убо врагъ душу мою, и да постигнетъ, и попретъ въ землю животъ мой, и славу мою въ персть вселитъ“* (Пс. 7, 4—6). Здѣсь представлены двѣ стороны, дѣлающія зло: ближніе, человѣки,—и діаволы. Духъ Святый научаетъ насъ, что мщеніемъ, воздаяніемъ ближнему зла за зло,—словами-то, или дѣлами, или помыслами,—человѣкъ призываетъ на себя брань невидимаго врага, побѣжденіе, низложеніе имъ, потерю благодати. *„Слава“*—благодать Духа. „Молящійся за человѣковъ, причиняющихъ обиды“, сказалъ Преподобный Марко Подвижникъ: „сокрушаетъ бѣсовъ; а препирающійся съ первыми, сокрушается отъ вторыхъ“. Все это ты испыталъ самымъ опытомъ. Итакъ отвергни всѣ оправданія, которыя всѣ неправильны, потому что противоборствуютъ заповѣди Божіей; постарайся непремѣнно стяжать любовь къ врагамъ, и доколѣ не возможешь взять этой твердыни, *„укрѣпи брань“*, брань постоянную, повторяй приступы за приступами. То-есть молись за тѣхъ, отъ которыхъ терпишь напасти, и исполняй заповѣданное Господомъ, относительно враговъ въ концѣ 5-й главы Евангелія Матѳея,—получишь непремѣнно исцѣленіе! Въ свое время начнетъ развѣваться знамя побѣды, знамя Креста Христова, на стѣнахъ твоего Іерусалима.—Знай: Божественное Писаніе, неправильно по-

нимаемое и толкуемое, можетъ погубить душу. Такъ сказалъ Святый Апостолъ Петръ о посланіяхъ святаго Апостола Павла, распространивъ это замѣчаніе и на прочія книги Священнаго Писанія (2 Петр. 3, 16), что особенно должно отнести къ Ветхому Завѣту, исполненному прообразованій, тѣней, а потому и священной мрачности. Осторожно обходись съ мечемъ обоюду-острымъ—Писаніемъ. Святые Отцы совѣтуютъ новоначальнымъ инокамъ болѣе чѣмъ въ чтеніи Священнаго Писанія упражняться въ чтеніи дѣятельныхъ Отеческихъ сочиненій, въ которыхъ объяснены подробно иноческіе подвиги и указанъ путь къ правильному разумѣнію Священнаго Писанія. И ты послѣдуй этому святому и спасительному совѣту Отцевъ. По той же причинѣ новоначальнымъ полезнѣе для молитвословій читать акаѳисты и каноны, нежели Псалтырь. Но превосходнѣе всего когда умъ достигнетъ до того, чтобъ ему вполнѣ удовлетворяться молитвою: „*Господи, Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя грѣшнаго*“.

Пишешь во второмъ письмѣ: „Жажду, а не жду отъ себя ничего добраго, ниже совершеннаго чувства покаянія или смиренія“.—Покаяніе—дивная благодать Божія, безцѣнный даръ Божій, совокупность всѣхъ дѣланій иноческихъ. Инокъ, воспитанный всѣми частными дѣланіями, достигшій значительной зрѣлости, оставляетъ многія оружія свои, облекается въ одежду покаянія и въ ней входитъ во внутреннюю душевную клѣть свою. Когда онъ войдетъ туда и раздастся въ ней благоуханіе священнаго кадила молитвъ сокрушенныхъ и смиренныхъ; тогда нисходитъ Духъ къ плачущей душѣ и благовѣствуетъ ей миръ отъ Бога. На все есть свое время. „*Времена и лѣта положилъ Отецъ Небесный во власти Своей*“ (Дѣян. 1, 7.). Ты не требуй отъ души своей излишняго; сиди при дверяхъ покаянія съ самоотверженіемъ, какъ по всѣмъ отношеніямъ вдовица, и тѣмъ доказывай, что истинно желаешь смиренія, отъ котораго—покаяніе; податель того и другого—одинъ Богъ.

Въ прошедшемъ письмѣ написалъ я тебѣ, какъ бороться съ помыслами и возмущеніями. Опять повторяю: препоясься мечемъ, облекись во всеоружіе. Не удостоивай враговъ твоихъ не только бесѣды, ниже слова, ниже воззрѣнія. Только что услышишь гласъ войны,—вставай на сраженіе, возгла-

шая твоимъ помышленіямъ и чувствованіямъ: „*мужаемся и „укрѣпимся о людехъ нашихъ и о градѣхъ Бога нашего!*“ (2 Цар. 10, 12). Гласъ войны—нарушеніе мира сердечнаго. Едва миръ сердца начнетъ нарушаться, колебаться,—знай: идутъ иноплеменники. И вотъ тебѣ завѣтъ отъ Бога относительно поведенія твоего съ иноплеменниками: „*Избіеши я, пагубою погубиши я: да не завѣщаеши къ нимъ завѣта, ниже помилуеши ихъ: ниже сватовства сотвориши съ ними: дщери твоея не даси сыну его, и дщери его да не поймеши сыну твоему. Отвратитъ бо сына твоего отъ Мене и послужитъ бѣсомъ инѣмъ: и разгнѣвается Господь гнѣвомъ на вы, и потребитъ тя вскорѣ. Но сице да сотворите имъ: требища ихъ разсыплете, и столпы ихъ да сокрушите, и дубравы ихъ да посѣчете, и ваянія боговъ ихъ да сожжете огнемъ: яко люди святи есте Господеви Богу вашему и васъ избра Господь Богъ вашъ*“ (Второз. 7, 2—6). Сватовствомъ и супружествомъ изображается здѣсь бесѣда съ помыслами грѣховными, принятіе, усвоеніе помысловъ и ощущеній грѣховныхъ. Кумиры—предметы пристрастія, страсти, особенной привязанности; ихъ должно сжечь огнемъ молитвы, огнемъ любви по Богу. Требища—своя воля, воля плоти и крови: столпы—оправданія; дубравы тѣнистыя—плотской разумъ, которымъ заслоняется отъ насъ Свѣтъ Божественный. Исполняли это повелѣніе Божіе истинные рабы Божіи. Когда Давидъ завладѣлъ столицею Аммонитянъ, Равваѳомъ,—„*взя*“, говоритъ Писаніе: „*вѣнецъ Малхома царя ихъ съ главы его, таланта злата вѣсъ его и отъ каменія драга, и бѣ на главѣ Давидовѣ, и корысть изнесе изъ града многу зѣло. И люди сущія въ немъ изведе, и положи на пилы и на трезубы желѣзны и на сѣкиры желѣзны, и превождаше ихъ сквозь пещь плинѳяну. И тако сотвори всѣмъ градомъ Аммонимъ, и возвратися Давидъ и весь Израиль во Іерусалимъ*“ (2 Цар. 12, 30, 31).—Точно: славословіе Бога, благодареніе Богу за все случающееся скорбное, преданіе себя всецѣло волѣ Божіей, съ отверженіемъ своей воли, молитва за враговъ, благословеніе враговъ, какъ орудій Промысла Божія,—и прочія святыя дѣланія:—и пилы, и трезубы и сѣкиры и пещь плинѳяная для грѣховныхъ помысловъ и ощущеній. Умъ нашъ,—таинственный Давидъ,—царь и предводитель воинства Израильтянъ,—помышленій и чувствованій Богослужебныхъ, когда возметъ градъ и грады иноплеменниковъ; тогда воз-

вращается во Іерусалимъ со всѣми Израильтянами своими,— въ градъ мира (Іерусалимъ—значитъ „градъ мира"), откуда выводила его война съ иноплеменниками. На главѣ его вѣнецъ Малхома—разумъ дѣятельный, пріобрѣтенный имъ на брани съ грѣховными начинаніями,—въ ея подвигахъ, трудностяхъ, несчастіяхъ и торжествахъ; съ нимъ—„корысть многа зѣло"—опыты драгоцѣнные, могущіе препитывать, поддерживать его на будущее время, поддерживать и препитывать совѣтующихся съ нимъ. Талантъ вѣсу въ златомъ вѣнцѣ, пріобрѣтенномъ Давидомъ: тяжеловѣсенъ драгоцѣнный разумъ дѣятельный; богатый опытностію, онъ не колеблется, не увлекается всякимъ являющимся уму помысломъ, но съ недовѣрчивостію разсматриваетъ, испытываетъ его, хотя бы онъ и казался благимъ. Такъ Іисусъ Навинъ, военачальникъ Израильскій, вопрошалъ представшаго внезапно предъ нимъ неизвѣстнаго витязя, хотя то былъ Ангелъ: „*нашъ-ли еси, или отъ сопостатъ нашихъ*" (Іис. Нав. 5, 13).

Конецъ слова, заключеннаго въ предѣлахъ совѣта: если случится пасть, побѣдиться, увлечься, обмануться, согрѣшить предъ Богомъ—не предавайся унынію, малодушію. Тотъ-же прообразовательный Ветхій Завѣтъ говоритъ: „*сице да речеши ко Іоаву* (вождю Израильтянъ), *да не будетъ зло предъ очима твоима слово сіе, яко овогда убо сице, овогда же инако поядаетъ мечъ; укрѣпи брань*" (2 Цар. 11, 25). Будь снисходителенъ къ себѣ, не засуждай себя. При побѣжденіяхъ прибѣгай къ Богу съ раскаяніемъ,—и простится тебѣ побѣжденіе твое; а ты снова за мечъ, и на сѣчу:—„*Укрѣпи брань!*"—Упорною, постоянною войною возьми градъ!—Господь пришелъ призвать грѣшниковъ на покаяніе, а не для праведниковъ!—Ты уподобляешь себя слѣпцу Евангельскому, вопіющему вслѣдъ Спасителя и возбраняемому... „*Возстани, дерзай:* Божественный Учитель *зоветъ тя... Вѣра твоя спасе тя*" (Марк. 10, 49. 52).

Письмо XC

къ брату, занимающемуся умною молитвою.

На слова письма твоего: „возьми меня, добрый пастырь, и причти къ овцамъ твоего стада", отвѣтъ мой: „примя меня,

ближній мой, въ услуженіе тебѣ на пути твоемъ ко Христу".

Такъ отвѣчать научаетъ меня святый Апостолъ Павелъ. Онъ написалъ Коринѳянамъ: „*не себе проповѣдаемъ, но Христа Іисуса Господа, себе же самыхъ рабовъ вамъ Іисуса Господа ради*" (2 Кор. 4, 5).—Не себя проповѣдую! Нѣтъ!.. Сохрани Боже!.. Пусть стою въ сторонѣ! Такъ стоять, извѣщается моему сердцу, пріятно ему. Довольно, если указывая тебѣ на Мессію, сподоблюсь говорить: „*Се Агнецъ Божій, вземляй грѣхи міра* (Іоан. 1, 29), *вторый человѣкъ Адамъ, Господь съ небесе*" (1 Кор. 15, 47. 47). „*Облекохомся во образъ перстнаго*" рожденіемъ невольнымъ по плоти, „*облечемся и во образъ небеснаго*", уже невѣдомо во младенчествѣ, облеченные въ этотъ образъ крещеніемъ, разоблаченные жительствомъ нерадивымъ,—облечемся снова покаяніемъ и жительствомъ по Евангельскимъ заповѣдямъ. Исполнимъ слова Господа, Который повелѣлъ ученикамъ Своимъ: „*не нарицайте учителя, не зовите отца на земли, не нарицайте наставницы; вси же вы братія есте*" (Матѳ. 23, 8. 9. 10). Соблюдемъ взаимную мертвость, говоря другъ о другѣ Богу: „Твое Тебѣ,—и да пребываетъ Твоимъ"! Люди, оживая безумно другъ для друга, оживая душевною глупою привязанностію, умираютъ для Бога, а изъ пепла блаженной мертвости, которая—ради Бога, возникаетъ, какъ златокрылый фениксъ, любовь духовная.

Истинное послушаніе—послушаніе Богу, единому Богу. Тотъ, кто не можетъ одинъ, самъ собою, подчиниться этому послушанію, беретъ себѣ въ помощники человѣка, которому послушаніе Богу болѣе знакомо. А не могутъ—люди съ сильными порывами: потому что порывы уносятъ ихъ. Св. Іоаннъ Лѣствичникъ сказалъ: „Отцы опредѣлили, что псалмопѣніе—оружіе, молитва—стѣна, непорочная слеза—умывальница, а блаженное послушаніе—исповѣдничество, безъ котораго никто изъ страстныхъ не узритъ Господа" (Степ. 4). Если же руководитель начнетъ искать послушаніе себѣ, а не Богу,—не достоинъ онъ быть руководителемъ ближняго!—Онъ не слуга Божій!—Слуга діавола, его орудіе, его сѣть! „Не будите раби человѣкомъ" (1. Кор. 7, 23),—завѣщаваетъ Апостолъ.

Пребываніе твое съ родителемъ твоимъ по плоти, служе-

ніе ему, разумѣется, должно остаться, какъ оно теперь есть. Заповѣдано инокамъ удаленіе отъ родителей, когда родители влекутъ въ міръ, отвлекаютъ отъ Христа; но когда они содѣйствуютъ нашимъ благимъ намѣреніямъ, когда они больны, безпомощны,—нуждаются въ рукѣ нашей,—тогда-ли отнять эту руку? Тогда помощь и служеніе имъ причисляются къ иноческимъ добродѣтелямъ, одобрены и похвалены Святыми Отцами. (Преп. Кассіанъ Римлянинъ).—Все духовное преуспѣяніе заключается въ томъ, чтобъ сердце, отрекшись перемѣнчивыхъ, безтолковыхъ законовъ,—правильнѣе,—беззаконія своей воли, приняло законы Евангелія, всюду подчинялось имъ. Истинное послушаніе—въ умѣ и сердцѣ. Тамъ и самоотверженіе! Тамъ и ножъ, о которомъ повелѣло Евангеліе ученику своему: „*да продастъ ризу свою и купитъ ножъ*“ (Лук.). Риза — нѣжность, удовлетвореніе пріятныхъ чувствъ сердечныхъ по плоти и крови.

Такое понятіе о послушаніи, самоотверженіи, духовномъ преуспѣяніи оставляетъ наружное поведеніе въ полной свободѣ. Да благословитъ Богъ пребываніе твое всюду, гдѣ бы ты ни былъ, когда сохранишь цѣль Богоугожденія. Да благословитъ Богъ всѣ входы твои и исходы, если входить и исходить будешь съ этою цѣлію! „*Господня земля и исполненіе ея; на всякомъ мѣстѣ владычествія Его. Тѣмже и тщимся, аще входяще, аще отходяще, благоугодни Ему быти*“ (2 Кор. 5, 9). Никакое мѣсто въ глазахъ моихъ не имѣетъ особенной важности; а жизнь ради Бога на всякомъ мѣстѣ безцѣнна.

Начну же говорить недосказанное въ прежнихъ письмахъ... Ты не совсѣмъ угадалъ,—что мною было недосказано!.. Пріѣхавъ къ вамъ въ обитель, увидѣвъ тебя, я тотчасъ ощутилъ, что тутъ—не твое мѣсто; сердце мое было недовольно, что ты тутъ. Но сказать тебѣ это я былъ не вправѣ до сей минуты, когда ты далъ мнѣ право на откровенность, завоевавъ ее своимъ самоотверженіемъ.—Странникъ обязанъ приносить миръ всюду, куда онъ ни входитъ, и оставлять миръ.—Нужно тебѣ мѣсто и настоятель, которые бы доставили,—не намѣренно, по договору, но по естественному общему ходу,—свободу уму твоему идти по пути, который Богъ благоволитъ указать ему. Богъ да благословитъ твое намѣреніе и да даруетъ привести его въ исполненіе къ душевной твоей пользѣ и къ успокоенію стражду-

щаго родителя твоего. Только поступи основательно, спокойно, неторопливо, часто моля Бога привести тебя туда, куда Ему угодно. Уже ты испыталъ, каково кинуться въ воду, не измѣрявъ напередъ броду. И не позволь себѣ при твоемъ изшествіи никакихъ поступковъ и словъ, которыми было оскорблено, нарушено святое смиреніе. Молчаніе лучше лучшихъ словъ. Выдь, какъ непотребный и грѣшный отъ честныхъ и святыхъ. Тогда рука Божія будетъ съ тобою, рука, которая ведетъ и поддерживаетъ смиренныхъ,—караетъ и сокрушаетъ гордыхъ. Желаю, чтобы всюду поведеніемъ твоимъ благовѣствовалось Евангеліе!—Этого желаю непремѣнно! Здѣсь являю власть ради Бога: окажи послушаніе ради Бога.

Думаю: при избраніи новаго мѣста надо имѣть тебѣ въ виду, чтобъ однажды въ годъ или по крайней мѣрѣ въ два года, можно было тебѣ имѣть личное со мною свиданіе и бесѣду. Такъ дѣлаютъ нѣкоторые иноки, по обстоятельствамъ живущіе въ другихъ обителяхъ, а по извѣщенію сердечному руководствующіеся моими совѣтами. Скудость въ духовныхъ свѣдѣніяхъ, которую я увидѣлъ въ обители вашей, поразила меня! Но гдѣ, въ какомъ монастырѣ и не поражала она? Свѣтскіе люди, заимствующіе окормленіе духовное въ Сергіевой Пустынѣ, имѣютъ свѣдѣнія несравненно большія и опредѣлительныя, нежели эти жители монастырей. Это увидишь собственными очами. Живемъ въ трудное время! „Оскуде преподобный отъ земли, умалишаяся правды отъ сыновъ человѣческихъ“! Насталъ гладъ слова Божія! Ключи разумѣнія у книжниковъ и фарисеевъ!—Сами не входятъ и возбраняютъ входъ другимъ! Христіанство и монашество при послѣднемъ ихъ издыханіи! Образъ благочестія кое-какъ, наиболѣе лицемѣрно, поддерживается; отъ силы благочестія отреклись, отверглись люди! Надо плакать и молчать.

Ничѣмъ наружнымъ не связываю тебя. Дѣлай, что признаешь за лучшее для своихъ обстоятельствъ: на всемъ, что ни предпримешь съ благою цѣлію, буди благословеніе Божіе. У меня нѣтъ *своего* благословенія; благословляю призываніемъ благословенія Божія.

Для соображенія нужно тебѣ имѣть понятіе о моихъ обстоятельствахъ. Я на нихъ кивнулъ головой, махнулъ ру-

кой! Да будетъ со мною какъ угодно Богу! Разсматривая состояніе и потребности души моей, я признавалъ нужнымъ мнѣ безмолвіе, глубокое безмолвіе, внѣ всякой внѣшней земной должности, служа ближнимъ служеніемъ слова. Прошлой зимой я думалъ видѣть указаніе воли Божіей къ уединенію въ крайней болѣзненности моей и прочихъ обстоятельствахъ. Съ молитвою: „не моя, но Твоя воля да будетъ“, подалъ я просьбу объ увольненіи меня моему начальству и письмо о томъ-же Государю Императору. Сначала дѣло наклонялось къ увольненію меня; но внезапно поворотилось иначе. Государь лично изъявилъ мнѣ свое желаніе, чтобъ я возвратился въ Сергіеву Пустыню,—и полагаю, что должно туда возвратиться. Такое у меня сердечное чувство. Но инъ судъ человѣческій, инъ Божій.

Благодарю тебя за то, что ты остановился излить сожалѣніе о болѣзни моей: этимъ угодилъ мнѣ! Вижу, что изъ тебя будетъ толкъ! Не люблю жесткаго сердца отъ грубости, отъ недостатка любви къ ближнему; но не люблю и плотски чувствительнаго, тающаго въ нѣжностяхъ... Знаешь-ли что нѣжность лукава?.. Я по природѣ съ сильнымъ чувствительнымъ сердцемъ, какъ и ты; потому не охотникъ позволять сердцу моему разслабленіе нѣжностію. Евангеліе научило меня, что сердце слабое неспособно къ Христіанскимъ добродѣтелямъ, что нужно его скрѣпить вѣрою, самоотверженіемъ, сдѣлать героемъ при посредствѣ внутреннихъ бореній и побѣдъ... Побѣды дѣлаютъ сердце героемъ!.. За побѣды нисходитъ въ него святая вѣра, живая вѣра, сильная вѣра!.. Насади и воспитай въ себѣ мертвость ко мнѣ. Что бы непріятное ты ни услышалъ о мнѣ,—говори: „Однажды навсегда я отдалъ его Богу—и отдаю: да совершается надъ нимъ воля Божія“.

Въ послѣдней статьѣ письма твоего говоришь: „О, еслибъ я могъ служить вамъ въ видѣ домашняго животнаго всякимъ родомъ службы какой только доступенъ мнѣ“.—Съ пріятною улыбкою на устахъ и въ сердцѣ отвѣчаю: кажется твое желаніе исполнитъ Богъ. Онъ такъ и устроилъ, чтобъ тебѣ быть въ одномъ дѣлѣ со мною... Не помню съ котораго времени,—а очень, очень давно,—мнѣ особенно нравились слова Апостоловъ: „Не угодно есть намъ оставльшимъ слово Божіе, служити трапезамъ... мы въ молитвѣ и служе-

нiи Слова пребудемъ“ (Дѣян. 6, 4). Служеніе братiи Словомъ Божiимъ!.. Какою восхитительною, насладительною картиною представлялось очамъ души моей это служеніе!.. „Ни одинъ нашъ даръ“, сказалъ святый Іоаннъ Лѣствичникъ: „столько не благопрiятенъ Богу, какъ приношеніе Ему словесной души покаяніемъ. Весь видимый міръ не равночестенъ одной душѣ: онъ преходитъ, а она нетлѣнна, и пребываетъ во вѣки“. Что-же?—Безконечно милосердый Богъ подалъ мнѣ въ руки это служеніе!—Не только подалъ мнѣ въ руки но и извѣщаетъ многимъ душамъ искать отъ меня этого служенiя! Теперь все время мое взято этимъ служеніемъ. Какъ утѣшительно перекликаются со мною многія души среди таинственной ночи міра сего съ различныхъ странъ своихъ!—иная съ одра болѣзни, другая изъ изгнанія, иная съ берегу Волхова, иная съ берегу Двины, иная съ поля Бородинскаго, иная изъ хижины, иная изъ Дворца Царскаго. Душа, гдѣ бы она ни была поставлена, если не убита нечувствіемъ, вездѣ ощущаетъ нужду въ словѣ Божiемъ, вездѣ паденіе гнететъ ее, давитъ. Произношу Слово Божіе въ бесѣдахъ личныхъ, пишу его въ бесѣдахъ заочныхъ,—составляю нѣкоторыя книги, которыя могли бы удовлетворить нуждамъ нынѣшняго Христiанства, служить при нынѣшнемъ голодѣ какимъ-нибудь утѣшеніемъ и наставленiемъ. Отъ служенія Слову раздается въ душѣ моей какой-то неизреченно-радостный голосъ удостовѣренія въ спасеніи... Твой жребій: принять участіе въ моемъ служеніи, и ту мзду Духа, которая будетъ выдана по несказанной милости Божіей за это служеніе, раздѣлить со мною.—Удовлетворенъ-ли ты?.. Нѣсколько времени,—какъ стала мнѣ приходить мысль: великопостная служба столько заключаетъ въ пѣснопѣніяхъ своихъ глубокой поэзіи, которою говоритъ душа, проникнутая святымъ покаяніемъ, что могла бы быть составлена особенная книга великопостныхъ вдохновеній въ поэтическомъ порядкѣ, съ поэтическимъ построеніемъ. Предметы этихъ пѣснопѣній именно тѣ, которыя душа твоя въ настоящемъ ея устроеніи способна правильно, полно ощутить,—потому удовлетворительно, опредѣлительно выразить. Но рѣшеніе этого дѣла—до личнаго свиданія. О немъ надо много, основательно потолковать.

Пишешь, что тонкій помыслъ тебѣ внушаетъ искать соб-

ственно „моего“ ученія. Вижу: такое твое призваніе. По вѣрѣ твоей да будетъ тебѣ. И я тебѣ этого желаю: да даруетъ тебѣ Богъ наслѣдовать „вѣрою“ сокровище духовное.

Наконецъ—прими мое поздравленіе: привѣтствую тебя со вступленіемъ въ правильный родъ иноческой жизни, отъ котораго получишь систематическое духовное воспитаніе. Такое воспитаніе—неоцѣненное благо; — доставляемое имъ устроеніе душевное далеко отстоитъ отъ устроенія, хотя и похвальнаго, но пріобрѣтаемаго самоучкою, въ жительствѣ самочинномъ. Осяжи сердце твое! Не раздается-ли въ немъ чувство легости, свободы, радости, извѣщенія? Такія бываютъ ощущенія въ душѣ, когда она получитъ даръ свыше. Ты получилъ его, принялъ рукою вѣры. Начинай, Израиль, наслѣдовать землю обѣтованную! (Второз. 2, 31). Христосъ съ тобою!

Письмо XCI

къ брату, занимающемуся умною молитвою.

Положивъ въ недостойную мою руку, какъ руку освященную, твой умъ и сердце для принесенія ихъ при посредствѣ этой руки, въ жертву Богу; пожелавъ собственно „моего ученія“, чего уже и я тебѣ желаю,—ты пріобрѣлъ право получить, а я вмѣняю себѣ въ обязанность тебѣ доставить краткій отчетъ моей жизни, жизни ума и сердца. Взгляни на то, чему, не видѣвъ, увѣровалъ,—чего, не видѣвъ и не знавъ, пожелалъ, водимый непостижимымъ чувствомъ сердца, призваніемъ! Присылаю думу, которую я назвалъ „плачъ мой“, а написалъ прошедшею зимою, полагая, что указывается мнѣ отшествіе изъ Сергіевой Пустыни и даруется безцѣнное безмолвіе... Можетъ быть дѣло и идетъ къ тому!.. Вѣрнѣе:—плакать о грѣхахъ на уединенномъ берегу Волги, нежели предаваться молвамъ, скопившимся со всей Россіи на берега Невы.

Получилъ отъ твоего Настоятеля тетрадь твоихъ стихотвореній. Зачѣмъ мнѣ прислали ее?... Неужели я скажу на вѣтеръ, скажу кому нибудь кромѣ автора, кромѣ кого-либо могущаго и нуждающагося понять дѣло, мое мнѣніе о какомъ бы то ни было сочиненіи?... Впрочемъ я прочиталъ ее;—уви-

дѣлъ ни болѣе, ни менѣе, какъ то-же, что увидѣлъ при первомъ знакомствѣ съ тобою, съ твоею душею. Мое первое знакомство съ твоею душею,—въ Петербургѣ, въ Сергіевой Пустынѣ, въ моемъ кабинетѣ, когда я прочиталъ нѣкоторыя твои стихотворенія. Первое впечатлѣніе, произведенное на меня твоею душею, остается неизмѣненнымъ, самымъ живымъ,—болѣе объяснилось, утвердилось. Впечатлѣніе было вѣрное, какъ вѣренъ ты. „Гдѣ этотъ человѣчикъ?—(такое имя дало тебѣ мое впечатлѣніе!) Онъ непремѣнно житель или будетъ жителемъ святой обители!“ Въ душѣ его услышалъ я глубокое, истинное призваніе къ Богу. Это призваніе отдалось чѣмъ-то знакомымъ.—Пріѣзжаю къ вамъ въ обитель; неожиданно называютъ, указываютъ мнѣ тебя;—гляжу: „да—это тотъ самый человѣчикъ!“... Я глядѣлъ на душу; для лица и для всего вещественнаго я—точно безъ глазъ. Черты физіономій какъ разъ забываю; черты души, и самыя тонкія, остаются запечатлѣнными въ памяти.

Увидишь изъ прилагаемой статьи, что твое давнее призваніе (такъ устроилъ насъ Создатель-Богъ!): послѣдовать и наслѣдовать мнѣ, тому моему, что не мое собственно,—усвоилось мнѣ по великой милости Господа, хотя я и вполнѣ недостоинъ такой милости. Мнѣ нравятся тѣ твои сочиненія, которыя вижу въ утѣшающей меня дали твоего будущаго. Я угадываю твои будущія сочиненія по настоящимъ: душа, какъ выказывающаяся при ея собственномъ свѣтѣ и вдохновеніи, отъ которыхъ еще несетъ плотскимъ разумомъ и чувствомъ,—удовлетворитъ меня, когда по очищеніи отъ этого сору и смраду, будетъ высказываться при вдохновеніи и свѣтѣ Христомъ.

Хорошо сдѣлалъ, — такъ и впредь дѣлай,—что описалъ мнѣ ясно происшедшее въ тебѣ дѣйствіе при прочтеніи „немилостивыхъ словъ“.—Точно: это было нервное состояніе (ты уже это смекнулъ!) это было чувство плоти, увидѣвшей, что ей приготовляется распятіе; это дѣйствіе плотскаго разума, когда этотъ разумъ видитъ предстоящую ему смерть на крестѣ вѣры.

Письмо XCII

къ тому-же.

4 Дек. 1847 года.

2-го Декабря получилъ я письмо твое; а на 30 Ноября видѣлъ тебя во снѣ. И вотъ—какой былъ сонъ мой: вижу—въ рукахъ моихъ какая-то вновь-изданная книга, похожая форматомъ на посланную тебѣ мною „стихотворенія Св. Григорія Богослова“; только печать ея покрупнѣе,—какъ-бы печать брошюрки „Валаамскій монастырь“. Холодно, безъ вниманія перебираю листы книги,—останавливаюсь на какой-то статьѣ, узнаю: это твои новыя сочиненія, существующія въ моемъ предчувствіи!—много тутъ мыслей, цѣлыхъ тирадъ изъ нашей переписки. Съ сердечнымъ интересомъ и утѣшеніемъ, начинаю разсматривать, читать книгу; въ ней все мнѣ такъ—нравится! Вдругъ предо мною картинка, премиленькая, пречистенькая картинка, какъ-бы живая,—съ движеніемъ! Смотрю: — вашъ монастырь; предъ нимъ тихое, покойное, уединенное поле. По полю идешь ты въ послушническомъ подрясникѣ, съ шапочкой на головѣ. На встрѣчу тебѣ, отъ монастыря ѣдетъ на конѣ Божія Матерь, подобно тому, какъ Господь, Сынъ Ея, въѣзжалъ въ Іерусалимъ на жребяти осли. Поровнявшись съ тобою, Она остановилась, благосклонно обратилась къ тебѣ, благословила тебя, говоритъ такъ милостиво, свято, мирно: „Ты будешь жить въ.....; тебѣ здѣсь не утѣшиться“.—При этомъ разлилась въ сердцѣ моемъ необыкновенная пріятность; отъ сильнаго ея дѣйствія я проснулся,—и чувствую: та-же пріятность, которую ощущалъ я во снѣ, сладитъ душу мою на яву. Гдѣ тебѣ жить ускользнуло отъ слуха моего... въ вѣрѣ!—но, что ты подъ кровомъ и попеченіемъ Божіей Матери, меня несказанно радуетъ. „Благослови душе моя Господа и вся внутренняя моя имя святое Его“.

Въ этомъ снѣ мнѣ все—по мысли. Сущность его: слова кротчайшія и милостивѣйшія Богоматери. Ими не осужденъ монастырь, не осужденъ и ты: все покрыто Божественнымъ снисхожденіемъ. Чудно и мудро ускользнуло отъ слуха названіе мѣста, опредѣленнаго тебѣ въ жительство. Этимъ умолчаніемъ оставляется сердце въ свободѣ. Весь сонъ—только утѣшаетъ.

Милость Божія посѣтила тебя въ день пріобщенія св. Христовыхъ Таинъ. Это было истинное утѣшеніе, утѣшеніе начальное, объемлющее поверхность ума; дальнѣйшія утѣшенія, которыя тебя ожидаютъ по благости Божіей, будутъ гораздо глубже. Понялъ-ли ты, какъ оно уняло кровь, какое разстояніе между имъ и кровянымъ восторгомъ, которымъ жалко тѣшатъ себя самообольщенные? Вкушеніе утѣшенія начнетъ мало по малу просвѣщать умъ твой познаніемъ Божественнымъ. Отъ вкушенія—просвѣщеніе и разумъ духовный: „вкусите и видите, яко благъ Господь“, говоритъ Писаніе.—Ты хранишь мою тайну,—и храни ее: этимъ дашь свободу моему сердцу быть откровеннымъ съ тобою, вполнѣ свободнымъ;—съ другими открывается соразмѣрно имъ. Родство по плоти не имѣетъ ни какихъ правъ на связи и отношенія духовныя,—развѣ сдѣлается этого достойнымъ, породнившись о Господѣ духомъ. Оставляй меня такимъ, какимъ мнѣ велитъ быть сердце мое. Въ откровенности моей предъ тобою нѣтъ ничего премудраго и разумнаго,—одно,—дерзаю сказать—невинное, утѣшительное въ Богѣ. Съ этою откровенностію говорю слѣдующее: хотя я весь погруженъ въ страстяхъ, но молилъ Бога, признавая эту молитву сообразною волѣ Божіей: „Господи! даруй Леониду ощутить духовное утѣшеніе, чтобъ вѣра его содѣлалась вѣрою живою, — вѣрою отъ извѣщенія сердечнаго, не отъ одного слуха.“—Какъ и ты—я слабъ на языкъ; непрестанно падаю имъ, хотя непрестанно болѣе и болѣе убѣждаюсь въ достоинствѣ молчанія. По этой слабости недѣли двѣ тому назадъ повторилъ С.: „слышу сердцемъ моимъ, какъ въ Леонидѣ дѣйствуетъ утѣшеніе“. Получивъ письмо твое, я показалъ ему тѣ твои строки, въ которыхъ написано о утѣшеніи, чтобъ онъ и этотъ случай приложилъ къ прочимъ своимъ опытамъ, полезнымъ для души его. Храни утѣшеніе, и не позволяй уму твоему вдаваться въ мечтанія. Утѣшеніе сперва дѣйствуетъ на умъ, обновляя мысли; а онъ, почувствовавъ оживленіе, охотно вдается по неопытности своей въ мечтательность,—и въ ней безплодно и безразсудно истощаетъ дарованную ему сладость. Сказываетъ-ли тебѣ это сердце твое? Вѣдь—оно говоритъ, только мы не вдругъ навыкаемъ разслушивать голосъ его. При утѣшеніи вдавайся болѣе въ благодареніе, въ молитву и самоукореніе: утѣшеніе будетъ

возрастать и возрастать. Я желалъ для тебя, чтобъ ты былъ причастникомъ блаженной трапезы утѣшенія духовнаго: вкусившій ея содѣлывается мертвымъ для міра, стяжеваетъ особенную силу къ совершенію пути духовнаго. Такъ святый пророкъ Илія, по вкушеніи пищи, принесенной ему Ангеломъ Господнимъ, „иде въ крѣпости яди тоя четыредесятъ дней, и четыредесять нощей до горы Божія Хоривъ“ (3 Царст. 19, 8⁰), тамъ сподобился сперва явственнѣйшей бесѣды съ Господомъ, а потомъ и совершеннѣйшаго Боговидѣнія „во гласѣ хлада тонка“ (тамъ-же ст. 12). Эти утѣшенія—таинственная манна, названная въ Писаніи „хлѣбомъ небеснымъ“ (Псал. 77, 24), препитывающая новыхъ Израильтянъ—христіанъ—во время путешествія ихъ по пустынѣ—во время странствованія земнаго. Эти утѣшенія—„манна сокровенная“ (Апок. 2, 17). Апокалипсиса, о которой сказалъ, явившійся Іоанну Богослову, Сынъ Божій: „побѣждающему дамъ ясти отъ манны сокровенныя“.—Она—точно „сокровенная“: незрима человѣками; ее видитъ подающій Богъ,—видитъ невидимо, видитъ ощущеніемъ пріемлющій рабъ Божій. Таковый рабъ Божій, пребывая во множествѣ людей, пребываетъ одинъ съ единымъ Богомъ, видимый и невидимый, знаемый и никому невѣдомый. Теперь скажи: хорошо-ли быть однимъ? Теперь скажи: каковъ тотъ приговоръ, которымъ я на тебя грянулъ: „ты долженъ быть одинъ“? Приговоръ смерти и жизни! Только минуты перехода трудны; когда же вкусишь жизнь,—смерть ни-по-чемъ! Такъ-ли герои!... Трапеза духовнаго утѣшенія—какъ пища и вмѣстѣ какъ отрава! Кто вкуситъ ея,—теряетъ живое чувство ко всему вожделѣнному мірскому. Все, многоуважаемое міромъ, начинаетъ казаться ему пустою, отвратительною пылью, смрадною мертвечиною.

Очень пріятно мнѣ, что спутникомъ твоимъ приходится быть N.—Расположеніе къ тебѣ этого старца—даръ Божій. Дары Божіи надо содержать въ чистотѣ. Пойми: Христосъ-Законоположитель любви—заповѣдалъ отреченіе не отъ любви, а отъ пристрастія, этого недуга, искаженія любви. Имѣй любовь ко всѣмъ, въ особенности къ рабамъ Божіимъ; а пристрастіе врачуй, ограждайся отъ него, отреченіемъ отъ твари—отъ меня и отъ всякой другой—преданіемъ твари Творцу. Не усвояй себѣ тварь; не усвояй себя твари; при-

носи свою свободу въ жертву единому Богу. При такомъ самоотверженіи и отреченіи отъ всего, или во всемъ отъ самости, возможешь имѣть духовную любовь ко всякому ближнему, возможешь имѣть много и многихъ—Богомъ, въ Богѣ,—и вмѣстѣ пребывать въ нестяжаніи и безстрастіи, въ священномъ безмолвіи и уединеніи о Господѣ.

Въ молитвенномъ подвигѣ будь свободенъ. Поступай, какъ привыкъ поступать; вкушай то, что тебѣ по вкусу, что тебя питаетъ, удовлетворяетъ. Не гоняйся за количествомъ молитвословій, а за качествомъ ихъ, т. е. чтобъ онѣ произносимы были со вниманіемъ и страхомъ Божіимъ. Дальнѣйшее покажутъ время и состояніе души твоей... Леонидъ! ты счастливѣе меня! Завидую тебѣ! Когда я поступилъ въ монастырь,—ни отъ кого не слыхалъ ничего основательнаго, опредѣлительнаго. Бьюсь двадцать лѣтъ, какъ рыба объ ледъ! Теперь вижу нѣсколько дѣланіе иноческое; но со всѣхъ сторонъ меня удерживаютъ, не впускаютъ въ него.... Живемъ въ ужасное время: въ преддверіяхъ развязки всему.

Прочитай книгу „Цвѣтникъ“. Тамъ много сказано о тѣлесныхъ подвигахъ; въ нихъ явлено самоотверженіе, что вполнѣ справедливо, истинно. Книга эта для преуспѣвшихъ уже иноковъ; это увидишь, это говоритъ и самъ писатель. Всякая книга, хотя бы исполненная благодати Духа, но написанная на бумагѣ, а не на живыхъ скрижаляхъ имѣетъ много мертвости: не примѣняется къ читающему ее человѣку! Потому-то живая книга—безцѣнна! Тебѣ надо умѣренною наружною жизнію сохранить тѣло въ ровности и здравіи, а самоотверженіе явить въ отверженіи всѣхъ помышленій и ощущеніи противныхъ Евангелію. Нарушеніе ровности нарушитъ весь порядокъ и всю однообразность въ занятіяхъ, которыя необходимы для подвижника. „Плоть и кровь“ не въ плоти и крови собственно, а въ плотскомъ мудрованіи. Оно поставляетъ душу подъ вліяніе, власть плоти и крови, а плоть и кровь подъ полную власть и управленіе грѣха. И тѣла святыхъ имѣли плоть и кровь, но свергшія яремъ грѣха мудрованіемъ духовнымъ, вступившіе подъ управленіе и вліяніе Святаго Духа. Иные такъ устроены Создателемъ, что должны суровымъ постомъ и прочими подвигами остановить дѣйствіе своихъ сильныхъ плоти и крови, тѣмъ дать возможность душѣ дѣйствовать. Другіе

вовсе не способны къ тѣлеснымъ подвигамъ: все должны выработать умомъ; у нихъ душа, сама по себѣ, безъ всякаго предуготовленія, находится въ непрестанной дѣятельности. Ей слѣдуетъ только взяться за оружія духовныя. Богъ является человѣку въ чистотѣ мысленной, достигъ-ли ее человѣкъ подвигомъ тѣлеснымъ и душевнымъ, или однимъ душевнымъ. Душевный подвигъ можетъ и одинъ, безъ тѣлеснаго, совершить очищеніе; тѣлесный же, если не перейдетъ въ душевный,—совершенно безплоденъ,—болѣе вреденъ, чѣмъ полезенъ: удовлетворяя человѣка, не допускаетъ его смириться, напротивъ того приводитъ въ высокое мнѣніе о себѣ, какъ о подвижникѣ, не подобномъ прочимъ немощнымъ человѣкамъ. Впрочемъ подвигъ тѣлесный, совершаемый съ истиннымъ духовнымъ разсужденіемъ, необходимъ для всѣхъ одаренныхъ здоровымъ и сильнымъ тѣлосложеніемъ, съ него начинать—общее правило иноческое. Большая часть труженниковъ Христовыхъ, уже по долговременномъ упражненіи и укорененіи въ немъ, начинаютъ понимать умственный подвигъ, который непремѣнно долженъ увѣнчать и подвизающагося тѣлесно, безъ чего тѣлесный подвижникъ,—какъ древо безъ плодовъ, съ одними листьями. Мнѣ и тебѣ нуженъ другой путь: относительно тѣла—намъ надобно хранить и хранить благоразумную ровность, не изнурять силъ тѣлесныхъ, которыя недостаточны для несенія общихъ подвиговъ иночества. Все вниманіе наше должно быть обращено на умъ и сердце: умъ и сердце должны быть выправлены по Евангелію. Если же будемъ изнурять тѣлесныя силы по пустой, кровяной ревности къ тѣлеснымъ подвигамъ; то умъ ослабѣетъ въ брани съ духами воздушными, міродержителями тьмы вѣка сего, поднебесными, падшими силами, ангелами, сверженными съ неба. Умъ долженъ будетъ ради немощи тѣла оставить многія, сильныя, существенно необходимыя ему оружія,—и потерпѣть безмѣрный ущербъ. Говорю тебѣ испытанное на самомъ дѣлѣ, познанное изъ горькихъ опытовъ. Когда я былъ юношею,—все это говорило мнѣ сердце мое,—не такъ ясно, не опредѣлительно,—но говорило. Другаго голоса, другаго свидѣтеля, который бы подтвердилъ, объяснилъ свидѣтельство сердца—не было. И не устоялъ, неподдержанный никѣмъ, глаголъ моего сердца предъ умомъ моимъ! Не умѣлъ

я слушать моего сердца! Страшнымъ, опаснымъ казалось мнѣ слушать его! Тонокъ, таинственъ его голосъ!... Старцы, общею молвою прославленные, какъ одаренные духовнымъ разсужденіемъ, говорили другое, издавали другое мнѣніе объ этихъ предметахъ, не такъ, какъ я понималъ и видѣлъ ихъ. Всегда я себѣ не вѣрилъ: мысль слабая, увертка ума въ другомъ казались мнѣ предпочтительнѣе моей мысли, прямой и сильной. Много времени протекло въ такомъ состояніи; не много лѣтъ, какъ я отказался, освобожденъ отъ послѣдованія мнѣніямъ другихъ;—встрѣчаю приходящее къ уму моему мнѣніе человѣка и книги не какъ страннолюбецъ гостепріимный и привѣтливый; но какъ строгій судія, какъ привратникъ, хранитель чертога, облеченный въ этотъ санъ милостію Всемилостиваго Бога моего, послѣ безчисленныхъ, смертныхъ, долговременныхъ язвъ и страданій. Въ этомъ санѣ привратника стою—у вратъ души твоей. Мое—твое. Мнѣ данное туне послѣ лютыхъ ударовъ ты взялъ туне вѣрою. Христосъ—подающій. Ему Единому слава! Аминь.

Сообщилъ Іеромонахъ Игнатій (Садковскій).

БИБЛИОТЕКА
СВЯТО-ТРОИЦКОЙ
АКАДЕМІИ